

P 110
291

4957

Изъ книгъ
ЗАСЛУЖЕННАГО ПРОФЕССОРА
ПРОТОИЕРЕЯ
Д. О. НАСИЦЫНА.

№ 115

Р 110
291

ВѢНОКЪ

НА МОГИЛУ

ПРОТОИЕРЕЯ И. И. ХИТРСКИ.

N. N.

МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.
1901.

ВѢНОКЪ НА МОГИЛУ ПРОТОІЕРЕА М. І. ХИТРОВА.

I.

Въ іюньской книжкѣ *Душеполезнаго Чтенія* уже была помѣщена статья, посвященная памяти протоіеря Михаила Ивановича Хитрова. Но мы увѣрены, что постоянные читатели наши не посѣгутъ на насъ, если мы еще разъ остановимъ ихъ вниманіе на личности незабвеннаго со-трудника нашего, произведенія котораго они привыкли встрѣчать почти въ каждомъ выпускѣ нашего изданія. Въдѣ въ произведеніяхъ писателя сказывается его душа и безъ знакомства съ нею не полнѣе было бы и самое пониманіе его произведеній. Мы не говоримъ уже о томъ, что и самъ по себѣ, своею духовною личностію, о. Михаилъ можетъ представить большой интересъ, какъ типъ человѣка, сумѣвшаго гармонически сочетать въ себѣ широкое гуманистическое образованіе, вынесенное имъ изъ стѣнъ Московскаго университета, со всѣми лучшими заветами нашей сѣверо-русской старины, — типъ, которому, несомнѣнно, принадлежитъ будущее Россіи.

О. Михаилъ родился 4 сентября 1851 года. По происхожденію своему онъ принадлежалъ къ духовному сословію и первоначальное образованіе получилъ въ Перервинскомъ духовномъ училищѣ подъ Москвою. Вотъ что онъ самъ рассказывалъ о своемъ дѣтствѣ впоследствии въ быт-

ность свою исповторюъ Физаретовскаго Епархіальнаго Училища въ Москвѣ.

«И родился старшимъ сыномъ сельскаго дьякона на поминарской запискѣ, названнаго 13 человекъ дѣтей. Помяните мнѣ, какъ око далекой старины, что мой отецъ получалъ, по точной запискѣ, пятьдесятъ пять рублей съ копѣеками ежегоднаго дохода... Съ тѣхъ поръ, съ поры моего дѣтства прошли десятилѣтія, Устроившись въ городъ, я было уже позабылъ тяжелыя условія, среди которыхъ началась моя жизнь. Но вотъ, по волѣ Провидѣнія, мнѣ пришлось служить въ Физаретовскомъ училищѣ,—и разомъ воскресла у меня въ памяти моя дѣтскіе и отроческіе годы, и эти заботы и тяжкія думы, такъ часто омрачавшія чело родителей, и эти безконечныя рѣчи о нашей воспитанія, и эти хлопоты съ смиренными поклонами, съ слезными просьбами. Въ зимнюю непогу, въ трескучій морозъ и съ трепетомъ въ сердцѣ встрѣчалъ никогда на Перерывъ мать мою, приходившую итъшкомъ за 25 персть съ тяжелой ношею была за плечами, съ двутриветными, крѣпко сжатыми въ оочевѣнней рукѣ, и слезой, замершей въ углахъ лицѣ»...

Отецъ Михаила Павловича, скончавшійся около пяти лѣтъ тому назадъ заштатнымъ священникомъ, былъ типъ сельскаго священнослужителя стараго, дореформеннаго времени. Замѣтателенъ его характеристика какъ незапечатанной рѣчи Михаила Павловича, произнесенной имъ при потребаніи своего старика-родителя 5 ноября 1894 г. «Почетный пастырѣ!»—говорилъ Михаилъ Павловичъ,—былъ востану дитя Божіе. Онъ испованецъ былъ снотой и полной вѣрой въ Бога. Онъ, можно сказать, дышалъ вѣрой. Ему не нужно было ни основаній, ни доказательствъ вѣры: онъ вѣровалъ такъ, какъ вѣруетъ весь русскій народъ: просто, крѣпко, цѣльно, всею душою, всѣмъ существомъ. И если случалось ему встрѣчать человека съ превратными взглядами, ему казалось даже страшнымъ и призумлять тавотъ: онъ просто называлъ его «не въ своемъ умѣ».

«Будучи человекомъ вѣры, онъ въ то же время былъ и человекомъ правды. Онъ былъ правдивъ не въ томъ смыслѣ, что никогда не говорилъ неправды,—это общечеловѣческая и, конечно, присорбная слабость,—итъ, онъ былъ правдивъ въ иномъ, высшемъ смыслѣ: онъ всегда былъ ибренъ самъ себя. Ненавидя лукавство, лицемеріе и всякую фальшь, онъ никогда не старался что-либо представлять изъ себя,—всегда былъ самъ собою! Онъ никогда не надѣвался никакой личины: всегда говорилъ то, что думалъ, что чувствовалъ: чиста и прозрачна была душа его».

«Человекъ вѣры и правды, онъ въ то же время отличался рѣдкимъ неалобіемъ. Можно сказать, злобѣ и злопаянству совѣсть не было иста въ душѣ его: онъ совершенно забывалъ всѣ обиды. Но доброта души его выравалась и положительнымъ образомъ: онъ охотно дѣлился тѣми немощными крохами, которыхъ были въ его распоряженія, со всѣми, кто обращался къ нему съ просьбою о помощи. Въ немъ не было духа корыстолюбія, не конилъ онъ денегъ и никогда не думалъ объ этомъ».

«Человекъ мирнаго сельскаго труда, можно сказать, земледѣлецъ въ душѣ, онъ представлялъ собою, въ социальную уже, кажется, исчезающій глубоко спитатичный типъ сельскаго пастыря, близкаго къ народу и своему живнію и своимъ привычкамъ. Его отношенія къ прихожанамъ были удивительно просты, искренни и совершенно чужды всякаго формализма, котораго онъ не выносилъ... При всемъ этомъ онъ до конца жизни сохранилъ въ своемъ характерѣ ту благородную упрямку, по которой онъ никогда не заискивалъ передъ сильными міра сего, никогда не унизался до угодичества передъ ними изъ какихъ-либо вечныхъ побужденій».

Мы не безъ цѣли привели нѣкоторыя свѣдѣнія, касающіяся родителей Михаила Павловича и условій его первоначальной жизни: эти свѣдѣнія помогутъ намъ разяснить многое въ его собственной личности. Мы не говоримъ уже о тавихъ общепанствыхъ свойствахъ Михаила Пав-

попытки, прямо увещивавшихъ нѣтъ отъ отца, какъ его безграничная доброта, абсолютное беззлобіе, крайняя простота въ обращеніи съ людьми, или о ничѣмъ невозмутимой ровности его характера и привычки, не знавшей усталой возмущенности его о всѣхъ близкиихъ сердцу, перешедшей къ нему отъ его матери: даже помимо всего этого, много нравычли, вкусы и склонности Михаила Павловича, которыми онъ остался вѣрны въ теченіе всей своей жизни, нѣчто своихъ корней въ жителскія условія, среди которыхъ прошло его дѣтство. Въсѣмъ извѣстна простота примечекъ и непритязательность требованій Михаила Павловича. Онъ достаточно зарабатывалъ для того, чтобы придать своей домашней обстановкѣ характеръ вполне благоустроенной городской жизни, и дѣйствительно не жалѣлъ средствъ, обрушилъ свою семью возможно большаго довольства. Въ квартирѣ его всегда можно было насчитать до десятка комнатъ, и вся домашняя обстановка его: мебель, зеркала, часы, картины, посуда, столовая сервировка, была такого качества и заведена въ такомъ количествѣ, что ею не погнушался бы и очень избалованный коварствомъ человекъ. Но къ собственной натурѣ Михаила Павловича, смирившейся въ дѣтствѣ съ совершенно другими условіями жизни, всѣ эти напѣскавости и усовершенствованія городской жизни прививались очень туго: онъ, что называется, не вошелъ въ нихъ вкусъ, не умѣлъ да и не хотѣлъ обратить ихъ къ своей непреминуемой потребности: въ токъ кругу, въ которомъ ему пришлось проводить свои зрѣлые годы, едва ли можно было отыскать менѣе требовательнаго, менѣе притязательнаго человека. Въ свѣтскомъ заведеніи, даже въ молодыхъ годахъ, онъ всегда довольствовался пальтиемъ, сшитымъ у очень посредственнаго портного, иногда это пальте покровѣкъ возбуждало среди любителей моднаго франтовства веселый смѣхъ, но Михаилъ Павловичъ не смущался этимъ и съими першій благодушно вторилъ имъ. Въ теченіе своей почти двадцатилѣтней службы по гражданскому вѣдому

Михаилъ Павловичъ часто выступалъ лекторомъ передъ изысканною публикою, но за все это время ни разу не удосужился снять съ себя чернаго фрака; когда же встрѣчалась издѣбность въ этомъ обычномъ одѣяннн каждого лектора, онъ прибѣгалъ къ позанимательности его у своихъ добрыхъ знакомыхъ. Простота жителскихъ привычекъ и склонностей особенно рельезно сказывалась въ Михаилѣ Павловичѣ въ тѣхъ случаяхъ, когда ему уже въ зрѣломъ возрастѣ приходилось навѣщать своего старшаго отца или другихъ деревенскихъ родственниковъ. Человека, отвыкшаго съ дѣтства къ удобствамъ городской жизни, когда бы покоробить бѣдность и скудость деревенской обстановки, чуждой всякаго принадлежностей городского комфорта; ему нужно было бы дѣлать усилія надъ собою, чтобы не дать захлѣбнуть хозяевами убожества ихъ жизни. Ничего подобнаго никогда не испытывалъ Михаилъ Павловичъ: онъ чувствовалъ себя среди этого убожества вполне своимъ человекомъ. Замѣчая, что хозяева начинаютъ хлопотать съ цѣлью какъ-нибудь получше устроить дорогого гостя, приготовлять ему помѣтче постель, подать лишній разъ чистую тарелку, онъ всегда упрямивалъ не дѣлать этого, убѣдая, что хочеть спать и есть, какъ всѣ, что для него лишняго ничего не нужно, и въ этихъ словахъ не было и доли какой-либо дѣлности. Въ эти часы Михаилъ Павловичъ дѣйствительно какъ бы забывалъ обо всемъ принятомъ ему поддѣльшемъ городской жизни и безъ всякаго напѣна надъ собою возвращался къ привычкамъ своихъ первоначальныхъ дней. Не даромъ, бывало, укладывался спать на сѣнахъ въ отцовскомъ сараѣ, онъ любилъ вспоминать объ этой порѣ своего хотя и сурьваго, но тѣмъ не менѣе дорогаго его сердцу дѣтства.

Изъ сказаннаго впрочемъ отнюдь не слѣдуетъ, чтобы покойный хотѣлъ своею особою размыривать роль какого-нибудь античнаго Диогена. «Неряшливость въ одѣждѣ», — «служить выраженіемъ нравственной неряшливости», а его собст-

венный хотя и очень скромный костюм всегда была часть и опрятность; всякий взгляд къ нему былъ тщательно задвигая, иногда, по привычке студенческихъ дѣтъ, собственною рукою. Когда же ему приходилось вступать въ качества официального лица въ палатахъ либо засѣданіи, собраніи или обществѣ, онъ считалъ даже своимъ долгомъ явиться не только въ соответствующемъ случаю официальном платьѣ, но и со всѣми знаками отличія, получаемыми имъ во время своей долгой служебной и общественной дѣятельности. И въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ прочемъ, покойный былъ самъ собою, любилъ идти собственнымъ путемъ, сообразуясь лишь со своимъ склонностямъ и убѣжденіями и не стараясь подогнать свою личность подъ какою-нибудь шкуру или наклеивъ на себя чуждое чужбонъ.

Такое же къ простотѣ деревенской жизни соответствовало и другая особенность Михаила Ивановича. Бывая въ деревнѣ, онъ любилъ присматриваться къ крестьянской жизни, любилъ побесѣдовать съ умными и дѣловитыми крестьянами. Но эти бесѣды отовдъ не носила характера бесѣды «добраго барина» съ «мелкими» братомъ, съ мужикомъ». Собесѣдники всегда чувствовали, что они стоятъ на одной почвѣ чувствовали, — одинъ инстинктивно, а другой вполне сознательно, — свое духовное родство. Другими любимыми собесѣдниками Михаила Ивановича были сельскіе батюшки и причетники стариннаго, дореформеннаго типа: молодыхъ деревенскихъ священниковъ съ ихъ горделивостью замашками и отоголой псаломщицею покойный недолюбливалъ, считая ихъ неподходящими къ нашему деревенскому быту.

Проведя свое дѣтство въ крайне независимыхъ условіяхъ деревенскаго быта, Михаилъ Ивановичъ никогда не отпадалъ въ зависимости свѣтскаго обращенія, приобретаемаго дѣтвѣи въспитіемъ въ помощь усердной дрессировки ихъ гувернерами и гувернантками. Онъ никогда не училъ да и не пробовалъ даже учиться танцо-

вать. Лишь, знавшіи Михаила Ивановича въ молодые года, не говоря уже о позднѣйшемъ времени его жизни, никакимъ образомъ не могли бы даже и предстануть его себя расхваливающимися съ довѣстиемъ — если не пошлаго, то хоть достаточно выдрессированнаго итальскаго человѣка; такъ странно казалось бы связать предстание и несть съ повѣтнемъ объ изящномъ, въ свѣтскомъ смыслѣ этого слова, молодомъ человѣкѣ. Эта «итальянскость» приему Михаилъ Ивановичъ, недостаточное проявленіемъ его въ тайны свѣтскихъ тонкостей и условностей «хорошаго тона» часто подвергали его осужденію людей, ожесточившихъ на манерахъ и свѣтской благооситанности, и его христіанское имя и отчество произносилось иногда съ особымъ оттиномъ въ голосѣ съ смыслѣмъ парцеллянаго названія людей съ неуказанными манерами. Но не обладая собственными талантами, Михаилъ Ивановичъ обладалъ за то несравненно болѣе драгоценными свойствами. Стремленіе родителей и воспитателей приучить своихъ дѣтей къ хорошимъ манерамъ, несомнѣнно, имѣеть свою хорошую сторону, но и здѣсь, какъ и во всякомъ другомъ человѣческомъ дѣлѣ, часто допускаются крайности и условія, ведущія къ очень нежелательнымъ послѣдствіямъ. Заученные приемы и манеры до такой степени въбѣдятся въ ребенка, что становятся какъ бы второю натурою его, которая закрываетъ его природную практическую интеллигенцію. Вместо живого человѣческаго лица получается маска, выраженіе которой часто совсѣмъ не совпадаетъ съ природными задатками ребенка, и въ результатѣ получается ложь: передъ людьми человекъ является съ одною интеллигенціею, а впадши съ самимъ собою принимаетъ свой настоящій истинный обликъ. И докъ эти тѣмъ опаснѣе, что человекъ итальвается въ нее мало-по-малу, незаметно для самого себя, такъ что впоследствии, при всякомъ желаніи оторваться отъ нея, не можетъ уже сдѣлать этого. Но бываетъ еще хуже: природныя задатки совсѣмъ направляются изъ человека воспитательскою муштровкою, и въ

таком случай живого живого человека, съ его оригинальным нравственным обликомъ, передъ нами является пошлый, безличныи тупой, холодный манекенъ, можетъ быть, и красивый, но безъ всякаго нравственнаго я. Само собою, когда думаешь объ этихъ людяхъ, приходишь въ голову мысль сравнить ихъ съ деревьями въ какомъ-нибудь барельефъ саду, подрезанными по одному часову рукою искуснаго садовника. Но, право, для нашего глаза гораздо приятнѣе обывновенный зрѣль съ деревьями свободно развивающимися на просторѣ въ нѣру давнаго вѣка свѣта и тепла!

Ранѣе уже было говорено объ отличительныхъ свойствахъ характера Михаила Ивановича: его безконечною добродушиемъ и простосердечіемъ. Эти выдающіяся свойства его нравственной личности всегда и у всѣхъ оставались на виду, хотя, въ социальномъ, и не всегда въ полнѣйшей обладатель, такъ какъ Михаилъ Ивановичъ, по условіямъ своего дѣтства, не былъ прученъ къ какой-либо позитивной въ обращеніи съ людьми и никогда не умѣлъ скрывать подъ тою или другою личною истиннаго существа своей души. Эти-то прекрасныя качества и привлекали всѣхъ къ Михаилу Ивановичу. Въ сущности узнать его и не полюбить было невозможно: такимъ свѣтлостію душевною, такимъ неподдѣльнымъ сердечнымъ теплотомъ вѣдалъ отъ всего его существа, что всякій поневолю поддавался обаянію его прекрасной личности и невольно и слѣдъ шелъ на встрѣчу ему съ открытою душою. Довѣрчивость его въ людяхъ могла растопить сердце самого отчужденнаго скептика, такъ что говорить съ нимъ не по душѣ было почти немислимо: другаго разговора, разговора, основаннаго на какой-либо позитивной, онъ не понималъ и не допускалъ. Даже люди, почему-либо предрѣзанные противъ него, и тѣ, ближе познававшіяся съ нимъ, не могли устоять передъ его дѣтско чистыми, открытыми сердцемъ и часто въ недооборудованной обращался въ искреннихъ друзей его. Однимъ словомъ, про него можно сказать, что онъ

былъ настоящимъ евангелистомъ Иваномъ, тѣмъ подлиннымъ израильтинникомъ, въ которомъ, по слову Христа, не было лукавства. Даже самыя недостатки его по части свѣтскости обращенія казались какъ-то нилы въ той атмосферѣ сердечной доброты, простодушія и благожелательности, которая всегда окружала его: чувствовалось, что Михаилъ Ивановичъ таковыи и долженъ быть, каковыи онъ есть, что какия-нибудь искусственныя, дѣланная черта въ немъ, какъ всякая подробность, можетъ быть, и красивая сама по себѣ, но дисгармонизирующая съ цѣлымъ, могла бы только испортить его свѣтлыи, милый своею непосредственною простотою образъ и нарушить цѣльность впечатлѣнія, получаемаго отъ него.

Немало не указать еще одной черты въ характерѣ Михаила Ивановича, объясняющей впечатлѣніемъ его дѣтства: необыкновенной отчужденности его въ чужому горю. Не даромъ говорить, что человекъ искренно сочувствуетъ въ другихъ только той боли, которую самъ перенесъ. Испытаны въ дѣтствѣ всю суровость бѣдности, Михаилъ Ивановичъ на всю жизнь пронесъ сочувствіемъ въ бѣдность, и руки его всегда были открыты для помощи ей. Но особенно чутко отзывался онъ на затруднительное положеніе сельскихъ священно и церковнослужителей. Пашущему эти строки живо припоминается слѣдующій случай, котораго онъ былъ очевидцемъ. 9 мая 1883 года Михаилъ Ивановичъ выѣхалъ съ директоромъ шестой гимназіи В. И. Разуминымъ предпринять возмужу въ Перервинскій монастырь, въ стѣнахъ котораго началась его школьная жизнь. Послѣ обѣданъ онъ ушелъ въ воротахъ монастыря, окруженный цѣлою толпою перервинскихъ школяковъ. Немало было безъ умиленія слушать сердечныя бесѣды Михаила Ивановича съ этимъ строемъ дѣтворою. Казалось, онъ, вѣрнѣйшій въ то время столичный преподаватель, чувствовалъ себя въ душѣ тѣмъ же бѣднымъ перервинскимъ школякомъ, какъ и по дни ближе съ такою любовью, съ такими сердечными интересами раз-

спрашивали они их об их нуждах и делах. А между тем рука его то и дело опускалась в карман, извлекала оттуда многочисленные доуверенные и инициальные и награды или счастливых школьников. Но лучших без сомнения доплатительном отамичности Михаила Ивановича в чужой нужды служить история возникновения общества вспомоществования недостаточным учащимся Физаретовского Вспархизального училища, основанного из бытность его инспектором этого училища. Многочисленные затруднения, которые испытывали родители, по преимуществу сельские священно и церковнослужители, при малой платы за обучение своих дочерей, болячею отзывалась в чутком сердце Михаила Ивановича. «Приходилось жить», — говорил он в своей речи по случаю торжественного открытия названного общества, — «наблюдать во время экзаменов родителей, праведных своих детей в школу и в святских и в духовных училищах, — и меня всегда поражала особенно тревожный вид родителей именно в духовных школах. Кому неизвестны этот робкий пыланный взгляд, эти смиренные поклоны, эти часто слезные просьбы о списковании, о заступничестве? Съ какою благодарностию относятся здесь всемо ласковое, участливое, ободрающее слово! Как глубоко сочувствуешь в эти минуты, в минуты, когда, по желанию родителей, рѣшается участь детей их». Упомянув даже, как живо описанное зрѣлище наводило ему его детские годы и подобны же заботы его родителей, Михаил Иванович продолжал: «И думалось мне, эти смиренные просьбы о пособии, эти робкие поклоны, этот скорбно-олабоченный вид — вѣдь это все наше, родное все же жить»...

Сознание необходимости прийти на помощь бѣдным родителям из дѣл обучения их дочерей, Михаил Иванович быстро приступил къ дѣлу. Благодаря его энергій и обширному знакомству, скоро были собраны значительные суммы, и 25 мая 1898 г., почти накануне отъезда

Михаила Ивановича въ Петербургъ на новую службу, молодое общество вспомоществованія недостаточным учащимся Физаретовского Епархизального училища было торжественно открыто, въ присутствіи и съ благословеніемъ самого высокопреосвященнѣйшаго Владыки, митрополита Московскаго, и начало свои благотвительныя операціи... Какими сѣтлами празднично было это событіе для любящаго, добраго сердца Михаила Ивановича! Дай Боже, чтобы бѣдствія, которыми такъ полна грѣшная жизнь наша, всегда приводили къ такимъ же благотвительнымъ результатамъ, къ какимъ привели Михаила Ивановича дѣшею его дѣлали дѣл! Сколько бы было тогда своевременно осушено горькихъ слезъ людскихъ, теперь лиющихся безнадежно и безнадежно,

«Какъ льются струи дождя
Въ осень глухую порою ночью».

Дай Боже, чтобы у насъ было побольше такихъ людей, какъ покойный протоіерей Михаилъ Ивановичъ Хитровъ.

II.

Помимо вышней обстановки, известнымъ уже намъ образомъ подѣйствовавшей на характеръ Михаила Ивановича, было въ его дѣтской жизни еще одно условіе, которое бы, и не столь замѣтное для посторонняго взора, но которому въ образованіи нравственной личности Михаила Ивановича принадлежить несомнѣнно преобладающее вліяніе. Мы говоримъ о близости къ храму Божію, въ которой Михаилу Ивановичу пришлось провести свое дѣтство и которая тѣмъ сильнѣе отражалась на его внутреннея настроенія, чѣмъ менѣе могли оказать противодѣйствія возмущающимъ душу впечатлѣніямъ церковной жизни скудость и однообразие домашняго быта. Каждый сколько-нибудь значительный праздникъ въ родительской семьѣ Михаила Ивановича вызывалъ особое настроеніе.

В дождь все прабралось и подчинилось, лица дблалсь торжественнбе, поступк и разговоры серьезнбе: точно въ нмъ поселился на это время какой-то хота и незримый, но ощущаемый душою, святой и дорогой гость. Наканунъ передъ вѣтромъ съ образами зажигалась съ самыхъ вечернихъ лампадь, — истинная лѣта енигельской вдовницы, приняла во капище ту бѣдность, въ которой жила семья, и было что-то удивительно торжественное въ итогъ слабыхъ перепали святаго огонька, затепленного благоговѣйною рукою. Въ день праздника — посѣщеніе саужбы. Одинъ уже хралъ, даже только какъ зданіе, своимъ относительною возноженіемъ, просторомъ, живописью производилъ сильное впечатлѣніе на душу ребенка: сразу чувствовалось, что влодитъ въ дождь Божій, особенно въ виду колѣнково-направленного лица матери, и душа какъ то сама собою собралась, сознавая, что находится предъ вседневнымъ Окомъ Господа... Отець возвращался отъ саужбы домой, принесъ съ собою особый церковный запахъ, запахъ ладана, и семья, причесанный тщательнбе обмытогого, въ сѣбѣнъ подростка, казалась какъ-то особеннмъ, священнмъ, не такимъ, какъ въ другіе, будничные дни. Съ осторожностію, боясь разодрать крошкы, выкалывалъ онъ изъ кармана просеору, и домашніе съ благоговѣніемъ разглядывали ее и фан, прежде чѣмъ приступать къ преддѣльному чаю. И цѣлый день чувствовалось въ дождь что-то хорошее, свѣтлое: будничная жизнь съ ея любимаго отступала куда-то на задній планъ. Но особенно сильно отражалась на настроеніи семейной жизни, конечно, такіе великіе праздники, какъ Рождество, Пасха и др.

Вотъ какъ вспоминалъ въспомню лѣтъ тому назадъ въ своемъ дневникѣ самъ Михаилъ Павловичъ о тѣхъ впечатлѣніяхъ, которыя производила на него эти святые дни. Я не могу забыть своего дѣтства, не могу забыть праздника Рождества, Святой недели. Не могу забыть душевного волненія, когда ночью въ Рождество, на Страстной

или Святой неделѣ поднимали влсть къ божественнымъ саужбамъ. О, дивная, дорогая, неизгладимая воспоминанія! Утренняя Великая суббота... Еще темно... Идемъ въ нашъ сельскій храмъ... Холодново, но душа въ радостномъ волненіи... Таинственные пѣсни канона... «Волною морскою»... Я не понималъ ихъ смысла, но онъ поразительно дѣйствовалъ на душу. Признаюсь, я желалъ бы навсегда остаться при моемъ дѣтскомъ непониманіи и при прежнемъ трепетномъ чувствіи. Крестный ходъ вокругъ церкви съ плащаницею и свѣчами. Уже свѣтлѣло... Уже было «свѣтающе»... Возвращеніе домой... И любилъ палочкой разбивать тонкій ледъ, образовавшийся за ночь, и наблюдать, какъ струится песенная вода... А ночь Святаго Христова воскресенія! Но разнѣ все выслажете? Порой мнѣ приходило мыслъ: какъ я желалъ бы умереть? А вотъ какъ: въ моментъ смертного часа я желалъ бы, чтобы вѣнчикъ плли пѣсни канона Великой субботы и дивнаго Пасхальнаго, И такъ бы заснуть, «слушая небесные, роковыя, дорогие, незабвенные звуки».

Въ жизни человѣческой души ясно различаются два момента. Въ дѣтствѣ и юности человекъ торопливо и жадно собираетъ въ свою душу все новое и шонна впечатлѣніа, не давая даже себѣ труда подунуть объ ихъ доброкачественности и внутренней цѣнности. Но съ наступленіемъ зрѣлаго возраста въ его настроеніи замѣчается глубокій переворотъ: онъ становится менше отапливаться на внѣшнія впечатлѣніа и начинаетъ смотрѣть болѣе въ глубъ себя, внутрь своей души, И что же? предъ немыслимымъ изоромъ его искуснаго жизни ума обнаруживается, что вмѣстѣ съ крупицами чистаго золота въ его душѣ накопилось много всякой мшурки, среди истоящей минуты много поддѣльной. Тогда начинается другая душевная работа, обратная первой: всѣ плеведы выбрасываются вовъ и свлгиваются, а остается только одно доброкачественное зерно. Выкалывъ впрочемъ и тлхъ, что увеличенный бѣстаредею фольгомъ, человекъ оставляетъ ее храниться въ

слезы сердца, а золото выбрасывается, и не замечая въ освященіи, какую роковую, непоправимую ошибку онъ совершилъ. Оттого-то и нельзя спалать, что представляеть изъ себе въ нравственномъ смыслѣ тотъ или другой человекъ, прежде нежели онъ достигнетъ зрѣлаго возраста своей жизни: очень часто случается, что подающій блестящія надежды юноша оказывается пустоцефтомъ въ зрѣломъ возрастѣ, а человекъ съ менѣе видными задатками — видѣльцемъ богатыхъ душевныхъ сокровищъ.

Привѣтъ сказанное къ Михаилу Ивановичу. За годы дѣтства, проведеннаго подъ родительскимъ кровомъ, постигала у него школьная жизнь. Много новыхъ впечатлѣній внесла она въ его душу, много было воспринято ею новыхъ взглядовъ, настроеній, теорій и системъ; умственный горизонтъ юноши значительно расширился. Но вотъ богатая впечатлѣніями жизнь смирилась порою зрѣлаго мужества, а въостъ съ тѣмъ началось и внутреннее самосознание, самоочищеніе души и — что же? — на самой глубинѣ ея, какъ чистѣйшее золото, озаренное лучами зѣлннаго солнца, съ неизвѣстною прежде силой засіяла свѣтлая впечатлѣніи дѣтства зѣль, освѣщая своимъ теплымъ благодѣтельнымъ свѣтомъ все существо его. Но не будемъ торопиться и предоставимъ самому Михаилу Ивановичу сказать, что составляло такое «свѣтлая свѣтлыхъ» его души.

«На землѣ жить совершенство», говорилъ Михаилъ Ивановичъ въ одной изъ своихъ проповѣдей: снова стоять вѣтъ грѣшникъ міръ, добро въ немъ больше или менѣе перемѣшано со зломъ, шепсница съ плеведами, истина въ борьбѣ съ ложью, чистыя стремленія съ самолюбивыми, нечестныя. Но и на землѣ есть небо! Да, на этой старой овраченной грѣшникъ землѣ есть мѣсто, гдѣ возможно дышать чистымъ райскимъ воздухомъ — это храмъ Вокій!

Совершается ли наше сердце при видѣ неравенства между людьми въ изъ природныхъ дарованійхъ, въ ихъ общественномъ положеніи, въ материальномъ достаткѣ, въ знаніи или неуманіи? Войдите въ храмъ: здѣсь все равно!

Всѣ дѣти одного отца! Царь и раба, знатный и худородный, богатый и бѣдный — все составляютъ одну семью, каждый самый менѣйшій членъ которой такъ же дорогъ ихъ очамъ Вокійхъ, какъ и самый великій, самый знатный такъ же благогородець, какъ и самый высокогородный, ищій такъ же богатъ, какъ и первый богачъ, ибо все благогородецьмъ званіемъ члду Вокійхъ, все обогащенны непреченнымъ богатствомъ благодати Вокійей и въ то же время все одинаково недостойны предъ безпредѣльнымъ совершенствомъ Творца!

Тонить ли васъ суета житейская, непостоянство, несовершенство всехъ земныхъ благъ, безпокойство и неудовлетворенность желаній и страстей — войдите въ храмъ! Воздухъ вѣчности повеетъ на васъ! Здѣсь тѣ же глаголы, которыми начинали тысячелѣтія, здѣсь тѣ же оисловія, которыя отъ вѣка раздаются на небесахъ, и предъ спокойнымъ величіемъ совершающихся тайнодѣйствій и предъ вѣчной красотой слова Вокій — приближить, исчезнетъ, стихнетъ всякая «злота» да!»

Вознѣ ли ваше сердце отъ неправды, обидъ, притѣсненій, отъ зрѣннца жестокой борьбы между людьми, злоями, злобы, вражды — во вѣдь это все — вѣтъ свѣщенныхъ вратъ храма! Здѣсь же носется въ небесахъ свѣтлая молитва: «Оче нашъ!» Здѣсь седящими уста и адяннмъ сердцемъ мы славимъ Его. Здѣсь мы все восплащаемъ: «возлюбимъ другъ друга!» Здѣсь мы таинственно изображаемъ тѣло Христова — Церковь, здѣсь встрѣчаются въ любовномъ союзѣ небесная и земная...

Стоголовались по идеальнымъ стремленіямъ, жагуетесь на оскуднѣіе ихъ — отчего же не войдите во храмъ? Вѣдь кто подлинно алчетъ и жаждетъ, тотъ стремится насытиться! Вамъ душно, тѣсно, тоскливо? Что же не идете дышать чистымъ, слатымъ ароматомъ? Вѣдь если подлинно болитъ ваше сердце при видѣ міра во изъ лежащаго, что же не стремитесь насладиться небесной красотой?

Васъ и въ храмѣ не оставяеть тоска, и его впечатлѣ-

ни не трогают вашей души? Напрасно же говорите вы об оскудении идеальных стремлений, напрасно выражаете об этом свои сожаления—у вас саяхих очерстийно сердце, огубила душа! Горькое слово! Но лачишь же скрывать прииду?

Съ дѣтства вы не водили въ храмъ, съ дѣтства не развивали вкуса къ его святымъ впечатлѣнiямъ, напротивъ, совѣдали знакомить съ суетными, пустыми удовольствiями свѣта и—вотъ какъ!—отсутствiе идеальныхъ стремлений, какъ печальный признакъ времени!

Что можетъ быть проще, яснѣе, неопровержимѣе этого? Въдъ не выдумать же камъ новаго идеала, выше и чище и прекраснѣе того, который и живетъ и горитъ святымъ пламенемъ и сияетъ лучезарнымъ свѣтомъ во свѣтомъ храмѣ (Св. в. 1898 г. Слово въ 21 и.).

Скажите, что такое представляете изъ себя эта рѣчь Мит. Пав., какъ не воплощенiе въ мысли и словѣ тѣхъ таинственно прекрасныхъ святымъ впечатлѣнiямъ, которыми являлась изюгда во храмъ Божию его чистая дѣтская душа и которая навсегда осталась жить въ ней, освѣщая ее внутреннимъ свѣтомъ своимъ и предохраняя отъ всякой житейской очерстивости его доброе, кроткое, любящее сердце?

Понятно можно сказать, что надъ нимъ вопли оправдатель слова, которыми онъ заключаетъ цитируемую нами рѣчь.

«Приучайте дѣтей къ храму, и пусть какъ можно чаще потрясаетъ дѣтскую душу благодатный духъ церкви, пусть проникаетъ все существо дѣтской души, освѣщаетъ мысли, набожности, чувства! Тогда не такъ-то легко овладѣютъ силами свѣта и суеты житейска сердца, которое въ храмъ Божiея гравилось и тѣсно сроднилось съ небесными впечатлѣнiями».

Позволивъ себя остановиться еще на двухъ проповѣдяхъ Михаила Ивановича.

Мы уже знаемъ, какъ глубоко великия событiя, исполни-

ваемая церковью въ Страстную седмицу потрясла душу Михаила Ивановича въ дѣтскомъ возрастѣ: посмотрите же, съ какою силою умѣлъ онъ изображать изъ своимъ словомъ впоследствии.

«Перенесемъ мыслiю» говорилъ Михаилъ Ивановичъ въ одною своимъ словѣ,—изъ священнотамиственную сѣнь Геосманскаго Сада, въ ту ужасную ночь, которой никогда не забудетъ человѣчество.

Смызь Вожiй готовился испить до дна испунительную чашу скорбей и страданiй за родъ человѣческiй.

Онъ одинъ вошелъ въ глубину сада, и Боже! что за вопли посмщались оттуда!

— Боже мой! Боже мой! вопиаи Ми! Сотвори со мною судо благости! О, если бы Ты благоволилъ пронести чашу сiю мимо Мена!

И Онъ умолялъ... И ждалъ отвѣта.. Но отвѣта не было..

И Смызь произнесъ: «Да будетъ воля Твоя!»

Новое томленiе, новые вопли вьсутся на небо.

О, какая чаша! И я долженъ испить ее!..

Смертельная тоска... Кровь приливаетъ къ сердцу и давить его. Отъ тоски душа и сердце и очи призывали къ Немъ (Ис. 30).

Онъ стоялъ, онъ изнемогалъ... онъ едва держался на ногахъ. Онъ падалъ на лице свое. Онъ не зналъ, куда и какъ склонить свою голову. И снова молился Отцу Своему, съ сильнѣйшимъ чувствомъ, молился, какъ Смызь, едиnorodный Смызь...

Отче! аще возможно, да мимо иду отъ мене чаша сiа!

И онъ умолялъ... И снова ждалъ отвѣта...

Но отвѣта нѣтъ!.. Небо таинственно молчитъ.

И вотъ—«буди воля Твоя!»

И опять новый ужасъ, и скорбь безконечная... Онъ пугался, онъ дрожалъ, онъ былъ въ ужасѣ, и холодный потъ падалъ съ Него. Не потъ, а кровь, кровавый потъ падалъ крупными каплями и орошалъ землю.

И новая мольба къ побу, да не просто мольба, а волея крикiей, болзливенный, изъ глубины души...

Они, все возложи Тебе; Дило несн они Мене чину сие (Мар. 14, 36).

И слово—то же таинственное познание ноба... И это беззвоние веда ршило судьбы мира.

«Не Моя воля, но Твоя да будеть!» слышится послы- все слово.

И это слово спасло мир!

Узнавнув въ своемъ дивинствѣ о Святломъ праздникѣ, Михаилъ Павловичъ не ршился даже выразить слабымъ человеческимъ словомъ тѣхъ чудныхъ ощущений, которыя онъ пробуждалъ въ душѣ, и ограничился однимъ лишь замечаніемъ: (ко развѣ все выслушаете?) Однако если не все, то многое изъ того, чѣмъ была полна душа его, онъ успѣлъ высказать. Вотъ какой типикъ радости вынался изъ его сердца въ послѣднее Святлое Христово воскресеніе, которое она встрѣтила на землѣ, можетъ быть, уже прегустовавъ, что грядущее воскресеніе ему придется встрѣтисъ ангелами на небесахъ.

«Христось воскрес!»

Какъ неизрочно сладостно раздаются эти чудныя слова для всякаго христіанина, все равно—будетъ ли то дитя или старецъ, богатый или бѣдный, многоученый или простецъ! Не умомъ, но сердцемъ,—лучше,—всѣмъ своимъ существомъ каждый постигаетъ всю силу этого восславленія, какъ каждый видитъ солнце съ лучами свѣта, отъ него исходящими и озарившими всю поднебесную. Что солнце для вселенной, то воскресеніе Христово для нашей жизни. И какъ во всякій моментъ она погружается во мракъ, такъ вся наша жизнь, въ своей глубочайшей основѣ, какъ и во всякій ея проявленіяхъ, охватывается бы непроницаемой тьмой, если бы не озарило насъ солнцемъ Святлага Христова воскресенія. Тьмота была бы върнъ наша, если бы Христось не воскресъ! Не было бы върнъ въ жизнь, въ радость, въ смѣхъ, въ истину, добро и справедливость... И глубокая скорбь, скорбь безъ надежды на утѣшеніе раздалась бы надъ мрачною долиною нашего земного существованія...

Бѣдный труженикъ, всю жизнь блуждающій какъ рыба объ лѣдѣ, изъ-за куска хлѣба, изъ-за паскуднаго пропитанія, не видящій просвѣта радости изъ то время, какъ многие, предаваясь праздности, проводятъ всѣ дни своей жизни въ веселіи,—чтобы имъ сказали тебѣ въ утѣшеніе?

Ты, обниженный и прерванный богатыми и славами мира сего, ты, многострадальный Иова, въ концѣ возлеблется върнъ въ правду, въ законъ, въ вѣду торжествующей не-правды, что могло бы оторветъ тебѣ слезы отъ обѣды, отъ горькой несправедливости? Въ, чье сердце поражается до глубины враньями, никогда не забываемыя утратами, въ, плачущіе неутѣшно у гроба горько любимого существа, кто дерзнулъ бы сказать вамъ: не плачьте!

Мы могли бы сказать: заирайте на Христа; кто былъ безгрѣшнѣе его, кто святѣе, чѣмъ жизнь непорочно, кто больше Его благотворить людямъ, кто возвышалъ болѣе возвышенныя истины! Заирайте на Него!

Да! сказали бы намъ: во чѣмъ окончилась эта святѣйшая жизнь? Не торжествомъ ли зла, испанія, неправды? Не умеръ ли Онъ, замученный на крестѣ, могла не сарыла ли Его, какъ и всѣхъ? О, мы съ трепетомъ вспоминаемъ дивному повѣствованію объ этой необыкновенной жизни, полной божественнаго свѣта, и сердце наше разгоралось надеждой, но вотъ уже третій день, вотъ уже столѣтія, вотъ тысячелѣтія, а какъ все это произошло... А мы надѣялись было... И эта рѣчь была бы правдива! Во-истину мы, по сильному выраженію апостолъ Павла, были бы погибшія, все бы погибло, погибла бы върнъ въ жизнь, въ правду, въ добро, въ истину, если бы Христось не воскресъ!

Но Христось воскресъ! Христось воскресъ! Лучезарное солнце взошло надъ миромъ—исчезли же мракъ! Исчезли все, что можетъ окрачить нашу жизнь! Исчезали мы, мрачные предсавители насилія и неправды, Адамъ и Каинъ, исчезли ты, съ пренебреженіемъ говорившій объ истинѣ, исчезли сама смерть со своимъ злодѣинымъ надломъ, исчезли всѣ адскія силы!

Да воскреснет Богъ, и расточатся врази Его! Ничья все исполнявшая сивта, все наше бытие озабрется новым смысломъ, и сердце радостно трепещеть новою жизнью, и жизнь деятельствуетъ, и радости нашей никто не отнимаетъ отъ насъ. Христосъ побѣдилъ смерть, восторжествовалъ надъ всѣми адскими силами, надъ всѣмъ, что можетъ осквернить нашу жизнь и лишить насъ радости, вѣры, покоя.

Первое для мірозданія, райское блаженство Адама, потеря рай и бдѣтвія проклятія, смерти и безсмертія, время и вѣчность, престола Божества и ничтожество земной жизни человека—небо, земля и преисподняя—какъ все это дивно и неразрывно сочетается съ воскресеніемъ Христовымъ.

Выведи очи твои, Сионе, и взгляди: возшло лучезарное солнце, и вѣтъ поблотака, не обратившагося къ нему, вѣтъ росники, не отразившей его, вѣтъ существа, не потрепавшагося навстрѣчу ему—такъ вѣтъ на землѣ христіанскаго сердца, которое не озабрется бы радостію воскресенія.

Сердце трепещеть этою радостію и, мыслитъ, вездѣ находить отзвукъ, и всѣ люди, и небо, и воздухъ, земля и море, всѣ твари, даже камни,—все звучитъ однимъ поблотакомъ хоромъ, все вторитъ нашей радости, все трепещеть предчувствіемъ новой блаженнѣйшей жизни! Отдадимся же этой общеземной радости, но обнимающей все, отдадимся ей беззащитно, безъ вѣры, безъ опасенія, и сколько бы мы ни радовались,—источникъ ее будетъ бить неистощимымъ ключомъ, и самой вѣчности не исчерпать его!

Христосъ воскресъ.

(С. Пет. Дух. Вѣст. № 16).

Мы не напрасно привели цѣлкомъ это слово Михаила Писановича, сказанное имъ всего лишь за 9 дней до своей кончины, такъ сказать, на порогѣ вѣчности. Всю свою жизнь утревлялъ онъ духомъ къ Господу, и Господь дивно награждалъ вѣрнаго раба своего, назвавъ его къ Себѣ въ тотъ моментъ, когда, заполненная радостію воскресенія Господня, душа его всего болѣе была готова ко встрѣчѣ

съ Божествомъ и, не умоляя, когда продолжать на небѣ тотъ гимнъ въ честь Воскресшаго Господа, который начала еще на землѣ.

III.

Всякое чувство, какъ бы сильно оно ни было, только тогда можетъ быть признано устроятимымъ въ душѣ человека, когда оно подкрѣпляется доводами разума, разъ ужъ въ человѣкѣ проснулся разумъ и начала свою критическую работу. Мы видимъ, что Михаилъ Писановичъ до конца жизни сохранялъ въ своей душѣ христіанское религиозное чувство. Уже отсюда мы можемъ заключить, что это чувство подкрѣплялось и оживлялось въ немъ ублжденіями разума. Познакомиться съ этими ублжденіями, другими словами, познакомиться съ міросозерцаніемъ Михаила Писановича и будетъ нашей ближайшею задачей.

Человѣкъ, живущій общемо со всѣмъ народомъ духовною жизнью, каковымъ былъ, наприм., родитель Михаила Писановича, всегда знаетъ, какъ ему поступить въ томъ или другомъ жизненномъ случаѣ. Но попытайтесь задать ему вопросъ, въ чемъ заключается сущность его міросозерцанія, изъ котораго, какъ свѣдѣнія наъ причинъ, проистекаютъ отдѣльные дѣйствія и взгляды его, и онъ затруднится дать вамъ на это какой-либо отвѣтъ. Зависаетъ это оттого, что такому человѣку и въ голову никогда не приходило, что онъ является носителемъ опредѣленнаго міросозерцанія, которымъ, Самъ того не сознавая, и руководится во всѣхъ своихъ поступкахъ,—міросозерцанія, влкая выработавшагося изъ народной души и въ видѣ вѣстной традиціи, бессознательно, такъ сказать съ молокомъ матери, воспріятого имъ отъ отцовъ и дѣдовъ.

Совсѣмъ иное представляеть изъ себя человѣкъ, принадлежащій къ такъ называемому интеллигентному общо-

ству. Он отлично знает, что значить иметь свое миро-
созерцание, и может очень красноречиво говорить по
этому поводу. Но постыдите за его поступками, — и вы со-
всем не захитите к нему той близости, той утребле-
ности из правды своих действий и нагахов, той,
так сказать, твердости в поступки, которая отличает
простодушья.

Подобного рода явление происходит, несомненно, от-
того, что современный интеллигентный человек из зна-
чительной степени отрывается от тех иковых дей-
ствий заветов, которыми еще живет простодушья, и
поэтому, столь же стройного, цельного и крепкого миро-
созерцания, как народное, не выработал, да и не может
выработать.

Какому же типу людей принадлежал по своему
миросозерцанию Михаил Иванович?

Мы не знаем, если сказать, что к нему соединя-
лась хорошая сторона и того и другого типа людей. Миро-
созерцание его было так же твердо, ясно и цельно, как
миросозерцание народа, к которому он так отдался всеми
трагическими своего детства, и к то же время отличалось
высокой сознательностью, свойственною человеку с высо-
коразвитыми умами; выражаясь другими словами, миро-
созерцание Михаила Ивановича было просто-и-просто миро-
созерцанием всего русского народа с тем только раз-
личием, что миросозерцание народной массы еще не про-
являло и не вышло сознательною мыслью, еще не
прозвело, так сказать, на себя Божий, как былет
не проявлял уже святой фотографический аппаратом
портрет; между тем миросозерцание Михаила Иванова-
ча — тот же портрет, только уже вполне проявленный,
уже вышедший из совершенно готовой выды из мастер-
ской художника.

Попытаемся представить в борьбе или менее слабую
явления основные черты миросозерцания Михаила Ива-

новича и сделаем это по возможности его собственными
словами*).

Основными, центральными пунктом миросозерцания Ми-
хаила Ивановича служило следующее положение.

«Человек, стоя на грани двух миров, внутренне ко-
ррелируется к одному духовному, осваиваясь им, и устраи-
вается к другому, чтобы и в нем найти отражение и
отобразить совершенство мира духовного. Он восприни-
мает от внешнего мира впечатления и возбуждается ими
к деятельности, но все вышнее, проходя слезы горяча,
как бы слезы духовный свет от внешнего и обни-
женного Богообливающего духа, должно служить живым вы-
ражением слова: да будет во всем воля Твоя! Незави-
симое поприще для деятельности духа человеческого, для
проявления его разнообразных сил и способностей пред-
ставляет мир Божий, но сам дух должен порваться
к Богу, как к тому центру свою точку опоры, по-
лучая отсюда освещение и благословение на все свои
проявления поний, на всю свою земную деятельность. Таким
законом, таким образом!»

Но этот закон, эти нормы человеческого была нару-
шены. «Человечество начало свою историческую жизнь
отпадением от Бога», говорит Михаил Иванович. И
следствием этого отпадения были аномальные отноше-
ния человека к Богу, ближнему и внешнему миру.

«Вследствие начального отпадения воли человеческой
против Бога», говорит Михаил Иванович, «весь мир
души человека устремился уже не вверх к Богу, но
к себе самому, к своему Я. По отношению к Богу
явился север рабский страх (древний Восток), и затем
стремление отдаться от этого страха к страсти»

*) Для указанного стиля мы воспользовались следующими образцами стили-
зации: «История Мис. Ив.», «История христианского искусства», «История
первой школы», «Первое в Обществе». Нет над представлять как
себя отнес к «Духу Твоему».

отринуши Божество и всего сверхчувственного мира, въ стремлении къ абсолютной независимости своей личности (древній греко-римскій міръ)».

Отношенія человека къ близкимъ, какъ они сложились подъ отпаденіемъ его отъ Бога, Михаилъ Ивановичъ характеризуетъ слѣдующимъ образомъ.

«Древнее человѣчество, отпавъ отъ Бога, своего центра, источника жизни, вѣсть съ тѣмъ потеряло свое единство, внутренне распавшись, и явилась древній дохристіанскій міръ, гдѣ закономъ была вражда и рознь, когда, по выраженію Моисея, необходимо было быть или молотомъ или кованымъ».

А вотъ какъ изображалъ Михаилъ Ивановичъ ненормальныя отношенія человека къ высшему міру.

«Перестали относиться къ Богу, какъ къ единственно достойной цѣли и предѣлу человѣческихъ стремленій и міръ явился предъ человекомъ разнообразнымъ множествомъ отдѣльныхъ самостоятельныхъ благъ и цѣлей. Ни въ какъ отвлеченное значеніе, эти блага получаютъ теперь для человека сами по себѣ абсолютную цѣнность, въ чемъ бы они ни заключались: отъ низшихъ чувственныхъ наслажденій до высшаго своего проявленія — античнаго искусства и античнаго государства (Востокъ, Греція и Римъ). Такъ человѣческое д, не направляясь болѣе вверхъ къ живому, святолюбивому Богу, какъ къ высочайшей цѣли жизни, по необходимости низвергается внизъ, въ міръ явленій, съ беззаконно страстнымъ желаніемъ наполнить образованную съ удаленіемъ отъ Бога пустоту... И вотъ — вѣтъ конца, вѣтъ и насыщенія... Не насытятся око зрѣніемъ; не наполнится ухо слышаніемъ, и вотъ — все суета и томленіе духа... (Екк. 1, 8, 14). Множество вожделѣній плѣшъ никогда не удовлетворитъ духа съ его беззачетными стремленіями...»

Итакъ, оговоря человѣческой воли, не хотающей признать надъ собою божественнаго авторитета, розни и вражды между людьми, токмо не выходящаго себя удовлетворе-

нія человѣческаго духа — вотъ состояніе ветхозавѣтнаго человѣчества, какъ слѣдствіе отпаденія его отъ Бога.

Конецъ этому состоянію положили прішедшій на землю и воплотившійся ради нашего спасенія Сынъ Божій. Своими страданіями и крестною смертію Онъ искупилъ грѣхи людей, прикрывъ съ явны правосудіе Божіе и открылъ нѣтъ двери къ своей Святой церкви, вступая въ которую она снова дѣлается чадами Божіими, получаютъ возможность возстановить нарушенныя грѣхопадѣніемъ нормальныя отношенія къ Богу, людямъ и высшему міру.

Но Сынъ Человѣческій приходилъ не къ здоровымъ, а къ больнымъ, потому что здоровые во врачѣ не нуждаются. Поэтому, чтобы вступить въ Святую церковь Христову и усвоить себѣ спасительность страданій Христа, человеку прежде всего необходимо признать себя больнымъ, признать свой грѣхъ, показаться къ нему и не только устать, а всею жизнью своею, всѣмъ существомъ своимъ воскликнуть: «да будетъ воля Твоя!» Необходимо на безконечную любовь Небеснаго Отца отвѣтить безпредѣльною преданностію и покорностію (смыслъ).

Такое настроеніе и царило среди христіанъ первыхъ вѣковъ.

«Христіане первыхъ вѣковъ», говоритъ Михаилъ Ивановичъ, «дышали однимъ чувствомъ, котораго никакія слова не въ состояніи описать, до того завлаживающимъ и поглощающимъ нѣтъ внутренняго человека, что они могли повторять слова апостола: «уже не я живу, но живеть во мнѣ Христосъ!» Станетъ ли кто оспаривать тотъ грустный фактъ, что та непосредственная любовь къ Христу, которую такъ живо ощущали первые христіане, теперь — вѣднѣе довольно рѣдкое! Часто ли мы встрѣтимъ то огненное чувство, которое дышетъ, напр., въ словахъ мученика, котораго христіане-братья вымалили было счастья отъ смерти? «Умолю васъ не оказывать мнѣ неумѣстной любви. Оставьте меня сдѣлаться пищею зѣбрей... Простите меня, а самъ знаю, что для меня полезно. Ни видѣное, ни не-

видное, никто не удержит меня прийти ко Христу. Огонь и крест, томят забрыз, расчленение, расторжение, раздробление костей, отсечение членов, сокрушение всего тела, всё дитя муча дьявол пусть придутъ на меня, чтобы только мнѣ достигнуть Христа! Его ишу, умершего за мнѣ, Его желаю, за мнѣ воскресшаго... Хочу быть Божиим: не отдавайте меня миру. Пустяте меня къ честному сѣсту... Живой оному намъ, гора желаніемъ смерти!»

Такова была любовь ко Христу первыхъ христіанъ, зора которыхъ, по выраженію Михаила Ивановича, все они какъ бы приковала восходящаго на небо Господа и горды отблескомъ Его славы!

Полночная любовь ко Христу рождала и любовь къ ближнимъ и ко всѣмъ другимъ созданимъ Божиимъ.

«Что такое любовь къ ближнему, къ человѣку?» спрашиваетъ Михаилъ Ивановичъ. «Это—не любовь ко всему человѣческому роду и не любовь къ каждому определенному индивидууму человѣчества, но—любовь къ роду или идеальному человѣку въ каждомъ индивидуумѣ,—привычка: къ образу Божию въ каждомъ человѣкѣ. Въ комъ живетъ такое чувство, тому каждое человеческое существо, близко къ сердцу, именно, какъ человеческое существо,—и отъ него любовь—даръ Христа!»

Въ самомъ дѣлѣ, что необходимо для того, чтобы возникла такая любовь къ человѣку? Не разсужденія о достоинствахъ человѣка, но живой воспринятый идеалъ человеческого совершенства, идеальный живой человѣкъ, который могъ бы вознестъ весь человеческій родъ и осветить даже послѣдняго члена этого рода отблескомъ Своей славы. Необходимо, чтобы образъ Божій въ человѣкѣ прозвучалъ въ живой дѣятельности, во всей красотѣ, чистотѣ и истинѣ, свободный отъ излаганий и поврежденій грѣхоты.

Это и было сдѣлано Иисусомъ Христомъ. «Христосъ—идеалъ первообразъ человеческого», говоритъ Михаилъ Ивановичъ: съ нѣмъ, въ идеальномъ совершенствѣ, мы находимъ осуществленіе истины нашей природы. Прехъ его

жизнью почевать мысль о национальных различіяхъ, объ отдаленности, о различіи въ степени образованія. Единица, прекрасно говоритъ одинъ апостолъ, Единица становится Его учениками, хотя Онъ не основалъ между нами никакой философской школы. Его почитаютъ браминъ, хотя Его проповѣдуютъ какъ низшей касты рыбаковъ. Красный идиотецъ молится Ему, хотя Онъ принадлежитъ къ высшимъ ступенямъ ему близкимъ людямъ. Исакое различіе дѣятъ, формъ, провозовъ, почевать къ Тому, къ Кому слава Адама находить свое первообразное единство! Но можете быть, скажутъ», продолжаетъ Михаилъ Ивановичъ: «какъ мы можемъ любить обыкновенныхъ людей, существа, часто глубоко падшія, съ грубыми недостатками, съ презрѣніями и ненавистными страстями?»

Вспомните однако, что Христосъ самъ былъ членомъ нашего рода—вотъ лучший отвѣтъ на это! Человѣческое сердце близко къ Его груди—и до сихъ поръ мы не можемъ представить себѣ ничего болѣе возвышеннаго, святаго и прекраснаго, чѣмъ Онъ. Но Христосъ—Истинный Богъ. Можемъ ли мы измѣрять человѣчество такою личностію, какъ Христосъ? Но иды Онъ Самъ именно желалъ, чтобы человѣчество измѣрилось Его измѣромъ, называя Себя такъ часто и такъ радостно Сыномъ Человѣческимъ и съ такою любовью—братомъ людей. Вотъ предъ нами человѣкъ, возбуждающій крайнее негодованіе своими низкими пороками. Что жъ? Можемъ ли мы смотреть на него съ той несоизмеримой высоты, съ которой Христосъ смотрѣлъ на людей? Извѣстъ ли намъ право болѣе, чѣмъ Онъ, возмущаться и оторваться его порокамъ? А иды Онъ никогда не выказывалъ презрѣнія къ падшимъ, «другъ мытарей и грѣшниковъ», Онъ никогда не выражалъ сомнѣнія въ томъ, что они, раскаившіеся, могутъ вознестись до высшей ступени совершенства. Истинно любовь Христа къ людямъ озарила человѣчество высшей славою, и никакие падшія тѣни человеческого такъ не возмечать нашу родъ, какъ то, что Христосъ возлюбилъ иды! Не

порок, без сознаний, Онъ любить, но—человѣка, образъ Божій въ человѣкѣ.

Отвернется ли съ презрѣніемъ отъ падшаго,—радою съ нимъ спасти Христосъ! Отвернется ли отъ падшаго, зная, что добро, которое ему окажетъ,—ему, одному изъ меньшихъ братьевъ Его, это добро имъ окажетъ Ему Самому! Безъ разсужденій, безъ споровъ—древніе христіане говорили и чувствовали, что они любятъ Христа въ владыку человѣка. Сказать Ему, любить Его—значитъ любить человека, котораго Онъ возлюбилъ до смерти.

«Живая сила любви святыхъ подвизниковъ къ человеку, къ ближнему»,—говоритъ Михаилъ Павловичъ объ аскетизмѣ первыхъ вѣковъ христіанства,—«послѣдній знаменатель!» «Если бы возможно мнѣ было взять тѣло у кого-либо изъ прованскихъ и передать ему мое, я радостно сдѣлалъ бы это!» восклицаетъ одинъ изъ нихъ.

Но эта любовь возгоралась крикомъ пламенемъ не только къ людямъ, но и ко всему созданію Божіимъ. Въ пустыняхъ, въ удаленіи отъ міра св. подвижники воспринимали въ себя любовь къ міру, но какъ въ средѣ, гдѣ осуществляется грѣхъ, но какъ въ чудному созданію Божию. «И были спросены: что такое сердце излуженное? И отвѣчали: возгораніе сердца у человека о всемъ твореніи, о человекахъ, о птицахъ, о животныхъ и о всякой твари; отъ великой и сильной жалости и отъ великаго состраданія склывается сердце его, и не можетъ оно вынести или слышать или видеть какого-либо вреда кому-либо... А посему и о беззвонныхъ и о врагахъ истинны и о дѣлающихъ ему вредъ еничаско со слезами приносить молитву—съ великою жалостію, такая безъ игры возбуждается въ сердцѣ до уподобенія въ себя Богу!»...

Такимъ было наступившее съ пришествіемъ Христа это Господне благопріятное. Но старая, грѣховная, злычеловѣкая завеса была еще сильна въ человечествѣ и скоро свѣдѣлась.

«Въ процессѣ развитія владыка народнаго организма».

говоритъ Михаилъ Павловичъ,—«мы ясно различаемъ дѣй ственно: на первой ступени отдѣльная личность имѣетъ веродѣльную духовную жизнь со всѣмъ народомъ, руководится болѣе или менѣе пасивно общей народною вѣрой, общими воззрѣніями, усвоенными народомъ, священными преданіями, обычаями, всѣмъ строитъ и складываетъ народную жизнь.

На этой ступени народъ безъ ясной сознательной мысли, горячо, страстно относится ко всему своему, къ своимъ вѣрованіямъ, къ господствующему среди него міросозерцанію. Это время горячей вѣры и величайшихъ народныхъ подвиговъ. Къ этому-то горячему чувству и призывается исконное слово начало, гдѣ, вѣдога вѣднѣйшій искуситель,—вызывается гордое народное самопревозношеніе, стремленіе никого и ничего не признавать выше своего истиннаго, узко-національнаго, является искушеніе вѣсто правды Божіей посланить свою правду, народную, человѣческую, временное, истинное, человеческое, переходящее признать божественнымъ, вѣчнымъ, абсолютнымъ,—это грѣхъ юдѣизма, противопоставляющаго правдѣ Божіей правду человѣческую, запечатлѣнную узко національнымъ духомъ отеческихъ преданій».

Въ этотъ грѣхъ и впадо западное христіанство.

«Идея католицизма», говоритъ Михаилъ Павловичъ, «идея чисто-римская, идея властвованія надъ всѣмъ народомъ, идея подчиненія всего міра однообразному закону, исходящему изъ одного центра».

Слѣдствіемъ этого грѣха было, во-первыхъ, отпаденіе римско-католической церкви отъ Церкви Вселенской, а во вторыхъ, появленіе атеизма среди западноевропейскаго человечества.

Всѣгда за указаннымъ періодомъ народнаго жизни, характеризирующемся преобладаніемъ чувства, горячей вѣры, наступаетъ другой,—періодъ господства мысли, сопровождаемый расцвѣтомъ науки, просвѣщенія. То, что раньше принималось на вѣру, въ этотъ періодъ люди стремятся подвергнуть критичѣскому разуму.

«Давно дремал сны не дремать», замечает Михаил Павлович: «пробудившаяся мысль не ограничивается тем, чтобы сознательно, при помощи науки усвоить то, что раньше воспринято было на ифру, в гордом усвоении она все знает на суд, допрашивает каждое явление о причинах и правах его бытия, не подпа и предметов, которые по своему существу своему всегда были и будут вне сферы холодного, рассудочного знания. И снова — тот же старый грех: человеческий разум становится выше Божией истины. Прехняя горячая ибра сдвигается невтречку, и общество теряет интуитивную цельность, единство. Было время, когда в западноевропейское человечество жгло под непосредственным воздействием живого и деятельного религиозного чувства».

«О, мы еще возникли вась», восклицает Михаил Павлович, — «студные образы дремлящих королей, воспавших алызавку лоду блестящих ворянри и среди царственного величия служивших Господу съ пламенной ревностью величайших аскетов», — королей, спавших на каменных локжах, коловших себя гвоздями и бичевавших себя до крови по слову духовника! Скорбите и въ то же время исполненные чарующей поэзии образы! Мы помним вась, там безвестных героев, остававших жень, дтей, вчуשותю и недихи тысячами умирать за святую землю!»

Но изавола въ илан западноевропейских народов пора чувства, и проснувшаяся мысль начала свою критическую работу. И если вообще пробудившаяся впервые мысль не может уберечься от увлечений и не падать даже тлъ предметов, которые всегда были и будут вне сферы холодного рассудочного знания, то легко понять, как не трудно ей было вести свою разрушительную работу по отношению къ римскому католицизму: стоило только внимательно взглянуть въ него, и они увидели, что слыша ему, она въ сущности слышать корыстолюбивую и властолюбивую иштву. А разъ явилось из душ такое сознание, тотчас же случилось отрезвление отасть

отъ него, и вместе съ нимъ и отъ христианства, потому что въ средние вьла западноевропейское человечество только и видело христианство, что въ католицизмъ.

«Боже!» говорить по этому поводу Михаил Павлович: «как жестоко, как ужасно воспользовалась властолюбивый Римъ свлвими религиозными чувствами своей паствы! Вьчна, несмысленная ибра паства въ томъ, что извививъ духу христианства, оно эксплуатировало это весеннее время западноевропейской жизни въ своихъ властолюбивыхъ и корыстолюбивыхъ расчетахъ. Но... чьмъ сильнее была гнетъ, чьмъ болъе гляди въ Римъ истапу и защищали лишь въ корыстолюбивыхъ и властолюбивыхъ расчетахъ паства, чьмъ болъе заточали въ темницы и жгли на кострахъ героев правды и добродетели (напр., Гуса) и притомъ во имя Бога и Христа Его, тлъ съ большимъ поистивъ ситанической энергией выступала атеизмъ, тлъ необудавише выривалось наружу исконное грьбное начало — начало личное, въ противоположность сверхчеловеческому божественному авторитету».

Результатомъ подобнаго направления деятельности человеческого духа было то же самое духовное настроение, которое въ свое время пережили уже ветхозаветный миръ.

«Какъ вькогда въ дремлей Элладе, говорить Михаил Павлович, поблекли свлтые образы олимпийцев, когда человекъ устами своихъ мудрецовъ провозгласилъ себя самого ифрой и единственнымъ закономъ всего, такъ въ современной Европъ раздалось то же гордое слово: только человекъ — богъ нашъ, нашъ отецъ, нашъ судия, нашъ искупитель, альфа и омега нашей жизни (Фридрихъ Фейербахъ). Если дремлей востокъ давно уже животною чувственностью убавъ энергию духа, западъ увлечается соблазнами: «будете яко боги»... Устами «безсмертнаго» Огюста Канта западное человечество какъ бы отрезалось отъ всякаго остатка ибры изъ неярный сверхчеловеческой ирв и похоронивъ религию, ршило въ одномъ положительномъ знании невать ключъ къ потерянному вратамъ

раз... «Die existentielle necessité l'humanité»... Уничтожить божество, человечество обезпечить себя прогрессом!» (Речь при осертии Антропоз. общества въ Вѣнѣ 1870).

Какия же были послѣдствія такого направленія духовной жизни западнаго человечества? Тѣ же самыя, что и въ древнемъ мѣрѣ: томленіе вѣчныхъ неудовлетворяющагося человеческого духа и рознь людей, именуемая борьбою за существованіе.

«Многихъ вникательныхъ наблюдателей духовной жизни современнаго человечества, говоритъ Михаилъ Ивановичъ, безсмыслие, что въ настоящее время въ западной Европѣ происходитъ необычайный переворотъ. Давно забытыя и на вѣкъ спящія похороненныя были вопросы, «спрошенные вопросы», по выраженію Гейне, вопросы о смыслѣ и цѣли человеческой жизни, о душѣ, о познаніи тайвъ загробнаго мѣра, о сверхчувственномъ бытіи, вновь съ живѣйшей силой оладываютъ вниманіемъ общества... Прозвѣтые вопросы! Такъ хотѣлось бы совсемъ покончить съ ними! Однако, несмотря на такую эволюцію, душа человека навсегда остается вѣраа своей природѣ: «спрошенные вопросы», какъ были, такъ и останутся на вѣки самыми важными, самыми дорогими, закѣтными вопросами!»

«Давно ли», продолжаетъ далѣе Михаилъ Ивановичъ, «натуралистическое міросозерцаніе завязало державенную аретку организацию научно человечество (слова Ренана въ L'avenir de la science, 37)? А теперь съ ужасомъ приходитъ къ убѣжденію, что оно породило лишь вѣтяку эгоизма и често животныхъ инстинктовъ. Прежде чѣмъ Спенсеръ создалъ свою теорію эволюціонной морали, основанной на законѣ борьбы за существованіе, эволюціонная доктрина уже принесла свои плоды въ ужасающей припавшей распущенности.»

А вотъ, говоритъ Михаилъ Ивановичъ въ другомъ мѣстѣ, «отчаянный вопль того, кто едва ли не болѣе всѣхъ потрудился надъ отрицаніемъ всей высшей стороны человеческой природы, — всего того, что связываетъ насъ съ

Безконечнымъ. «Потеря вѣры въ Прозвѣтіе это ужасное лишеніе... Съ отреченіемъ отъ христіанско-церковной вѣры вы видите себя поставленными въ среднѣй какой-то чудовищной мировой шагнѣ съ желаніями зубчатыхъ колесами, съ шумомъ вращающимися вокругъ себя, вы видите себя среди этого ужаснаго механизма беззащитными и безпомощными, не обезпеченными ни на одинъ моментъ отъ того, чтобы при малѣйшей неосторожности быть захвачены какими-либо колесомъ и разорванными на влоchia» (Штраусъ).

Итакъ, самоубійство человеческого ума и гордость человеческой воли слова потеряли пораженіе, и западноевропейское человечество оказывается такъ же лишеннымъ гармоніи духовной жизни, какъ вѣдогда было лишено ее человечество ветхозавѣтное. Какой же долженъ быть исходъ изъ этого состоянія?

«Если и не ошибаюсь», цитируетъ Михаилъ Ивановичъ «Le nouveau positivisme» Познанъ, «ни присутствующимъ въ настоящее время при народженіи новаго духа, т. е. новой точки зрѣнія на человека и мѣра, новой логической совокупности идей, вѣрованій и чувствъ, и этотъ духъ, который далеко еще не выразился въ всѣхъ очертавіяхъ, повидному, будетъ значительно отличаться отъ предыдущаго и, какъ можно ожидать, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ будетъ прямо противоположенъ ему... Вполнѣ пробуждаются религиознаго чувства, у многихъ людей развитыя и подавленные научными духомъ и современной философией.»

Каковъ же будетъ этотъ «новый духъ» для того, чтобы онъ могъ внести гармонію въ духовную жизнь западнаго человечества?

Другого духа, кромѣ духа любви и смиренія передъ Богомъ, быть не можетъ.

Вотъ какъ выражаетъ эту мысль Михаилъ Ивановичъ.

«Для подавленія человеческого эгоизма необходимо виднунуть человека изъ самого себя, необходимо, чтобы онъ всѣмъ существомъ своимъ преклонился не предъ самимъ

собой, но пред Существом, безвременно вышшим его, Словом, необходимо перерождение, необходимая могучая перевертка во всем существе человека. Необходим Верховный Царь человеческой совести, требующий себя благодатной преданности и самоотверженной любви! Но как же найти такое человечество этого Верховного Царя и Судью человеческой совести? В католицизм? Но как найти высшего Христа царя римский папа, вместо вечной правды Божией—временная, истинная, человеческая правда, правда римская, папская. В протестантизм? Но что такое протестантизм с его бессмысленными антами и толками, как не перекуты от духовного гнета Рима к полному нестрию?

«В том-то и трагизм современного западного человечества», говорит по этому поводу Михаил Пьянович, «что ему уже трудно найти путь к правде Божией, потому что всякий раз, как томный безагрием дух его обращается к Богу, он встречается с непогрешимостью папы, с невозможным требованием отречься от свободы мысли и совести и всякий раз снова толкается в безотрадную водами нестрию... Выбора нет: или абсолютней десотинизм католицизма, или одиозная, самой себя представляющая личность со своими ограничительными разужомы, или духовное рабство, или нестрию».

Очевидно Христа нужно искать только в той церкви, в которой Он царствует, как единственный глава ее, которая не знает никакого другого главы, никакой другой правды, кроме вечной правды Божией, а таковою была, есть и будет одна только Вселенская Церковь, заветы которой свято и нерушимо блюзуются в Православии.

«Вокругу только святой Вселенской Церковью», говорят Михаил Пьянович, «св составной охранить единство втрьм и братской союзу своих членов, без лишнего жертвенного авторитета, и в то же время обезпечить законную свободу человеческой совести, ибо основное начало ее любовь. Любовь воспрепятствует поставить выше всего

только свое истинное, узко-национальное, сь отрицанием, сь краждом во всем другом, сь стремлением все покорить, поработить одному истинному, узко-национальному, как это мы видим в папствах. Та же любовь побуждает христианину—выше всего поставить своей личной разужу и во имя его разорвать братское общение со всеми, духовно разьединиться, как это мы видим в протестантизме. Дозволяет каждому по-своему, своим особенным, ему только свойственным голосом прославлять своего Создателя, христианская любовь составляет стройный неличностный хор, при всем богатстве и разнообразии звуков, составляющий одно художественное целое!

И этот идеал Вселенской Церкви свято хранится в Православии!

Что случается из всего сказанного? Пока западноевропейское человечество из своей тоски по Богу обращается лишь к Риму, оно обречено получить вместо хлеба лишь камень. Но придет время, и Михаил Пьянович всяким существом своим вбролит в это, когда отчаявшись окончательно в Риме, оно повернет свои взоры в другую сторону, в сторону Православной Церкви, и тогда, и только тогда получит тот духовный хлеб, в котором так долго тоскует, тогда только найдет утраченную гармонию душевной жизни.

Наблюдая современное русское общество, можно отметить в нем три группы людей, различающихся друг от друга по характеру своей духовной жизни. К первой, представляющей из себя подавляющее большинство, принадлежат те, вь души которых ярже, как заветная святница, хранится чувство православной церковности, но которые, по своему умышленному неведению, сами не отдають еще себя асцелью отчуждения, какое сокровище носить они в своей души. Духовную жизнь этих людей мы могли бы сравнить со сивальником, поставленным под сводом и потому не дающим вокруг себя света. Другую категорию составляют люди, у которых чувство

православной церковности в значительной степени по-
давлено живящим рабски воспринятой западноевропейской
образованности, в самом существе своем лишеной
религиозного духа. Такого рода людей можно было бы
уподобить святилинку, вынесенному на бури и непогоду;
слабый свѣтъ, исходящій отъ него, каждую минуту готовъ
совсемъ погаснуть подъ напоромъ вѣтра, а иногда уже
и погасъ. Къ третьей рязари относятся такіе люди, у
которыхъ горячее чувство православной вѣры и церков-
ности подорвано и ослѣщено глубокимъ убѣжденіемъ
совѣтальной мысли. Они похожи на свѣтильникъ, обильно
слабѣнней масломъ и вынесенный изъ-подъ спуда въ
такую свѣтлую погоду. Отътого свѣтъ, идущій отъ него,
широко распространяется вокругъ, ослѣщая всѣ окрестные
предметы и указывая заблудившемуся или не знающему
дороги путнику, куда ему слѣдуетъ идти.

Нужно ли говорить, къ какому изъ этихъ типовъ лю-
дей принадлежалъ Михаилъ Павловичъ?

IV.

Будучи православникъ человѣкомъ не только по
глубокой любви къ православной вѣрѣ, по чувству, но
также и на основаніи искреннаго убѣжденія разума, Ми-
хаилъ Павловичъ былъ въ то же время и русскимъ чело-
вѣкомъ, русскимъ до мозга костей. Поэтому, прежде чѣмъ
говорить о томъ, какъ онъ служилъ Православной Церкви,
мы должны разсмотрѣть, какими образомъ чувство право-
славной церковности сочеталось въ его душѣ съ другимъ
чувствомъ, съ чувствомъ національности; другими словами,
какъ онъ представлялъ себѣ взаимныя отношенія право-
славія и русской народности. Отвѣтомъ на это будетъ на-
стоящая глава.

Идеа Вселенской Церкви, объединяющей въ чувствѣ
любви къ Богу всѣхъ христіанъ, въ первые вѣка христі-
анства была общимъ достояніемъ всего христіанскаго міра.
Однако впоследствии западное христіанство, подъ вліяніемъ

идей, увлекшихся земными цѣлями, какъ имъ знаешь, утра-
тило эту идею, и христіанство на на земляхъ должнохъ быть
остаться лишь греческій востокъ. Но какъ разъ въ то
время, когда Римъ отпалъ отъ Вселенской Церкви, въ
ограду ей вступилъ новый народъ, народъ русской, кото-
рому и суждено было впоследствии, съ утратой грече-
скихъ міромъ живившихъ силъ, сдѣлаться главнымъ пред-
ставителемъ православія во всей вселенной.

Къ этому назначенію своему русский народъ былъ пра-
готовленъ, по убѣжденію Михаила Павловича, особыми
условіями своей исторической судьбы.

Поселившись въ самыхъ очагахъ древней языческой
культуры, новые европейскіе народы вѣрѣ съ христіан-
ской религіей восприняли еще царящее въ полнѣ силъ
въ жизни языческіе порядки. Это языческое наследіе
глубоко омрачало самое христіанство на западѣ въ лицѣ
католицизма съ его порожденіемъ, протестантизмомъ и со-
временнымъ нехристіанствомъ. Труднѣе древняго язычества, разли-
гаема, въ значительной мѣрѣ отранилъ начинавшуюся ду-
ховную жизнь западноевропейскихъ обществъ. Такъ было
на Западѣ, но не такъ было у насъ. Мы приняли божественное
сѣмя христіанства, но уцѣлѣли отъ отравы древняго
язычества. Мы не искали чужихъ земель, подобно
основателямъ западноевропейскихъ государствъ. У насъ
была своя земля. Святославъ, такъ сильно поклонившій
древнихъ конунговъ, стремился было повалить насъ ли-
цомъ къ лицу съ одражавшимъ Византіей, но ему сказали
въ Киевѣ: «князь, ты напрасно ищешь чужой земли!» Мы
приняли вѣру отъ грековъ, но стороялись отъ нихъ жилиемъ.
Греки дѣльнымъ до сего дня, говорили наши предки. Мы
приняли отъ нихъ слово Божіе, богослуженіе, святоотече-
скія творенія, церковную организацию и... строго иоче-
скій уставъ. Подобно тому какъ Господу древняго Париза
въ пустыни воспиталъ для исторической жизни, такъ
Провидіе удаляло насъ въ далекій северъ, Монгольское
иго надолго раздѣляло насъ со всѣмъ міромъ, и чистая

христианства начала безраздельно лежать на основу нашего исторического развития. Впервые в мир возникло государство, с самого начала своего существования возводившее всеобщую на основу своего развития божественное слово Евангелия, и Святая Православная Церковь стала колонизатором, образующим началом нашей народности!»

Начало это во всей своей полноте и чистоте до такой степени вросло в душу русского народа, что никакие подвиги условия, никакие искушения не могли уже отклонить его волеизъявления от его великого назначения.

Лучшим доказательством этого Михаил Иванович считал победу, одержанную в XVII веке русскими народами над своим национальным врагом — во имя идеи Вселенской Церкви.

По величайшему закону развития человеческих обществ (см. гл. III) и русскому народу пришлось пережить искушение поставить свою истинную человеческую правду на место правды Божией, привести идею Вселенской Церкви в жертву своему национальному врагу.

«Было время», — говорит Михаил Иванович, — «критическое время, когда и у нас возникла та же опасность, то же искушение, предвзвешенное в устах Рима, и даже впоследствии одержавшая Византию... К концу XV века у наших предков попутался в сознании святой образ Вселенской Церкви... В горделивом самонадеянном мире предка готов был уже осудить всяких православных христиан, кроме самих себя, как еретиков, как иезавельских Христовой петимы. Вместо Вселенской Церкви — у нас отрывал идея истинной и национальной общности первичной жизни, с сохранением на этом вечные неподвижные и незыблемые основы, сложившиеся у нас. Не Вселенская Церковь, в которой нет ни елика, ни гудка, ни свекла, ни кароара, не вечная правда Божия, — свой истинный старина и национальный особенный — вот что грозило стать знаменем нашего дальнейшего духовного роста. Мы не делили были от того, чтобы

посчитать участь Рима, на идеи вечные заключавшего правду Божию своей человеческой, истинной, узко-национальной правдой. Не даром наши предки уже возлагали Москву третьим Римом. Но — благодарение Всемилостивому, благодарение великому Главе и Боже Святой Церкви! Слава и величие нашей Святой Православной Церкви сложилось из того, что эта достаточно уже отрубившая кора узкого национализма в Церкви треснула предвзвешенной, вечно живой благодатной силой Церкви. То была великая, и тогда больше не истеричный нами, крошечная древней Вселенской Церкви, подвиг самоотречения русского национализма с возвращением русского религиозного сознания к началу Вселенской Церкви и противоположность истинной, узко-национальной розни и исключительности. Не было в нашей древней Московской Руси больше великого человека, чем святейший патриарх Никон, досель еще мало оцененный нами, как в новой Руси нет больше великого человека, чем Петр. Это он, величайший из святителей, указал: «да во всем великая Россия православная со всею славою патриарха согласна будет!» «Скажите», — продолжает далее Михаил Иванович, — «не любоз ли, не пришли ли к братскому общению слышите в этих словах? Могущественный патриарх, да еще «великий государь», с безграничным влиянием в величайшей державе, патриарх, которого с величайшим усердием поддерживал бы все, которые потому стали любимыми его врагами, если бы он подвизался за «московского православия: в явной ущерб Вселенской петимы и братскому общению, он братски подает руку, он с глубоким уважением выслушивает советы от тех, кто приходит к нему за подаянием. А старый неустой возраст истинного, узко-национального иррелигиозия отсылать в вид раскола».

Таким образом искушение было выдержано: русский народ пожертвовал своим национальным врагом — основному принципу своей жизни, идеи Вселенской Цер-

ки, начало которой—любовь. И лишь ничтожная, наиболее загрубевшая духовно часть его не отказывалась на святой призыв Никона и осталась при своем узко-национальном, эгоистическом религиозном настроении все равно, как в свое время закоренелые замчинцы не поддавались воле Владимира, открывшего предъ ними двери Восточной Церкви, а бжали въ дѣла и стѣны съ тѣмъ, чтобы бесстыдно стянуть къ нимъ. Въ виду такого исхода восточнаго русскому народу искус Михаилъ Ивановичъ никакъ право сказать:

«Безъ сомнѣнія, само собою понятно, что великій патриархъ былъ не божье, какъ орудіе воли Господней, какъ живая провѣстка величайшаго духовнаго подвига православнаго народа русскаго, къ душѣ котораго никогда не погасаетъ священный огонь, возгорѣвшійся при Владимирѣ, тотъ огонь, который Сыкъ Божій привнесъ на землю! Вотъ предъ нами для всѣхъ очевидное знаменіе никогда не умирающей силы Божіей, живущей въ нашей Святой Церкви и не одушевленной!»

Сказаннаго, полагаемъ, достаточно для того, чтобы уяснить себѣ, какъ смотрѣлъ Михаилъ Ивановичъ на отношеніе православной Церкви къ русской народности. Въ его представленіи они были такъ же неразлучно связаны другъ съ другомъ, какъ тѣло и душа. Безъ православія въ его глазахъ не могло быть и самобытности русскаго народа; отрѣшиться отъ православія для него значило бы отрѣшиться отъ самого себя, перестать быть народомъ русскимъ, сдѣлаться чужимъ сломку себѣ. При такомъ возрѣніи на взаимныя отношенія православія и русской народности, служить православной вѣрѣ значило для Михаила Ивановича служить духовному развитію русскаго народа; наоборотъ быть вратомъ церкви значило работать надъ духовнымъ умиротвореніемъ своего народа.

Этотъ взглядъ Михаила Ивановича съ позволеніемъ очевидности расширяется изъ отношенія его ко второму столпу величайшаго духовнаго кризису, который суждено было пережить русскому народу.

Всегда за порою чувствъ и дѣя русскаго народа наступило время пробужденія сознательной, критической мысли, признающей на свой судъ все, что раньше воспринималось на вѣру, безотчетно.

Для передовой части русскаго общества этотъ второй періодъ пришелъ съ началомъ Петра, съ преобращеніемъ Россіи въ западноевропейскую цивилизацію. И что же, случилось ли русское общество уберечься отъ того искушенія, о которомъ мы уже говорили раньше со словъ Михаила Ивановича (гл. III)? Ограничилось ли оно только тѣмъ, чтобы сознательно при помощи науки усвоить то, что раньше было воспринято на вѣру? или же, не устоявъ предъ искушеніемъ чуждой образованности, пошло по пути отрицанія всего роднаго, всего, чѣмъ жила его дѣды и прадыды?

Увы! какъ при Никонѣ наиболее загрубевшая часть русскаго народа не нашла въ своей душевной кротости отклика на его призывъ къ идѣ Восточной Церкви, такъ въ Петровскомъ періодѣ значительная часть передоваго общества, подпавъ влеченію западноевропейской цивилизаціи и ослѣвленная ею, ударились въ противоположную крайность, — стали смотрѣть на православную церковь тѣми же глазами, какъ западноевропейское общество смотрѣло на церковь католическую; другими словами, не нашла въ своей душѣ достаточно горячаго чувства къ тѣмъ заветамъ, которые лежатъ основаніемъ сущности духовной жизни русскаго народа, и не познала того глубокаго различія, которое существовало между католицизмомъ и православіемъ.

«Активнымъ духовнымъ слѣдомъ общества», говоритъ Михаилъ Ивановичъ, «все, что тогда было надъ народомъ, что возвышалось надъ нимъ умомъ, развитіемъ, положеніемъ, отвернулось отъ православной церкви».

Подобное явленіе, конечно, должно быть признано печальнымъ, но не слѣдуетъ приписывать ему какого-либо рокового значенія въ смыслѣ нарушенія вѣковаго союза между православіемъ и русскою народностію. Во-первыхъ,

передова часть общества совѣтъ не означать всего народа; во вторых, увлеченіе только что проснушагося и еще неразлого ума чуждою и потому уже привлекательною похвалою—засты до того неизбежный въ жизни какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ обществъ, что можетъ быть признавъ заветіемъ почти законодѣрными. И часто это увлеченіе кончается тѣмъ, что разочаровавшіеся въ чужихъ идеалахъ, люди снова возвращаются къ своему родному берегу. Очень можетъ быть, что такая же будущность ожидаетъ и наше передовое общество.

«Можетъ быть», говоритъ Михаилъ Ивановичъ, «въ цѣлахъ Провидѣнія, хотѣшаго всѣмъ человѣкамъ счастья и въ разумъ истинны пріята, такъ и подобало, чтобы наше образованное общество, временно отпавъ отъ Церкви и духовно приближившись къ Западу, пристрадалъ извѣсть съ нимъ его вѣдуги и божьяя, познавъ ихъ не со стороны любовитаго зрителя, но выносясь въ своемъ сердцѣ, снова вернулось къ роднымъ хлѣбу, въ отчій объятія, поведя съ собою и тѣхъ, съ которыми разошлось ихъ духовныя вѣдуги».

Такимъ образомъ временное охлажденіе образованнаго русскаго общества къ православной церкви можетъ окончиться даже торжествомъ ея: это общество можетъ вернуться въ нее, но не одно, а въ сопровожденіи общества западноевропейскаго, восточнаго по Вселенской Церкви и не изъяснѣнаго, какъ мы видѣли уже выше, надежды найтъ успокоеніе своей тоскѣ въ римскомъ католицизмѣ съ его папскою непогрѣшимостію.

Вѣдь была бы въ томъ случаѣ, если бы русская церковь впадала въ ту же ошибку, какъ и церковь римская, если бы она низвала духу любви, одушевляющему Вселенскую Церковь, ради истинныхъ, національныхъ интересовъ и этики сама не отбрыла бы для образованнаго русскаго общества пути къ возвращенію въ нее.

Вотъ какъ передать эту мысль Михаилъ Ивановичъ:
«Если бы русское образованное общество, истомив-

шись въ тишинѣ иславія новыми идеалами, въѣвъ Церковь, какъ блудный сынъ, удалившійся изъ родоваго крова въ страну далече,—вдруго возвратился въ отчій домъ,—безъ великаго подвига патріарха Никона, чтобы имъ нашли домъ, при своемъ возвращеніи? Фапатически злобою авантюристу, возведенную въ степень «догмата» на подобіе папской непогрѣшимости?»

Но имъ уже извѣсть, что наша церковь этой непоправимой ошибкой римскаго католицизма не совершила...

Мы говоримъ лишь о передовой части русскаго общества, но каково было настроеніе всей массы народнои въ послѣпетровскій періодъ?

Скованный рабствомъ, оскудѣвшій притокомъ активными духовными силами вслѣдствіе разрыва съ передовою своею частью, изживавшею его заветамъ, народъ и послѣ Петра продолжалъ еще долгое время жить прежнею статичною жизнью, крѣпко храня въ душѣ святыню православія, но не умѣя по причинѣ умственнаго неактивнаго прозябанія свою любовь къ нему активнымъ образомъ.

Въ такомъ состояніи народъ пребывалъ до второй половины XIX вѣка. Но съ эпохою Александра II, освободившаго русскую землю отъ скваживавшихъ ее путъ, пришла очередь и для народнои массы пережить тотъ покусъ, которому передова часть его подверглась уже въ эпоху Петра.

«До второй половины текущаго столѣтія», говоритъ Михаилъ Ивановичъ, «наша деревня жила старорусскою жизнью, крѣпко своимъ вѣковыми бытомъ, священными преданіями заветной старины, укладомъ, унаслѣдованнымъ отъ дѣдовъ и отцовъ. Настало иное время. Съ развивающеюся фабричною жизнью, съ быстрыми и дивными путями сообщенія, съ многими другими обстоятельствами,—деревня нѣмѣ собрала въ неведомый путь...»

При томъ взглядѣ на значеніе православія въ духовной жизни русскаго народа, который существовалъ у Михаила Ивановича, понятно, какъ долженъ былъ тревожить его

душу пореволюционный из прошлого время народом духовный кризис. Останется ли народ вѣрять своему историческому призванію или отступитъ отъ него по призыву своей интеллигенціи?—вотъ, что считала отъ пореволюціи, центральнымъ вопросомъ настоящего времени, вопросомъ, отъ котораго зависитъ все будущее Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, видя уходившее съ прямого пути интеллигенція, можно было еще утѣшаться надеждою на народъ. Но съ извѣстнымъ своему призванію народа, извѣстнымъ надеждамъ, извѣстнымъ утѣшеніямъ не было бы мѣста. Конечно, не за судьбу дорогого ему православія боялся Михаилъ Ивановичъ: перья Христовой и врата ада не одолѣютъ, а Богъ и изъ каменной плиты сотворитъ дѣтей Аврааму. Но неужели русскому народу, какъ некогда иудеямъ, придется выслушать отъ Господа горькія слова: «се оставляется вамъ доль ваша пуста!»

Это тревожное настроеніе души Михаила Ивановича слышится въ сказанныхъ словахъ его, сказанныхъ за несколько мѣсяцевъ до смерти. «Пожоженіе грозно, но мѣсть критическій... Въ народную жизнь неустранимо врываются чуждые ей разлагающіе элементы. Простая изадеическая вѣра прежнихъ временъ и въ средѣ народа уже ставится вѣрой испытующей. Духовные запросы народа растутъ... Развитіе сектантства указываетъ уже и на темные стороны совершающейся перемены — на стремленіе освободиться отъ церковной дисциплины».

Тяжесть возложенія увеличивалась, въ глазахъ Михаила Ивановича, еще благодаря неперошеннымъ рѣдѣтелямъ о народникъ бляхъ, отъ нихъ «возлазъ въ овечьей шкурѣ», которые стремились и стремились увлечь народъ съ его прямого пути. Вотъ какія скорбно-гнѣвные слова вылились изъ груди его по поводу этихъ рѣдѣтелей въ послѣдней Московской публичной рѣчи его, — слова, въ которыхъ, какъ живой, чувствуется весь Михаилъ Ивановичъ съ его беззащитной, не только умъ на сердце, всю жизнь его пронизавшей любовью къ Православной Церкви.

«Намъ предлагаютъ отказаться отъ археологическихъ обломковъ старой традиціи и выработать новую ироосозерцацію, и вы посылаете своихъ дѣтей учиться всему этому... О, дивные, чуднопрекрасные образы давно ипущаго, такъ сроднявшіеся съ душою, прочтите! Дорогія съ дѣтства, впервые произнесенныя любящими устами матери, вѣсна — Виллема, Назаретъ, Иерусалимъ, Голгова, снѣволь самоотверженной, распавшейся за грѣхъ міра божественной любви — вѣреть Господень, — вы, священные соитія апостоловъ и мучениковъ, свою кровью запечатлѣвшие правду вашей вѣры, прочтите! Скоро все это, какъ ипужные обломки, свесутъ въ архивъ! Многострадальца исторія русскаго народа, съ неизбѣжною вѣрою во Христа, побороваго ивѣншихъ и внутреннихъ вратовъ своихъ, — мы отвергиваемся отъ тебѣ! Мы разрываемъ всякое духовное родство съ вами, мы чужие вамъ, наши предки, своими чудосными подвигами создавшие для насъ наше современное положеніе! Боже, долго ли продлится наше безуміе?»

Къ чему же обязываетъ такое положеніе дѣла людей, призванныхъ, подобно Михаилу Ивановичу, трудиться на нивѣ духовнаго просвѣщенія народа. Обязанность ихъ асна — служить съ самоотверженіемъ тому священному статусу, подъ сѣнью котораго въ теченіе вѣковъ жила русскій народъ и который въ наши дѣла былъ поднятъ на новую высоту величавымъ Миротворцемъ, Александромъ III.

Вотъ какъ выразила эту мысль Михаилъ Ивановичъ.

«Отцы наши, первоучители св. Кириллъ и Меодій, Литовій и Геодосій, преподобный Сергій и все многое множество великихъ подвижниковъ земли русскаго зажитъ испру любви Божией въ сердцѣ народа. Намъ теперь предстоитъ завершить ихъ подвигъ. То, что воспринято было горячимъ чувствомъ юнаго народа, что долго держалось отповѣскимъ и дѣдовскимъ преданіемъ, намъ предстоитъ озарить всѣмъ свѣтомъ лучезарнѣйшаго идеала, осмыслить и просвѣтлить народное религиозное сознаніе».

И Михаил Иванович често и верно служил своему знамени на всех поприщах, на которых пришлось ему потрудиться: и в звании школьного учителя, и в качестве литератора, и в сант иерей Божий, и в должности школьного администратора, служил и других возбуждал к тому же, твердо вбруя в помощь Смише себя и других деятелям святого дела.

«Не скучна» говорил он, обращаясь к своим соратникам, «тѣмъ, что малообразующая интеллигенция ослабляет хѣру народа и своимъ полумысленнымъ образомъ жизни и своимъ искусственнымъ, что сепятство называютъ уже развѣдать цѣлность духовнаго народнаго организма, что такимъ образомъ и сверху, и снизу, и соевъ народъ нашъ подвергается страшнымъ искушениямъ, — путь нашъ крестъ! Это путь древнихъ великихъ святителей, въ страшныя времена татарщины, поднимавшихъ упавшій духъ народа, возроставшихъ юное Московское государство, это путь Гермогена и его великихъ сподвижниковъ... Это крестный путь, на которомъ верховнымъ Владыкою нашимъ будетъ Тотъ, Кто вѣкогда, говоря словами одного писателя, будучи чистѣйшимъ среди могущественнѣйшихъ и могущественнѣйшимъ среди чистѣйшихъ, Своимъ прозвонкомъ рукою сплелъ со своихъ основъ царство и вывелъ изъ Своихъ руслъ потокъ вѣковъ, и теперь еще, какъ и всегда, всемогуще царствуетъ надъ временами!»

Мы оговорили характеристику нравственнаго настроенія Михаила Ивановича, его взглядовъ и убѣжденій; мы видѣли какъ онъ познавалъ свою задачу въ качествѣ современнаго общественнаго деятеля. — Посмотримъ, какими онъ обладалъ средствами для ея выполнения, какими способностями и дарованиями надѣлялъ Господь вѣрнаго раба Своего, всю свою жизнь трудившагося ради славы Его святого имени.

V.

Бываютъ люди науки, способные до такой степени уйти въ свой излюбленный предметъ, что рамками его, иногда очень тѣсными, на всю жизнь ограничиваютъ свой умственный кругозоръ. При этомъ положительнымъ качествомъ своимъ, при всей полнотѣ, которую приносятъ такіе люди своей наукѣ, нельзя не отбѣить въ нихъ и некоторыхъ отрицательныхъ сторонъ. Такъ, напр., умъ ихъ, несмотря на всю глубину, съ какою онъ погружается въ самую вѣдра избранной ими отрасли знанія, часто бываетъ очень узокъ и крайне неотзывчивъ даже на самыя важныя запросы текущей дѣятельности со всеми ее тревоженіями.

Прямо противоположенъ этому («вѣдцкаго покроя») умъ живой и впечатлительный умъ русскаго человѣка. Правда, онъ уступаетъ своему вѣдцкому товарищу въ способности до самоабнвенія уходить въ самыя подернныя глубины всякаго знанія или увостаться въ туманную даль облачной философіи, но зато каждую минуту готовъ отозваться послѣдною помощью на всякій крикъ живой дѣятельности и умѣетъ правнано познать и по достоинству оцѣнить сущность всякой чужой мысли. О вкусахъ, конечно, не спорить, но разсуждая попросту, яснымъ и простоямъ, сердечнымъ, если можно такъ выразиться, умъ русскаго человѣка, право гораздо живѣе и сампатичнѣе, чѣмъ сухой умъ вѣдцы, несмотря на всю его глубину и научныя заслуги.

Русскій человѣкъ по своимъ убѣжденіямъ, Михаилъ Ивановичъ обладалъ и умомъ чисто русскимъ. Достаточно будетъ самаго бѣлаго обора его умственной жизни, чтобы убѣдиться въ этомъ. Съ университетской скамьи онъ избралъ себѣ специальностью исторію церкви перыхъ вѣковъ христіанства. Вплоть до соответствую религіозному настроенію его, эта важная отрасль человѣческихъ знаній до конца жизни

оставила излюбленным предметом его изученья заветей. Но шлою умъ его никогда не могъ удержаться въ рамкахъ одной специальности, какъ бы широка она ни была, и Михаилъ Ивановичъ одновременно изучаетъ русскую историю, иностранную и русскую литературу, усердно изучаетъ также славяно-иноземъ, въ ученію которыхъ онъ склонялся по своимъ убяжденіямъ. Мы не говоримъ уже о епископско-богословскихъ вопросахъ, постоянно занимавшихъ его умъ и служившихъ тематомъ для его публичныхъ лекцій. Близко была начитанность его и знакомство со многими русскими и иностранными писателями, поэтами и мыслителями, можно судить хотя бы по тѣмъ же публичнымъ лекціямъ и рѣчамъ, произнесеннымъ имъ въ различныхъ общественныхъ собраніяхъ, въ которыхъ онъ долго и свободно обращался ко всевозможнымъ авторамъ для иллюстраціи своихъ мыслей. Слѣдуетъ притомъ замѣтить, что начитанность никогда не подвизала въ Михаилѣ Ивановичѣ самодѣтельности и самостоятельности его собственной мысли. Онъ всегда умѣлъ разбираться и отдѣлять себя ясный отчетъ въ читаемомъ и, какъ мы уже видѣли, былъ человѣкомъ способъ опредѣленнаго міросозерцанія.

Послѣ разносторонности вторюю отличительною чертою ума Михаила Ивановича было его постоянное стремленіе работать не только для себя, но и дѣлаться результатами своихъ умственныхъ занятій съ другими. Еще въ семидесятихъ годахъ въ петербургскомъ журналѣ *Свѣтлицы* появились однокъ за другими нѣсколько научно-популярныхъ очерковъ его по исторіи христіанской церкви, какъ результаты занятій его въ этихъ предметахъ: «Ученіе Философъ», «Оригенъ» и др. Увлеченный въ девятидесятыхъ годахъ изученіемъ христіанскаго аскетизма, онъ начинаеть печатать въ *Духовномъ Чтеніи* рядъ популярно-художественныхъ разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ «Цѣпъ съ дуга духовного» и пр. Занятія его русскою исторіею сопровождаются появленіемъ въ свѣтъ прекрасной

монографіи объ Александрѣ Невскомъ, сначала начатая той же на страницахъ *Духовнаго Чтенія*, — монографіи, въ которой кроетъ живоеисловіе и характеристическіи этого князя дана широкая картина жизни древнерусскаго общества.

Стремленіе привести обществу поспѣваю пользу своими знаніями и дарованіями влекло Михаила Ивановича еще дальше. Въ публичныхъ лекціяхъ, рѣчахъ и церковныхъ словахъ онъ уже прямо отзывался на духовные запросы современнаго русскаго общества, освящая ихъ съ православно-христіанской точки зрѣнія. Таковыя характерныя отличія, внар., послѣдняя Московская публичная рѣчь его: «Церковь и Общество» или приведенная нами выше проповѣдь его на день Введенія во храмъ Пресвятой Богородицы, затрогивающая ягучій вопросъ о причинахъ оскудѣнія идеальныхъ стремленій въ современномъ образованномъ обществѣ. Наконецъ выступилъ Михаилъ Ивановичъ съ своимъ перомъ и какъ публицистъ, помѣщая въ Московскихъ и Петербургскихъ церковныхъ вѣдомостяхъ статьи по вопросамъ церковно-общественной жизни.

Указывая на нѣкоторые печатные произведенія и статьи покойнаго Михаила Ивановича, мы отиудъ не можемъ въ виду представить полный списокъ всего напечатаннаго имъ. Задача наша состоитъ только въ томъ, чтобы показать, какими свойствами и качествами отличался умственный миръ его, и для этого, полагаемъ, сказаннаго достаточно. Разносторонность, выразившаяся въ разнообразіи предметовъ, которыми занимался Михаилъ Ивановичъ, живность, связанная съ постояннымъ стремленіемъ его дѣлаться результатами своихъ знаній съ публикою, отвлеченность во всемъ злобамъ дня, смущающимъ духовную жизнь русскаго общества, — вотъ, повторимъ, отличительныя черты умственныхъ дарованій Михаила Ивановича, неизбѣжно проявившіяся въ немъ въ теченіе всей его жизни. Но указывая на качества ума не были единственными и даже слабыми характеристиками способности его

богато одрепанной арароды. Natura его была по прощанью шестую натурою художественною. Эта художественность проявлялась прежде всего въ домашней обстановкѣ Михаила Ивановича. Какъ имъ говорили уже, покойный былъ крайне неприхотливъ въ своихъ личныхъ вкусахъ и предпочиталъ: любилъ простую пищу, простую одежду. Но удовлетворенію своею художественною инстинкту, онъ любилъ видѣть вокругъ себя красивую и изящную обстановку. Интерьеръ: эта обстановка была нужна ему не какъ человеку, избалованному консортомъ и житейскими удобствами: онъ любовался ею, какъ художникъ, она нужна была ему для удовлетворенія его художественнаго чувства. Обладая скромными средствами, Михаилъ Ивановичъ не могъ, конечно, одними живописными руна создать вокругъ себя такую обстановку, но онъ дѣлалъ для этого все, что только было ему по силамъ. Какъ скоро въ карманѣ его заводилась сколько лишняя рубль, онъ въ первое же свободное время отправлялся къ знакомымъ продавцамъ старыхъ вещей, а также знакомымъ у него въ Москвѣ было очень много, и внимательно перебиралъ содержимое ихъ лавочекъ, отыскивая, не придется ли что-нибудь ему по вкусу. Иногда, отправляясь на прогулку или куда-нибудь къ знакомымъ, онъ по дорогѣ совершенно неожиданно оказывался въ какой-нибудь антикварной лавочкѣ и возвращался домой съ новымъ приобретениемъ. Съ чувствомъ художественнаго удовлетворенія показывалъ онъ это приобретение близкимъ людямъ, и не было границъ его удовольствію, если покупка приходилась по вкусу окружающимъ и вызвала ихъ одобреніе. Благодаря этой склонности къ его домъ живоилось съ теченіемъ времени множество разнообразныхъ вещей, въ глазахъ людей съ утилитарнымъ взглядомъ совершенно бесполезныхъ, но дорогихъ и милыхъ для Михаила Ивановича. И иногда въ минуту благодушнаго настроенія, особенно предъ очувствующимъ пріятелемъ, Михаилъ Ивановичъ любилъ похвастаться своими богатствами, и на столъ выдвигались

или изящною бережно хранили старинныя тарелочки, вазочки, чашки, чарки, разныя бездѣлушки и пр., и надо было видѣть, съ какимъ чувствомъ удовольствія Михаилъ Ивановичъ любовался самъ и заставлялъ другихъ любоваться своими богатствами, старательно, по мелочамъ собиравшимся въ теченіе многолѣтняго. Одна только была доброе сердце его иногда не могло устоять предъ искушениемъ подарить тому или другому пріятелю понравившуюся вещь, вслѣдствіе чего разныя приобретения, прибывая съ одной стороны, убывала съ другой.

Но особенно Михаилъ Ивановичъ былъ большою охотникомъ собирать картины. Еще во дни юности своей, не располагая даже лишнимъ рублемъ, онъ скупалъ за гроши старыя иллюстраціи и вырѣзывалъ изъ нихъ понравившіяся ему гравюры, которыя потомъ складывались въ особые заведеніе для того аплина, а лучшія обдѣлывались въ рамки и вѣшались на стѣнахъ. Каждый праздникъ, если не было какого-нибудь срочнаго дѣла, Михаилъ Ивановичъ отправлялся на «Сухаренку» посмотреть и поторговать выставленнымъ тамъ гравюры и картины. Въслѣдствіе, когда средства въ жизни увеличались, Михаилъ Ивановичъ сталъ приобретать и болѣе цѣныя картины, покупая ихъ, по случаю въ разныхъ антикварныхъ лавкахъ: покупая понравившихся картинъ прямо изъ рукъ художника была ему до конца его жизни не подъ силу. Съ теченіемъ времени всевозможныхъ картинъ и высланными красками и гравюры накопилось у него такая масса, что они были уѣшаны въ стѣны его собственнаго особняка въ Земоскворѣчьи, и надъ Михаиломъ Ивановичемъ шутили, что онъ станетъ скоро вѣшать свои картины на потолокъ. Когда же онъ принялъ самъ священника и доженъ былъ перѣхать на болѣе тѣсную казенную квартиру въ Воспитательномъ домѣ, то значительную часть своихъ художественныхъ приобретений ему пришлось продать за недостаткомъ помѣщенія роднымъ и знакомымъ. Въ другой разъ такая же расчистка была произведена

при переселении его из Петербурга, и опять редкий из его родных и знакомых не получил от него какой-нибудь картинки на память.

И из Петербурга Михаил Иванович остался истрец своим вкусом. Но, хотя в ожидании казенного помещения, во временной квартире на Васильевском острове, он должен был пока поддерживаться от новых приобращений, хотя это обстоятельство, видимо, и томила его. Зато он надеялся вознаградить себя съ переселением на постоянную казенную квартиру при истрец его службы и уже мечтал о том, как он это сдѣлает, но—человекъ предполагать, а Богъ располагать,—и этихъ мечтамъ его, какъ и многимъ другимъ, не суждено было осуществиться.

Само собою понятно, что постоянный интерес къ произведеніямъ живописи долженъ былъ повліять и на развитие художественнаго вкуса Михаила Ивановича. Въ этомъ отношеніи ему принесло очень большую пользу художественное собраніе известнаго Московскаго коммерсанта и знатока живописи покойнаго Дмитрія Петровича Ботанина, которое было ему известно, какъ своя лѣтъ палатень. Но помимо художественныхъ достоинствъ Михаила Ивановичъ цѣнилъ въ картинѣ и содержаніе. Будучи сравнительно равнодушенъ къ пейзажу, онъ болѣе любилъ жанръ. Еще болѣе вникали въ его пользовались историческая живопись, во въ особенности онъ увлекался картинками религиознаго содержания, прачемъ неистинная любовь его къ русской православной церковности сказывалась и тутъ. Всѣхъ произведеній иностранной кисти онъ предпочиталъ Васнецова, видя въ его картинахъ воплощеніе православныхъ религиозныхъ идеаловъ.

Но Михаилъ Ивановичъ былъ не только цѣнителемъ и любителемъ живописи: онъ самъ былъ художникомъ. Склонность къ живописи сказывалась въ немъ очень рано. Уже ребенкомъ его часто можно было видѣть то съ углемъ въ рукахъ возращающіи стѣны и двѣри, то съ карандашомъ

и ключомъ бумаги. Набросанныя огуры раскрывались за нимъ инокъ красокъ собраніями на полѣ одуванчиковъ. Впрочемъ, уже въ юношескомъ возрастѣ, въ семинаріи, располагая, благодаря многочисленнымъ урокамъ, несомнѣнными запасами рублинъ, Михаилъ Ивановичъ обзавелся и красками, и занялъ съ ними съ этихъ поръ сдѣлалъ его вседневнымъ и неизбѣжнымъ товарищемъ, съ которымъ онъ дѣлалъ все свои досуги. Но Михаилъ Ивановичъ не удовлетворялся только тѣмъ, что бралъ за краски при первомъ удобномъ моментѣ. Чѣмъ бы онъ ни занимался, въ немъ проскальзывала его главная склонность. Училъ ли онъ въ свои школьные годы урокъ, писалъ ли какую-нибудь задачу, на полѣхъ инокъ или тетради непрерывно появлялись какая-нибудь огуры. И впоследствии, въ зрѣломъ возрастѣ, писать ли онъ какую-либо срочную статью въ журналѣ, читать ли книгу, стоило ему на минуту отвлечься отъ работы съ тѣмъ, чтобы обдумать какую-либо мысль или перевернуться дуематрени словами съ тѣмъ либо изъ своихъ домашнихъ, какъ изъ-подъ руки его выходило уже какое-либо изображеніе. Даже дѣловыя бумаги, попадавшіи на его письменный столъ, и тѣ часто украшались изображеніемъ какого-нибудь героя, полководца, государя, не стоявшего ни въ какомъ отношеніи съ содержаніемъ бумаги. Однимъ словомъ, гдѣ бы Михаилъ Ивановичъ ни былъ, о чемъ бы онъ ни бесѣдовалъ, стоило повернуться подъ его руку ключу бумаги и карандашу, и онъ начиналъ рисовать.

Отдавая предпочтеніе исторической и религиозной живописи, Михаилъ Ивановичъ и самъ любилъ изображать некое болѣе историческихъ дѣятелей и лицъ святыхъ. Его ученическіи тетради и книжки всегда были испещрены изображеніями Александра Македонскаго, Петра Великаго, Наполеона. Но особенно любилъ покойный изображать Лизъ Господа. Обладая довольно большимъ собраніемъ гравюръ и фотографий, изображавшихъ Божественный Лизъ, онъ часами, бывало, всматривался въ нихъ, какъ бы про-

краса, насколько то или другое изображение соотносится с образом Христа, авторий он послал в своем сердце, копировал их, имбиривал их сколько изображений в одно, стремился выработать известный тип, наконец дбавля поштыи и к самостоятельному творчеству. Можно сказать, что он постоянно писал Дня Господа, как бы стараясь передать позоту то, что было из его души: кончал одно изображение и начинал тотчас же другое. И надо было видеть ту усидчивость, ту неутомимость, которую он проявлял при этом: он способен был целыми днями, не разгибаясь, сидеть за полотном, десятки раз переделывать одну и ту же работу, пока не доводил ее до незначительной степени совершенства.

Любил также Михаил Иванович писать миниатюры и достиг в этом отношении замечательного искусства; иногда фигуры дбались до такой степени мелкия, что, выписывая их, Михаил Иванович должен был прибегать к лупе. Само собою разумеется, что для этих миниатюр, требовавших большого напряжения, и содержание бралось всегда такое, которое могло увлечь Михаила Ивановича на этот кропотливый труд, т. е. религиозное.

Та же художественная жила сквозит и в научных заметках Михаила Ивановича. Что церковная история была главным предметом его занятий, это никак должно уже быть понятно. Но думается даже, что и вообще историей он любил заниматься потому, что она была, чьмь была либо другая наука, могла удовлетворить запросам его художественно настроенного ума. Да и интересовался он ею больше с художественной стороны: экономическая и социальная отосмена занимала его меньше, чьмь широкое, блестящее картины мировой истории и крупные исторические деятели с их психической жизнью. Особенно привлекала его в истории люди сильного, цельного характера или люди идеи. Наоборот, всякая фальшь, все, что нарушало в историческом деятеле цельность художественного впечатления, коробило и отталкивало его. От

того, напр., он с восторгом относился к личности императора Николая I, которого иначе не называл как рыцарем чести и правды, но личность Александра I с присущим ей разладом между словами и делом, несмотря на все положительные черты этого государя, не вызвала в нем симпатий. Но всего более увлекался Михаил Иванович теми историческими деятелями России, в характерах которых с наибольшей яркостью проглядывали дороги для него черты, свойственные православному русскому человеку. Не даром предметом для своей исторической работы он взял жизнеописание Александра Невского, не даром также считал совершеннейшим идеалом русского государя императора Александра III, говоря, что он сумел осуществить в своей жизни тот идеал, который сознательно или бессознательно всегда предносится умственному взору русского человека, идеал святости.

Читателям *Душеполезное Чтение* достаточно известны литературные произведения Михаила Ивановича для того, чтобы много говорить о том, как проявлялся в них художественная сторона его натуры: ведь художественность литературного произведения гораздо легче постигается из непосредственного знакомства с ним, чьмь из каких-либо рассуждений. Но им не можно не указать на основную точку зрения, с которой следует, по нашему мнению, смотреть на литературные произведения Михаила Ивановича и которая сообщает им известное единство и цельность.

Только титаны поэзии могут свободно переноситься духом во все времена и народы и отражать в своих произведениях присущие этим временам и народам характеры и настроения. Люди скромного литературного дарования способны воспроизводить с успехом в своих произведениях лишь те настроения и характеры, которые родственны их душе, находят в ней живой отклик. Мы уже знаем, что Михаил Иванович был

человек горячего религиозного чувства и православного христианского вероисповедания. Очевидно, и как писатель, он должен был выбирать те эпохи, которыми запечатлелись особенно сильными христианским духом, духом любви к Богу и людям, а такими эпохами, как мы уже говорили со слов Михаила Ивановича, были времена христианского мученичества и аскетизма. Не случайно поэтому почти все литературные произведения Михаила Ивановича, за исключением «Александра Невского» и разных мелких вещей, относятся к этим достопамятным эпохам: воспроизводит их в своих литературно-художественных произведениях, Михаил Иванович удовлетворяет своей внутренней потребности пребывать духовно с людьми, уже на земле осуществившими идеал жизни к Богу и по Богу, идеал, господствовавший, как мы знаем, с древних лет и в его собственной душе.

Но будучи, так сказать, выражением субъективного настроения Михаила Ивановича, его литературные произведения выли и являются объективную цель. Вспомните, что величайшим несчастьем русского общества Михаил Иванович считал охлаждение его к заветам Вселенской Церкви, хранящим в православии, и задачей своею, как общественного деятеля, ставил открыть глаза на это несчастье тем, кто уже поддал ему, и уберечь от него людей, еще не исплывавших его. Воспроизводит в своих литературных произведениях характеры времени христианского аскетизма и мученичества, Михаил Иванович пробуждал в душе своих читателей любовь к ним, а следовательно, и к тому духу, который жил в них, т. е. трудился над тем же идеалом, которую он преследовал и на других поприщах своей деятельности: видя возрождение и упрочение в нашем обществе великих идеалов Вселенской Церкви, видя которых для человечества есть спасения.

Для того, чтобы покончить с характеристикой прародных дарований Михаила Ивановича, нужно сказать еще

несколько слов о тех качествах характера, которые он проявлял, как практической деятель.

Ко всякой общественной деятельности можно относиться с двух точек зрения: с точки зрения интересов самого дела и с точки зрения личных выгод, так или иначе прикосновенных к этому делу. И действительно, одни общественные деятели всегда и во всем и прежде всего ищут в виду своей личной интерес, свое собственное «я». Поэтому всякому из них на себе делу они стараются отдать своих сил, как можно меньше, чтобы побольше сохранить их для себя, и занять в отношении его такое положение, чтобы извлечь из него возможно больше личных выгод. Другие деятели, наоборот, способны до того увлечься своими общественными обязанностями, что забывают, не видят из-за них ни себя, ни своих личных интересов, и в то время, как первые легко отрываются от своих общественных или служебных обязанностей и переходят к своим личным делам, вторые и мыслию и сердцем живут постоянно захватившим их делом общественном деле, переносят его атмосферу даже в интимную домашнюю жизнь свою. Относаясь ко всему с точки зрения интересов своего «я» и находя в нем полное удовлетворение для своей души, деятели первого типа сходятся с другими людьми лишь настолько, насколько это необходимо ради их личных интересов и всегда ищут в своих внутренних мир, так сказать, парадных конюш, далее которых посторонний человек не допускается. Деятели второго типа, наоборот, всегда готовы раскрыть перед нами всю свою душу, если только вы покажете хотя немного сочувствия к их общественному служению, потому что вся душа их, без остатка, погружена в это общественное служение и ни в коем случае прать в ней от посторонних взоров. Оттого, поговаривая с таким человеком два-три раза, вы можете сказать, что какой знаете его, между тем как с людьми противополож-

ного характера нехотят прожить целый год и все таин их внутренней мир будет оставаться для нас terra incognita. И результаты деятельности людей указанных двух типов бывают различны. Люди второго типа являются неадекватными работниками в порученном им деле, вносить в него жизнь и движение, толкать его вперед, но, не умея беречь своих сил, скоро сторают и рано умирают, оставляя большую часть в беспорядке личного дела, о которых так и не удосуживаются подумать до самой смерти. Люди первого типа, наоборот, тратя осторожно свои силы, доживают до преклонных лет и умирают обильнее, упорядить и упорядочить свое личное благосостояние, но не оставив по себе сколько-нибудь заметного следа на поприще своего общественного служения.

Мы позволяли себе сделать это отступление, чтобы яснее показать, что составляло отличительную черту Михаила Ивановича, как практического деятеля. Если он брал на себя какое-либо дело и вступил в его полосу, то работать и не утомляясь всею душою, он, в сущности говоря, не мог, был не в силах, хотя бы и пожелаю сделать это. Конечно, в минуты раздумья, и он сознавал, к чему в конце концов ведут эти не знающая усталости и сдержанная работа; может быть, и у него позволялось в душе сознание необходимости беречь себя хотя бы на пользу того же дела, но это сознание сохраняло над ним свою силу только до тех пор, пока он не приступал к работам, а раз приступил, — вся самая благоразумная намерения тотчас же забывались, и Михаил Иванович своим оказывался Михаилом Ивановичем, т. е. неутомимым до самопожертвования, до самоабвения тружеником.

Наша же нудя в следующих главах рассказывать об деятельности Михаила Ивановича на различных поприщах его служения, мы надеемся в достаточной мере убавить из этого читателя.

Съ 1857 года началась для Михаила Ивановича учебная жизнь. Помогавшись Богу, родители услали его за грамоту. Обучение велось, разумеется, по старинному, но возматалось вперед очень быстро. Достаточно указать на то, что ко времени поступления мальчика в духовное училище он не только не затруднялся уже этимологическими и синтаксическими разборами по русскому языку и безъ особаго труда мог переводить легкіе рассказы изъ «Eritome Sacrae historiae».

По обычаю стараго времени Михаилъ Ивановичъ былъ записанъ въ духовное училище очень рано, но за молодостію лѣтъ продолжалъ еще жить дома, «по билету», какъ выражались тогда *). Дѣйствительная школьная жизнь началась нѣсколько позднѣ «на Перерѣ». Много можно бы говорить о четырехлѣтнемъ періодѣ школьной переринской жизни покойнаго. Но исторія жизни духовныхъ школы въ шестидесятые годы такъ общезнѣтна, что считаемъ нужнымъ привести лишь нѣсколько эпизодовъ, близайшимъ образомъ относящихся къ почившему. Тяжелая, дорогая черта его характера, которая вызвала столько непретворимыхъ слезъ въ первые дни послѣ его смерти, вымѣчалась уже въ юномъ школьннкѣ. Съ 56 мѣста по списку онъ скоро поднялся до перваго, но чуждый зависти, онъ какъ бы стыдился передъ товарищами своихъ успѣховъ. Принятое въ то время обычное «convento de loco», часто практиковавшееся наставниками, вызывало въ немъ тихое чувство, а эти «eis, eiso primus», получаемыя имъ, заставляли его лишь съ большимъ охотомъ и любознѣо дѣлаться своею помощію съ побѣжденными. Вотъ раздѣтся будничная записка; двенадцатый долженъ саботиться издуть огонь, вывести тѣло, — работа, даже и не въ очередь, доставалась обыкновенно слабымъ, а осо-

*) Нѣсколько приходить въ мысль сравненіе: М. И. началъ вѣчное усвоеніе въ той обители, гдѣ первый разъ былъ внесенъ въ списокъ учениковъ Довского духовнаго училища.

бежно будивать. Мозга сдвинули свое дѣло, Хитровъ бросилъ за винку. Родя рѣдко мѣнялись. Намѣнники, дѣтскія школьники выходили утихали, и такъ называемые большіе и старшіе собирались, окружали повника, благодушно дѣлаются съ нимъ своими познаниями. Сильныя дарованія рѣдко выдѣлали его, и мы съ полнѣмъ правомъ можемъ сказать, что все приготовленіе его къ класснымъ урокамъ состояло въ томъ, что онъ «уча учился». Не было уже и въ то время для него различія между тѣми лицами, которымъ онъ оказывалъ помощь: а только что обидѣвшій его былъ также близокъ ему, какъ и добрый товарищъ, и онъ съ одинаковою готовностію помогалъ и тому и другому.

Время шло. Даровитый школьникъ былъ замѣченъ и начальствомъ: его сдѣлали старшимъ, и строго начальнической тою часто свѣдала въ отношеніи его благодушную просьбу помочь, подбодрить слабыя. Но эта перемена положенія ничуть не повліяла на характеръ юности. Помѣщаясь онъ въ то время въ пѣтухъ померъ училищнаго караула черезъ стѣну отъ одного наставника, человѣка вообще довольно строитиваго. Случилось, что, благодаря шаловливости одного изъ товарищей, была пролита цѣла бутылка чернилъ. На службу, происшедшій по этому случаю, долженъ былъ выйти сердитый сосѣдь-наставникъ. Бывовикъ струсилъ, но напался по своему старшій. Мозга встѣлъ онъ въ комнату наставника, схватилъ кипѣвшій самоваръ и съ пресерьезною миною началъ разливать воду изъ него по полу, криваякъ другикъ, чтобы сыпалъ изъ него воду. Образовался, разувается, грязь. «Кто это настраивалъ?» спросилъ появившійся изъ дверей наставникъ. «Да, какъ видите, отибылъ съ виноватымъ видомъ старшій: «я воспользовался кипѣщимъ самоваромъ, чтобы смыть чернила». «Не ты это сдѣлалъ, а вѣдь на себя, оставь самоваръ, а возъ пусть вытретъ виноватый, и для тебя а не могу знать его виноватъ». Не одинъ разъ повторился такіе случаи, и отвести вину отъ виноватаго всегда было

торжественно и неизбежно душой покойнаго, но за то къ этому времени и полюбилъ его всѣ. Тогда же началась дружба его съ однимъ изъ лучшихъ, хотя по классу и младшихъ товарищей его, Николаемъ Рождественскимъ, впоследствии о. архимандритомъ Ниловомъ. Достойные товарищи скоро обидѣли другъ друга и сошлись, сошлись на всю жизнь. Разошедшійся на жизненныхъ путяхъ, они никогда не разставались духомъ. Эта вѣчная, святая дружба пережила почившаго, и оспротѣвшій другъ доказалъ на глазахъ всѣхъ свою искреннюю привязанность къ покойному, и въ послѣдніе часы провода его къ могилѣ архимандритская ятра скончилась, а священнодѣйствовавшій руки подвизался для несенія гроба друга-протоіерея *).

Въ описываемый періодъ времени школьная жизнь Переры отличалась обиліемъ экзаменовъ, которые производились чуть ли не передъ каждымъ каникулами. Особенно утомительны были экзамены передъ лѣтнею каникулою. Приходилось пройти чрезъ тройное мѣтарство: экзаменъ «частный», ведшійся своими наставниками, «ревизорскій», производившійся по назначенію однимъ изъ членовъ семинарскаго правленія, и «публичный», сопровождавшійся всегда особою торжественностію и всегда въ присутствіи какого-нибудь архіерея. Приготовленія къ экзаменамъ заключались главнымъ образомъ въ зубрестикъ. Нередко многіе проводили безъ сна цѣлыя ночи; вуснались въ ходъ особые будильники, которые не жалѣли холодной воды для заспавшихся... Но вотъ ко времени выпуска того курса, къ которому принадлежалъ покойный былъ несколько измѣненъ. Для за два до ревизорскаго экзамена отъ семинарскаго ревизора, покойнаго С. С. Владимірскаго, пришелъ на ния смотрителя соборнаго іеромонаха Антонія бумага съ требованіемъ, чтобы экзамены производились «по би-

*) См. также ст. док. Нилова, посвященную пам. М. Н. Х. «На память о слабобольномъ другѣ». Дум. 7-мъ томъ 29 г.

летки». Да этого пройденное из каждого предмета должно было быть распределено на несколько отдельных отбитовъ сообразно числу участвовавшихъ. Дяло, конечно, не мудрено, но для того времени новое и потому, какъ на курьезе вспомнить объ этомъ, исполнило училищное начальство. Чтобы выйти изъ затрудненія, оно рѣшило освободить Хитрова отъ обычныхъ занятій и возложило всю эту работу на него. Порученіе было исполнено въ одну ночь. Завтраки сошли благополучно, и первый ученикъ былъ награжденъ цѣлымъ рублемъ серебра, который онъ не безъ гордости и передалъ прибывшей за нимъ матери.

Какъ лучшей ученикъ въ выпускѣ, Михаилъ Хитровъ по переходѣ въ Московскую семинарію тотчасъ же былъ принятъ на позволеніе казеннаго содержанія. Въ то же время, какъ обязаній красными почеркомъ, онъ былъ избранъ однимъ изъ пасквильщиковъ семинарскаго правленія, и получалъ за этотъ трудъ три рубля въ мѣсяцъ была первая дань его бѣднымъ родителямъ.

Второй братъ, поступившій въ семинарію вмѣстѣ съ Михаиломъ Ивановичемъ, былъ также зачисленъ на казенный счетъ. Но черезъ два года переходилъ изъ той же Переремъ въ семинарію третій братъ, и для родителей Михаила Ивановича ставился на очередь тяжкій вопросъ: какъ содержать его въ семинаріи, потому что, по правиламъ тогдашняго семинарскаго устава, одновременно трехъ братьевъ быть на казенѣ не полагалось. Если выискивалось это затрудненіе, поставившее въ крайній тупикъ родителей Михаила Ивановича, какъ онъ принималъ сѣбяное для семидесятилѣтняго юности рѣшеніе удалиться съ казеннаго содержанія, чтобы очистить мѣсто для младшаго брата, а самъ пускается въ опасное и неиздѣльное плаваніе по урозамъ и козачицамъ. И что же? Уверенность въ своихъ силахъ не обманула его. Уроковъ оказалось въ вѣселии, и Михаилъ Ивановичъ, пользуясь квартирой и столомъ на одномъ уроцѣ, ходилъ и на другіе, чтобы за-

работать себя средства на платье, обувь и прочія необходимыя принадлежности. Правда не легко это давалось ему. Много повсюду разсѣяно учениковъ его за эти годы, а самъ учитель часто не вылезъ подъ рукою необходимыхъ для его собственныхъ занятій учебниковъ. Но богатая способность выручала юному. Записавшись, прибавить онъ, бывало, рабѣ другихъ въ семинарію, прибавить по казеннымъ книжкамъ заданные уроки, а тамъ — начнется благодушная, полная живого юмора бесѣда съ товарищами или затѣется споръ о матеріалѣ лекцій.

Но какъ ни тяжелы были для Михаила Ивановича постороннія занятія, они принесли ему и извѣстную пользу: увеличилась кругъ его знакомыхъ, а его удивительная способность обихаживать съ людьми дѣлала его своимъ человекомъ въ семьяхъ такихъ свѣтлыъ Московскаго духовенства, какъ покойные протоіерей С. П. Зерновъ, П. М. Богодословскій, Н. А. Сергіевскій и много другихъ, пріобщалъ его въ ихъ бесѣды, открывала предъ нимъ изъ собранія книги, и само собою разумеется, все это не могло пройти бесслѣдно для его духовнаго развитія.

Что касается семинарскаго ученія, то постоянное отвлеченіе отъ него, понадвину, не оказало на извѣстнаго вліянія на его усвѣтность. По выдающимся способностямъ онъ былъ скоро замѣченъ и въ семинаріи. Въ первый классъ он собирался учиться изъ вѣселившихъ духовныхъ училищъ. Многие изъ нихъ, и доселѣ еще здравствующіе, отличались далеко не бѣдными дарованіями, и все-таки Михаилъ Ивановичъ задалъ между ними первое мѣсто, которое и удерживалъ за собою неслѣдно до окончанія семинарскаго курса. Усвѣтность его занятій, идеалистическое направленіе его ума въ связи съ его сердечнымъ, открытымъ характеромъ сдѣлали то, что онъ еще на семинарской скамьѣ сошелся дружески со многими наставниками. Записавшись дружескіи отношенія не прервались и тогда, когда Михаилъ Ивановичъ вышелъ изъ семинаріи. По окончаніи университета, устроившись семейнымъ об-

рапортъ въ Москву, онъ очень часто выдавалъ своихъ бывшихъ наставниковъ въ своемъ домѣ и самъ оставался всегда желаннымъ гостемъ въ учебной и дружной семьѣ семинарскихъ преподавателей. Но особенно близко сошелся Михаилъ Ивановичъ съ молодыми и даровитыми преподавателями Священного Писанія, Дмитріемъ Павловичемъ Богодворскимъ, въ социальную, столь рано умершимъ и для семинарии и для церковной науки. Тѣсная дружба между ними, поддерживаемая частыми свиданіями и сердечными бесѣдами, продолжалась до смерти Дмитрія Павловича въ 1880 году. Сильно скорбѣлъ Михаилъ Ивановичъ, когда неожиданно скончался этотъ замѣчательный человекъ, лучший изъ его друзей. Позволивъ себѣ привести небольшую рѣчь Михаила Ивановича, сказанную имъ надъ гробомъ своего бывшего наставника и друга, рѣчь, однакоже характеризующую какъ даровитаго учителя, такъ и его любимаго ученика.

«Не думая я и не готовясь говорить передъ твоимъ гробомъ, незабвенный Дмитрій Павловичъ!» такъ началъ свое слово Михаилъ Ивановичъ: «Но вотъ среди окружающихъ тебя твоихъ родственниковъ, друзей и учениковъ видны также пораженные скорбью лица многихъ изъ учениковъ твоихъ перваго курса... Сейчасъ мы слышали рѣчь твоихъ сослуживцевъ, твоихъ послѣднихъ учениковъ, изъ устъ которыхъ еще, такъ слышать, не замерли, еще радуются твои изумительные наставленія... Мы слышали эти рѣчи — и Боже! какъ много, много знакомаго, дорогаго пробудилось въ нашей памяти, въ памяти насъ, твоихъ первыхъ учениковъ, учениковъ того перваго твоего курса, о которомъ ты всегда и съ такимъ теплымъ чувствомъ любилъ вспоминать... Приблизьтесь, товарищи, и скажите мнѣ съ кѣмъ, что все то, о чемъ мы слышали только что изъ устъ послѣднихъ учениковъ Дмитрія Павловича, — о его усердіи, любви, ревности къ своему дѣлу, высокому одушевленію, все это глубоко запомниши, все это знаемъ и мы, его первые ученики... Онъ не измѣнился, какъ вы

дѣте, за эти десять лѣтъ, не охладѣлъ... Припомните: какъ первые удары очистительной грозы, раздалась въ нашихъ сердцахъ его первая уроки и наставленія — и на вѣкъ осталось неизгладимымъ впечатлѣніе отъ нихъ. И мы тоже тогда горячо полюбили своего наставника, о многихъ и изъ насъ можно сказать, принявъ библейскій образъ: и оживилъ навѣки душа Иоваила съ душою Давида, и завязались связи, которыхъ, будемъ уповать, не разорвать самой вѣчности»...

Михаилъ Ивановичъ былъ въ четвертомъ классѣ семинаріи. Семья его родителей, все увеличивавшаяся, состояла уже изъ восьми человекъ, и тѣхъ ничтожныхъ средствъ, которыя получалъ отъ своего прихода отецъ Михаилъ Ивановича, состоя въ знаніи дѣлоха на пономарской ваканціи, далеко не хватало на удовлетвореніе всѣхъ потребностей многочисленнаго семейства. Въ виду этого урочные заработки Михаила Ивановича давно уже потеряли свой первоначальный характеръ: она сдѣлались чуть ли не главнымъ ресурсомъ, изъ котораго покрывались всѣ необходимыя семейные расходы. Обыкновенно время отъ времени мать Михаила Ивановича отправлялась въ Москву, сынкою свабвала ее тамъ деньгами, передавая ей всѣ свои сбереженія, и она закупала все, что нужно было для дома. Но продолжаться такъ постоянно не могло: черезъ два года Михаилу Ивановичу, главному добытчику въ семьѣ, предстоило окончаніе курса въ семинаріи и переходъ въ Московскую академию, повинующуюся, какъ извѣстно, въ Троице-Сергіевой Лаврѣ. Переселеніе туда лишило Михаила Ивановича возможности подавать какому-либо матеріальную помощь родителямъ, такъ какъ рассчитывать, въ небольшомъ посадѣ, на такое же обиліе уроковъ, въ которому привыкъ Михаилъ Ивановичъ въ Москвѣ, представлялось дѣломъ невыполнимымъ. Это обременительство не могло не озабочивать молодого человека, давно уже привыкшаго быть главною опорой семьи. И вотъ не любившій колебаться, когда нужно дѣйствовать, Михаилъ

Иванович признавать решение отказываться от академии, но не от высшего образования: он задумал, окончив четыре общеобразовательных класса семинарии, поступить в Московский университет. Подобный исход давал ему возможность не только остаться в Москве, но и значительно увеличить свои заработки на уроках. Но против такого решения восстал сначала отец Михаила Ивановича, всегда желавший, чтобы дети его остались вдали от столицы, в котором родился. Однако против необходимости спорить не приходилось, и между сыном и отцом состоялось соглашение, что Михаил Иванович окончит сначала полный семинарский курс, пройдет богословские классы, а после того может поступить и в университет. Не раз впоследствии в беседах с близкими ему людьми Михаил Иванович восхвалял мудрую настойчивость своего родителя, не позволившего ему преждевременно приступить к исполнению своего назначения. Но не менее достойно похвалы и повиновение почти уже совершеннолетнему отцу и давно совершеннолетнему своему положению сына, который смиренно склонил свою голову перед родительской волею и покорно подчинился запрету отца, уже давно материально зависящего от него.

Такими были внешние обстоятельства, заставившие Михаила Ивановича свернуть с прямой дороги, по которой, казалось, предстояло ему идти в жизни, как в силу своего происхождения, так и в силу получаемого в семинарии образования. Но указывая на эти внешние условия, мы отнюдь не возмем на себя утверждать, что из этого исхода не повалило и тогдашнее внутреннее настроение юноши. Как известно, молодость Михаила Ивановича сошла с той печальною для русской церкви эпохою, когда, выражаясь его собственными словами, «выше образованное общество, в погоню за всевозможными идеями, просто игнорировало церковь, не замечая ее, считая ее просто за простое утверждение отживших свой

вѣкъ, несовременным, которым не стоит и заниматься». Надо сознаться, что подобное отношение къ церкви наблюдалось въ то время не только у свѣтских людей: ему подчинялись и некоторые представители духовенства, почитавшие, может быть, и не потому, что къ самому дѣлу извѣрились въ церкви, а просто изъ рабскаго угожденія духу времени, изъ суетнаго желанія казаться людьми, стоящими на высотѣ современнаго образованія. Тогда, по крайней мѣрѣ, на сцену стараго типа нашихъ пастырей, которыми и въ голову никогда не могла бы прийти мысль отвѣститься пренебрежительно къ своему званію, народился въ средѣ нашего духовенства новый, отиѣченный даже нашею художественною литературою (Марковичъ) типъ священнослужителей, какъ бы стыдящихся своего званія и отношеніемъ своимъ къ своимъ священнымъ обязанностямъ старающихся показывать, что священный санъ, поистинный нилъ, есть простая, если хотите, даже досадная случайность, которая однако нисколько не мѣшаетъ имъ быть не только вполнѣ свѣтскими, но даже и очень либеральными господами. Впрочемъ къ чести нашего духовнаго сословія слѣдуетъ замѣтить, что подобнаго рода болѣзненные нарывы на его хрипотѣхъ и здоровомъ организмѣ не получили широкаго распространенія и оказались столь же недолговѣчными, какъ и общественное движеніе, породившее ихъ; такъ что въ наши дни пастырей этого типа едва ли не приходится признавать явленіемъ уже вымирающимъ, если ужъ не вымершимъ окончательно. И слава Богу!

Вполнѣ естественнымъ является предположеніе, что указанная полоса въ духовной жизни нашего образованнаго общества не прошла безслѣдно и для новорѣзавшаго еще тогда духовнаго организма Михаила Ивановича, что и онъ въ годы своей юности запечатлѣлъ непобѣдимую дань господствовавшему въ тогдашнемъ обществѣ антицерковному направлению. И что же? Мы отнюдь не возмемъ на себя смѣлости утверждать, что религиозное настроеніе Михаила

Ивановича иногда не зало искусней. Ихъ знали и святые. Да и не въ томъ дѣло, чтобы не знали искусней; не существовало бы искусней, не было бы и подвига,— для однихъ духовнаго настроенія человека важно одно; какъ онъ перенесъ испосланный ему искусы? А мы уже знаемъ, что если и приходило Михаилу Ивановичу испытать въ жизни известное колебаніе въ своемъ религиозномъ настроеніи, то колебаніе это было вѣроятно временно и окончилось помысли торжественно въ его душѣ просвѣтливой сознательнѣй вѣры. Во всякомъ же случаѣ, думаемъ мы, раба Михаилъ Ивановичъ чувствовалъ во дни своей молодости известное ослабленіе религиознаго настроенія въ себѣ, то уловившись въ свое время отъ духовнаго сана и вступивъ на свѣтскую стезю жизни, онъ поступилъ гораздо чаще и добросовѣстѣе тѣхъ, кто при подобномъ же душевномъ настроеніи не подумался принять на себя священныя санъ. И тутъ, какъ и вездѣ, Михаилъ Ивановичъ остался вѣренъ самому себѣ: не допустилъ разлада между своимъ дѣйствіемъ и убѣжденіемъ.

Въ университетѣ Михаилъ Ивановичъ поступилъ на историко-экологическій факультетъ по историческому отдѣленію его, всего болѣе соотвѣствовавшему его природнымъ склонностямъ и вкусамъ. Особенно благотворно было вліаніе на Михаила Ивановича профессора русской исторіи, славнаго автора «Исторіи Россіи съ древѣйшихъ временъ», С. М. Соловьева. Подъ его ближайшимъ руководствомъ сложились историческія воззрѣнія Михаила Ивановича, которыми онъ остался вѣренъ всю свою жизнь. Даже въ позднѣйшихъ публикаціяхъ рѣчахъ своихъ и журнальныхъ статьяхъ Михаилъ Ивановичъ любилъ сдѣлать ссылку на сочиненіе знаменитаго ученаго или привести изъ нихъ ту или другую цитату. Впрочемъ вліаніе С. М. Соловьева на духовное развитіе Михаила Ивановича не ограничивалось лишь университетскими лекціями и практическими занятіями подъ его руководствомъ по русской исторіи. Михаилъ Ивановичъ скоро сдѣлался домашнимъ учителемъ дѣ-

тей Сергія Михайловича и сталъ въ его домѣ своимъ членомъ. Высококультурная атмосфера, въ которой жила рѣдко-даровитая семья Сергія Михайловича, привычка самого Сергія Михайловича, этого неутомимаго и самоотверженнаго труженика на избранномъ имъ научномъ поприщѣ, все это въ высшей степени благотворно отразилось и на духовномъ настроеніи и на духовномъ развитіи Михаила Ивановича. Неудивительно, что онъ до конца своихъ дней съ благоговѣніемъ относился къ памяти знаменитаго ученаго, а шестое іюля, день ангела Сергія Михайловича, очень часто проводилъ вѣсть съ семьей починающаго въ молитвѣ надъ его могилою въ Новодевичьемъ монастырѣ.

Столь же близко стоялъ Михаилъ Ивановичъ и къ третьему представителю исторической науки въ Московскомъ университетѣ, профессору церковной исторіи протоіерею Александру Михайловичу Иванцову-Платову. Смиратичная личность профессора, строго-православное направленіе его чтеній производило на Михаила Ивановича необыкновенно сильное впечатлѣніе. Обладая, какъ ученикъ духовной семинаріи, болѣе обширными свѣдѣніями по церковной исторіи, чѣмъ его товарищи, воспитанными въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, Михаилъ Ивановичъ скоро былъ замѣченъ профессоромъ, а богатые дарованія Михаила Ивановича, его любовь къ предмету и успѣшность въ занятіяхъ изъ—между прочимъ онъ получалъ золотую университетскую медаль за сочиненіе на тему, предложенную Александромъ Михайловичемъ: «Храстіанская церковь въ половинѣ III вѣка».— все это дало Александру Михайловичу основаніе видѣть въ Михаилѣ Ивановичѣ будущаго достойнаго преемника своего по кафедрѣ. Не чужды были этихъ упованій и самъ Михаилъ Ивановичъ. Но тяжелыя внѣшнія условія, въ которыхъ оказался, какъ увидимъ ниже Михаилъ Ивановичъ по окончаніи курса въ университетѣ, а, можетъ быть, и самый характеръ его дарованій, не позволившія ему сосредоточиться на одномъ замыс-

либо предмет и всегда увлекавший его на поприще практической деятельности, мало-по-малу разрушил эту общую надежду учителя и ученика, что, впрочем, ничуть не повредило сердечным отношениям между ними, возникшим еще в студенческие годы Михаила Ивановича на почве общих духовных вкусов и симпатий. Чтобы дать понятие о тех чувствах, которыми неизменно питался Михаил Иванович к своему любимому наставнику, назовем читателям *Душеполезное Чтеніе* прочувствованными строки, выдвинутые из-под пера Михаила Ивановича при первом известии о кончине Александра Михайловича: «Тысяч, а то и сизіеся горбах оизъ среди насъ», говорил Михаил Иванович*), разливая благотворную теплоту на всѣх, кто только вступалъ въ общеніе съ нимъ, нѣче же всего — на молодое поколѣніе... Самыя разностороннія дарованія совѣщались въ немъ, по-видимому, противоположныя другъ другу качества разрешались въ его личности въ прекрасную гармонию... Первоклассный учитель, притомъ совершенно самостоятельный, совершенно независимый отъ западноевропейской учености, хотя и глубокой знатокъ ея, и живой общественной дѣтель, принимавшій сердечное участіе во всякомъ благотворномъ начинаніи, исполнявшій истинно-христіанской любви пастырскія обязанности, чуткій къ духовнымъ запросамъ и нуждамъ своихъ духовныхъ чадъ и задушевный другъ, безконечно-нисходительный, мягкій и благодушный и въ то же время несоврнушаемо-твердый въ защитѣ правды, а иногда строгій обвинитель, — живая, исполненная искренняго одушевленія профессора, — талантливый публицистъ, вносящій ясность своей трезвой, глубоко продуманной мыслью, замѣчательный проповѣдникъ, отзывавшійся на всѣ вопросы, волновавшія наше общество за послѣдніе тридцать лѣтъ, протоіерей Александръ Михайловичъ производилъ обязательное впечатлѣніе духовной

*) *Дух. Чт.* Декабрь 1894 г.

дѣльностью своей богато одаренной натуре... Кто изъ близко знавшихъ покойнаго протоіеря не подтвердитъ этихъ словъ, кто не вспомнитъ при этомъ этого безконечно ласковаго выраженія его глазъ, этого озабоченнаго улыбкою добраго и честнаго лица?.

Такими словами поминала Михаилъ Ивановичъ въ 1894 году своего любимаго наставника. И мы не безъ каибрѣнія сдѣлали вышеприведенную выдержку изъ статьи Михаила Ивановича Иваицова-Платонова: она объясняетъ намъ то духовное содружество, которое еще на университетской скамьѣ установилось у Михаила Ивановича съ его любимымъ наставникомъ. Вѣдь много изъ того, что говорилъ Михаилъ Ивановичъ о своемъ любимомъ профессорѣ, можно было бы повторить и о немъ самомъ.

«Если кто о своихъ и особенно о домашнихъ не печется, тотъ отрѣкается отъ веры и туго неибраго» (ап. Павла къ Тим. V, 8).

Такими словами апостола, думается намъ, слѣдуетъ считать повѣствованіе о попеченіяхъ Михаила Ивановича о своихъ домашнихъ, попеченіяхъ, которыя, если не вполнѣ, то въ значительной степени помѣли въ свое время на его рѣшеніе вступить на стезю свѣтской жизни, а впоследствии, какъ увидимъ это ниже, заставили его также отказаться отъ самой, можетъ быть, любимой мечты его молодыхъ лѣтъ, — отъ университетской карьеры первою исторіею...

Поступивъ въ университетъ, Михаилъ Ивановичъ получилъ возможность, какъ и ожидалъ, сильно увеличить свой семейный заработокъ. Это дало ему средство заняться улучшеніемъ матеріальнаго положенія своихъ родителей. Та округа, къ которой принадлежалъ приходъ отца Михаила Ивановича, издавна была извѣстна, какъ плодная сторона: рѣдкій крестьянинъ не имѣлъ хотя бы небольшого сада. На этой оспой и задумалъ Михаилъ Ивановичъ построять благосостояніе своихъ родителей. Онъ убѣдилъ ихъ обра-

ботать подь глубинку и другія годы значительную часть церковной земли на той ее доли, которая находилась въ распоряженіи отца Михаила Ивановича, какъ члена причта, и неумолимо слабѣли ихъ на это предпріятіе необходимыми средствами. Дѣло пошло на захъ, и ежегодные доходы отъ продажи въ Москву годовъ значительно возросли. Но тутъ вскрылось такое обстоятельство, котораго, вѣроятно, не предполагали ни Михаилъ Ивановичъ, ни его родители. Свѣдѣніи свопки приходскіи обязанности и священнымъ саномъ, отецъ Михаилъ Ивановичъ не могъ, конечно, отлучаться черезъ дѣль изъ прихода, чтобы продавать въ Москвѣ на Волотной площади агоды. Такимъ образомъ все тянется этой работѣ сама на мать Михаила Ивановича, уже и безъ того истощенную безпрерывными трудами и заботами о своей многочисленной семьѣ, и она скоро почувствовала, что новое бремя ей не подь силу. Тогда Михаилъ Ивановичъ съ обычною своею находчивостію составилъ новый планъ поощри своихъ родителямъ. Исполнилось двадцать пять лѣтъ пребыванію его отца въ дяковскомъ санѣ. Это давало ему право хлопотать для себя о мѣстѣ священника, и Михаилъ Ивановичъ не только настоялъ на этомъ хлопотать, но и занялъ ихъ въ значительной степени на себя. Дѣло удачалось успѣхомъ, и о дяковомъ получилъ хота и бѣдное, но все же священническое мѣсто въ одномъ изъ селъ Московскаго уѣзда. Само собою разувѣется, все садовое заведеніе на старомъ мѣстѣ пришлось продать за бѣдноту, но Михаилъ Ивановичъ никогда не жалѣлъ никакихъ матеріальныхъ средствъ, если они были у него, когда шло дѣло о лучшихъ устройствъ бѣдноты и дорогихъ ему людей. Онъ внаправъ все свои силы и въ короткое время успѣлъ прикупить денегъ настолько достаточно, что купилъ для своего родителя на новомъ мѣстѣ служенія послѣдняго довольно порядочный домикъ, который подише на свои же средства и перестроилъ.

Въ то же время въ головѣ Михаила Ивановича созрѣ-

валъ еще новый способъ облегченія своихъ родителей. Онъ всегда отячался вѣчной любовью къ своимъ младшимъ братьямъ и сестрамъ. Будучи еще семилѣтникомъ, онъ вымаришывалъ, бывало, у прибавшей къ нимъ передъ рождественскими или пасхальными кантуками матери какой-нибудь полтинникъ или двѣкопейку изъ нихъ же самихъ переданныхъ ей своихъ сбереженій отъ уроковъ, чтобы привезти своимъ братьямъ и сестрамъ гостинцевъ. Ища въ виду опредѣлиться, по окончаніи университетскаго курса, преподавателемъ въ Москвѣ, онъ и надумалъ взять троихъ младшихъ братьевъ къ себѣ съ тѣмъ, чтобы дать имъ подь своимъ руководствомъ гимназическое образованіе. Это намѣреніе было доведено имъ до свиданія родителей, и послѣдніе, давно уже привыкшіе раздѣлять мнѣнія своего перенца, дали на это позволе свое согласіе.

Такъ обстояло дѣло весною 1876 года, когда Михаилъ Ивановичъ приготовился къ своему выпускному университетскому экзамену. Вдругъ страшный ударъ поразилъ его: неожиданно скончалась его мать, оставивъ половину дѣтей еще малолѣтними. Надо было видѣть горе Михаила Ивановича надъ гробомъ своей горько любимой родительницы, чтобы понять, что значила для него эта потеря. Но даже и при такихъ обстоятельствахъ онъ не растерялся. Мысль его взять къ себѣ младшихъ членовъ отцовской семьи превратилась въ твердое и зрѣлое рѣшеніе, которое и начало осуществляться тотчасъ же по окончаніи имъ университетскаго курса. Въ то же время онъ долженъ былъ заботиться объ устройствѣ оспротивнаго домашняго очага своего родителя, человека вообще недостаточно практичнаго, а тутъ еще совершенно растеряшагося передъ нахлынувшими на него горемъ. И на все это хватало у Михаила Ивановича и силъ, и средствъ, и времени, несмотря на то, что онъ въ это время уже самъ былъ семьяниномъ, и троихъ того на плечахъ его лежали далеко не легкіе выпускные университетскіе экзамены.

Пережив съ крайнимъ напряженіемъ своихъ молодыхъ силы это тревожное время и не отдохнувъ даже, какъ слѣдуетъ, по окончаніи курса, зѣтвомъ, проведеннымъ на кондитеріи, Михаилъ Ивановичъ съ осени 1876 года занялъ мѣсто преподавателя въ Москвѣ. Необходимость содержать помимо своей собственной семьи, еще своихъ младшихъ братьевъ, а также помогать отцу и другимъ, хотя уже и взрослымъ, но не успѣвшимъ еще надлежащимъ образомъ устроиться, братьямъ заставила его съ первыхъ же шаговъ его оціанальной педагогической карьеры обогнаться уроками, что называется, съ ногъ до головы. Кромѣ занятій въ учебномъ заведеніи, продолжавшихся ежедневно съ утра до четырехъ часовъ, онъ нѣмъ еще насосу частыхъ уроковъ, такъ что, бывало, вставалъ доволъ лишь въ одиннадцатомъ часу ночи.

Результатомъ этихъ усильныхъ трудовъ было то, что онъ сумѣлъ справиться и со всѣми добровольно возложенными на себя обязанностями и доставить своей собственной семьѣ необходимое матеріальное благосостояніе. Правда, освоившись это благополучіе лишь на неутомимомъ трудѣ Михаила Ивановича и должно было пошатнуться съ его смертію, потому что щедрое, всегда всѣмъ свѣтавшее придти на помощь сердце его не позволяло ему думать о сбереженіяхъ «на черный день». Да и сравномъ былъ еще молодъ Михаилъ Ивановичъ, слишкомъ много чувствовалъ въ себѣ силъ и энергій, чтобы думать, что онъ оборвется такъ быстро, такъ неожиданно, какъ, въ социальномъ, случилось это на самомъ дѣлѣ. Но не должно слово пророка: «Я былъ молодъ и состарился и не вдалѣ праведнаго оставленнымъ и потомство его просящихъ хлѣба» (Ис. XXXVI, 26). И мы вѣруемъ, что это слово сбудется и въ отношеніи къ Михаилу Ивановичу. Слѣшкомъ много сдѣлалъ онъ во время своей недолгой жизни для другихъ, чтобы Господь не взглянулъ милостиво окомъ Своимъ на его оспрогнвшую семью.

Какъ преподаватель всеобщей и русской исторіи, обра-

дилъ въ этой области достаточно сообразными познаніями и отличаясь сверхъ того несомнѣннымъ талантомъ художественнаго изложенія, Михаилъ Ивановичъ всюду, гдѣ бы ему ни приходилось подниматься на педагогическомъ поприщѣ, успѣвалъ вложить въ своихъ учениковъ и ученицъ любовь къ предмету своего преподаванія. Сюда слѣдуетъ еще присоединить его мягкій, любящій, простой, открытый и доступный характеръ, отивдѣ не замыкавшійся въ столь несвойственную педагогамъ, но, въ социальномъ, столь часто наблюдаемую въ дѣятельности, тогу своего собственного величія,—и мы поймемъ тайну того вліянія, которое покойный всегда оказывалъ на молодыхъ, алуція доброго слова и сочувственнаго вѣдоха сердца, вліянія, которое заставляло его учениковъ тавуться къ нему подобно тому, какъ тавется къ свету и теплу всякій распуслившійся вліяній цѣлостъ.

Но Михаилу Ивановичу пришлось начать свою оціанальную педагогическую дѣятельность въ самый разгаръ нашего гимназическаго классицизма. Мы не признаемъ въ настоящемъ очеркѣ судить о достоинствахъ или недостаткахъ этой системы нашего среднего образованія, но считаемъ необходимымъ напомнить, что значительная часть преподавателей, признанныхъ въ то время избрать законоположенія классическихъ грамматикъ въ юныя русскія головы и претворить нашихъ гимназистовъ въ маленюхъ Цицероновъ и Демосеновъ по языку, принадлежали къ иностранцамъ: нѣмцамъ, чехамъ и пр. Мы не желаемъ сказать ничего предосудительнаго по отношенію къ этимъ пионерамъ классической премудрости въ нашихъ гимназіяхъ, но не можемъ также и скрыть своего убѣжденія въ томъ, что эти господа, въ силу привычки, не забывавшихъ, такъ сказать, отъ нихъ собственной воли,—по недостаточному знанію русскаго языка, по неизвѣстному національнымъ особенностямъ русской натуры, наконецъ, какъ иностранцы, были далеко не на своемъ мѣстѣ въ качествѣ просвѣтителей и руководителей русскаго вѣоства.

Она могла быть только строго точными исполнителями порученных им официальных обязанностей, «чиновниками педагогического дела» и через это еще более усилить ту горечь, которая и без того была в значительной степени присуща нашему гимназическо-грамматическому классикам.

Нам достаточно уже известны коренные убеждения ума и сердца Михаила Ивановича, чтобы задумываться над вопросами, как относился он, с точки зрения своих православно-русских убеждений, к системе нашего школьного образования.

Вот как отзывался он о духе, царящем в нашей средней школе, в одной из своих публичных речей. «Вся основа воспитания сосредоточивалась лишь на усвоении невозможных курсов. Не преподается ли до сих пор в наших школах Закон Божий, как лишь один из предметов точно так, как изучается греческая мифология? Не ставятся ли отвлеченные одинаковые права за всеми в том же и другом? Да на одинаковых ли? Числится ли Закон Божий не только в числе главных, но даже второстепенных предметов? А церковность в воспитании? Где она? Для примера укажу только на один аспект. Известно ли всем, что наши молодые воспитанники совсем без впечатлившей Великого поста, впечатлившей, доходящей так глубоко на юную душу, потрясающей, всеглазимо спавших, остающихся на всю жизнь? Характерная пошлость средней школы в былые времена, цитирует даже Михаил Иванович одного из своих любимых авторов, — Аносов писал: «при общем отчуждении от народа нашего общества, нашей интеллигенции, что в главных чертах представляла и представляла еще наша школа, разумеется, на некоторыми исключениями? Садясь за школьную скамью от отроческих лет до окончания курса, мальчик и потом молодой человек подвергается у нас постепенному вытравлению всего своих христианских влечений, всего национальных инстинктов».

Как преподаватель гимназии, Михаил Иванович старался по возможности восполнить указанные выше недостатки гимназической системы образования. Он пользовался своими уроками истории с одной стороны для того, чтобы способствовать развитию и укреплению в своих учениках православно-русского чувства, и с другой — для того, чтобы предостеречь их от всякого отрицательного направления, на которое обыкновенно жадно набрасывается детская еще молодежь. Как мы уже говорили выше, старания Михаила Ивановича в этом направлении не остались безплодными, и лучшим доказательством этого можно служить та любовь, которой неизменно пользовались и сам преподаватель и предмет его преподавания во всех учебных заведениях, в которых ему пришлось послушать. И тем не менее мы едва ли ошибемся, если скажем, что преподавательская деятельность в тех узких рамках, в которых поставлена история в средних школах, не могла вполне удовлетворить его души. Она несомненно требовала более широкого простора, где бы можно было с большою свободою развернуть знания того православно-русского идеала, который так ярко горел в ней. И такое просторье, повидимому, увидя Михаил Иванович в будущем: мы уже знаем, что по окончании университетского курса он был оставлен при университете для подготовки к кафедре церковной истории. И он с усердием приступил к этому делу, отдавая ему все свои личные досуги в течение целого ряда лет.

Не всякие человеческие желания и мечты суждено сбываться, и мы упоминали уже выше, что и мечта Михаила Ивановича о профессорской кафедре не пришлось быть осуществленным. Но многолетние занятия его церковною историею не прошли даром ни для него, ни для русского общества: они послужили прочною основой для его литературно-художественных произведений, которые стали появляться в свет с конца восьмидесятых годов; они же дали ему возможность развить в самое ко-

ротное время усиленную проповедническую деятельность с тех пор, как он привез сан священника. Разставшись мало-помалу с мыслью о канцлярской церковной истории, Михаил Иванович не расстался с мыслью послужить православной Церкви и русскому обществу в духе утверждения в последние православно-русские начала. Средством для проявления этого стремления послужила прежде всего литературная деятельность покойного, хорошо еще надевша, памятна читателям «Душеполезного Чтения». Но и литературная деятельность не могла вполне удовлетворить Михаила Ивановича, как и удовлетворила его и гимназическая канцелярия. Его живая натура требовала непосредственного служения тем идеалам, в которые он веровал, которые любил — и вот в его душе появляется желание стать «пастыремъ словесных овецъ». Вышли бы препятствия к этому быти не могло: вскоре после окончания университетского курса, еще в 1879 году, он сдал в Московской Духовной Академии полный кандидатский экзамен; в духовном мире Москвы как его уже давно пользовалось заслуженным авторитетом, как и человека, который и в казенном индигуарь, и в черномъ сюртуке сумелъ стать известным, как горячий ревнитель духовного просвещения. Что же касается внутреннего настроения Михаила Ивановича, то мы уже достаточно знакомы с историею его духовного возрастания, — мы видели уже, как с наступлением зрелыхъ лѣтъ въ немъ съ новою и невиданною ранее силою начало сказываться присутствие его душ религиозное настроение.

Но жившия обстоятельства жизни Михаила Ивановича были еще такъ трудны и сложны, что ранее облегчения изъ его исполнения своего желания нечего было и думать: перемена жизни могла сопровождаться значительнымъ уменьшениемъ заработка, а последнее обстоятельство, по семейному положению Михаила Ивановича, было немаловажно.

Наступилъ 1894-й годъ. Этотъ годъ въ жизни Михаила Ивановича имѣлъ приблизительно такое же значение, какъ и 1876-й: въ послѣднемъ изъ этихъ годовъ ему пришлось проститься съ безпрерывно угасшею матерью и взять на свои плечи заботы объ оставшейся материальной поочечей родительской семьѣ; въ 1894 году онъ разстался на вѣки со старикомъ-отцомъ и, цѣлуя его послѣднимъ поцѣлуемъ, могъ съ полнымъ правомъ сказать, что взяты имъ на себя при гробѣ матери обязательства честно исполнить имъ, исполненіи «по волюти Божіей такъ, какъ не могли и ожидать его блудныя родители»: въ 1894 году послѣдній изъ трехъ братьевъ, братьевъ Михаилъ Ивановичемъ на свое пожеланіе, уже окончилъ курсъ; два другіе, кончившіе ранее, уже служили преподавателями въ Москвѣ. Обѣ сестры тоже были уже давно устроены замужъ за священниковъ. И собственная семья Михаила Ивановича также становилась на ноги: дочь сдала выпускные экзамены, сынъ уже прошелъ поочечную гимназическую классую и успѣлъ зарекомендовать себя надежнымъ ученикомъ.

Такое сочетание обстоятельствъ, должествовавшее значительно облегчить труды Михаила Ивановича по части добыванія средствъ къ жизни и дало ему возможность привести въ исполненіе вопль уже сохранившій въ душѣ желаніе. Въ Николаевскомъ Сиротскомъ Институтѣ освободилось мѣсто законоучителя, соединенное съ отвлеченіемъ обязанностей священника при Московскомъ Воспитательномъ домѣ, и высокопреосвященнѣйшій Сергіи, митрополитъ Московскій, давно уже знавшій Михаила Ивановича и очень цѣнявшій его деятельность, охотно согласился на совместную просьбу начальства института и Воспитательнаго дома и посвятилъ его 25 марта 1895 года во священника къ Екатерининской церкви Воспитательнаго дома съ тѣмъ, чтобы ему быти и законоучителемъ въ Институтѣ.

Так исполнилось желание Михаила Ивановича стать «пастыремъ словесныхъ овецъ» и осуществить на дѣлѣ заветнѣйшія мысли и стремленія свои.

Михаилу Ивановичу было сорокъ четыре года отъ роду, когда онъ поступилъ въ духовное званіе. Уже болѣе полсемицатилѣтій прослужилъ онъ въ должностяхъ московскаго преподавателя по двумъ вѣдомствамъ: Министерству Народнаго Просвѣщенія и Учрежденіямъ Императрицы Маріи. Изъ его, какъ педагога, пользовалось широкою и почетною извѣстностью въ Москвѣ. Помимо обычныхъ служебныхъ наградъ, онъ имѣлъ цѣлый рядъ личныхъ благодарностей отъ Высочайшихъ особъ, украсившихъ его «оружеарміею» санами. Между тѣмъ на новой службѣ ему приходилось въ сорокъ четыре года начинать съ того, съ чего его сверстники и товарищи по образованію начали въ двадцать пять лѣтъ. Изъ положенія одного изъ старѣйшихъ и наиболѣе заслуженныхъ членовъ въ средѣ своихъ сѣятелей товарищей по службѣ, онъ въ радахъ духовенства долженъ былъ занять мѣсто новичка, мѣсто младшаго. Но эти вопросы самолюбія не имѣли въ глазахъ о. Михаила значения: онъ съинномъ былъ поглощенъ мыслію, что наконецъ наступило время, когда онъ, въ силу новаго своего положенія, будетъ имѣть возможность болѣе широкаго и болѣе прямого воздействия на людей въ духѣ своего любимаго направленія. Не изъ за куса явсущаго хлѣба, не по тому, что «явдо же какъ-нибудь устраниваться въ жизни», пришелъ на себя Михаилъ Ивановичъ самъ священника, и это сказалоь тотчасъ же на его дѣятельности, какъ пастыря многочисленнаго населенія Воспитательнаго дома. Чѣмъ-то новымъ, святѣмъ, неслуредимымъ повѣло отъ нея. Онъ повстаній сдѣлался отцомъ того несчастнаго люда, которому приходится прибѣгать подъ кровъ этого благодѣтельнаго учрежденія. Вотъ въ какнхъ выраженіяхъ характеризовало начальство Воспитательнаго дома пастырскую дѣятельность о. Михаила на доведеніи

своимъ въ Божѣ почивающему Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту Сергію отъ 21 ноября 1896 года: «младшій священникъ Екаторининской при Императорскомъ Московскомъ Воспитательномъ домѣ церкви о. Михаилъ Ивановичъ Хитровъ, несмотря на сравнительную кратковременность своего служенія (съ 1 апрѣля 1895 года), проявилъ уже и постоянно проавзаетъ крайне усердную и плодотворную пастырскую дѣятельность, не могущую не обращать на него вниманія начальства. Ревностнмъ исполненіемъ обязанностей, усердіемъ въ церковной службѣ и благодѣлію нашего храма, ревностію въ проповѣданіи слова Божія, особенно же крайне теплымъ и участливымъ отношеніемъ къ пастѣ Воспитательнаго дома о. Хитровъ нполнѣ заслуживаетъ названіе образованнаго священника, а та самоотверженностью, съ которою онъ, подвергая не малой опасности свое здоровье, посѣщаетъ больныхъ, находящихся въ больницѣ заведенія, преподавая имъ свѣдѣнія, наставленія и напутствія,—дѣлаетъ о. Хитрова пастыремъ прямо выдающимся».

Извѣстенъ обычай некоторыхъ представителей нашего духовенства посѣщать со свѣтлымъ крестомъ во дни Рождества Христова и Пасхи своихъ знакомыхъ не только въ своемъ приходѣ, но и въ чужихъ. Даже священники подмосковныхъ сельскихъ приходовъ являюся иногда въ эти праздники въ Москву затѣмъ, чтобы испривить этотъ обычай. Обладая по своей прежней службѣ и частимъ урокамъ обширными знакомствами въ Москвѣ, Михаилъ Ивановичъ, сдѣлавшись священникомъ, никогда не прибѣгалъ къ этому обычаю; зато съ отнѣннымъ усердіемъ посѣщала съ крестомъ всѣ захолустья Воспитательнаго дома. Писущій эти строки неоднократно былъ свидѣтелемъ бесѣдъ его по этому поводу, когда онъ, бывало, утомленный физически, но бодрый нравственно, возвращался подъ вечеръ въ первый день Рождества или Пасхи въ свою семью. «Меня до глубины души трогаетъ и ра-

зудеть, — говорила она, — эта чистенькая, прибранныя бѣдность, эта замкнутая перекрѣжка лампадки, это благоговѣющее ожиданіе священника со свѣтником. Одно только смущаетъ меня, — прибавитъ она, бывало: это необходимость принимать отъ нихъ какъ гривенники и двугривенные, а не брать ничего, потому что дается отъ усердія къ Богу, нельзя оскорблять человека въ такихъ чувствахъ». И она брала съ тѣмъ, чтобы вернуть бѣднякамъ при первой возможности ихъ гроши въ той или другой, необходимой для нихъ формѣ. А сдѣлать это ему, какъ человеку, близко стоявшему во всѣхъ нуждахъ Воспитательнаго дома, представлялось не мало случивш. Зато я полюбилъ о. Михаила въ Воспитательномъ домѣ. Когда онъ, уходя оттуда, говорилъ въ церквахъ свое прощальное слово, тамъ слышался рыданіе. И напомню ибѣсть его служенія, вплоть до отъѣзда его въ Петербургъ, воспитанники Воспитательнаго дома каждый большой прорывавъ въ значительномъ количествѣ вѣздясь на его квартиру съ обязательною просеорою въ рукахъ, чтобы поздравить своего любимаго батюшку и пожелать ему всего хорошаго.

Кромѣ пастырской дѣятельности въ Воспитательномъ домѣ, о. Михаилъ долженъ былъ, какъ сказано вы выше, давать уроки Закона Божія въ Николаевскомъ спиритскомъ институтѣ. Сознаніе важности предстоящаго ему дѣла ставило его послатить приготовленію себя къ нему все дѣло 1895 года. Конечно, эти приготовленія состояли не въ приобретѣніи необходимыхъ для законоучителя знаній, — знавшій вѣдь о. Михаилъ слѣшкомъ достаточно: ему хотѣлось усилить себя, во всѣхъ его подробностяхъ, самымъ вопросомъ о законоучительствѣ, о положеніи Закона Божія среди другихъ предметовъ школьнаго преподаванія, о способѣ веденія дѣла и пр. Результатомъ этихъ размышленій явился цѣлый рядъ его статей въ *Московскихъ Церковныхъ Вѣдомостяхъ*, гдѣ указаніе вопросы разсмотрѣны во

всѣхъ подробностяхъ и со всѣхъ необходимыхъ сторонъ. Такъ какъ положенія, высказанныя въ этихъ статьяхъ, для того именно и выработывались о. Михаиломъ, чтобы быть затѣмъ приведенными къ дѣлу въ его собственной практикѣ законоучительства, то мы позволимъ себѣ сдѣлать нѣсколько выдержекъ изъ нихъ. Эти выдержки и послужатъ характеристикой самого о. Михаила, какъ законоучителя въ средней школѣ.

Вотъ что писалъ онъ отъ 3 сентября 1895 года о поставленіи законоучительства въ средней школѣ:

«Если при усвоеніи «свѣтскихъ» наукъ выбѣте въ виду, главнымъ образомъ, умственное развитіе, то этого вовсе нельзя сказать о Законѣ Божіемъ. Какъ религія обнимаетъ человека всецѣло, воздѣйствуя не только на умъ но, главнымъ образомъ, на сердце и волю человека, такъ и истиннаго христіанскаго ученія не могутъ быть восприняемы только теоретически. «Истина, пишетъ пресвященный Феофанъ, пока не вошла въ сердце, есть то же, что пища на поларованной доскѣ: похлѣбъ итеръ и все свесеть» (Начертаніе христіан. правоученія. Москва, 1891 г., стр. 338). Отсюда естественный выводъ: законоучительство есть въ то же время неразрывно и пастырское. Такъ ли это дѣло поставлено у насъ? О, далеко вѣтъ! Законоучитель въ дѣйствительности есть только «учитель», какъ всѣ учителя. Мы не говоримъ уже о томъ, что на лишнюю доходную статью... Но въ сущности чѣмъ отличается законоучитель отъ всякаго другого учителя? Онъ также задаетъ уроки, также ведетъ своихъ учениковъ впередъ при помощи баловнаго свирѣда, также перемѣляется изъ одного заведенія въ другое, также можетъ встрѣтись гдѣ-нибудь въ школѣ, не зная своего ученика, также заботится только о томъ, чтобы выполнить программу, чтобы ученики его не сбѣгались на экзаменѣ. А гдѣ же пастырство? Гдѣ забота о томъ, чтобы свѣтлымъ истиннымъ вѣрмъ уверовавшимъ въ сердцахъ и сдѣла-

лись руководственным началом жизни? Но что всего удивительно, так это то, что даже богослужение преподается точно так же, как и все остальные «святские» предметы, т. е., теоретически. Ученики проходят, напр., отрыв о великопостном богослужении. Подумаешь, вь самомъ дѣлѣ, будто идти рѣчь о какихъ-нибудь дѣлахъ давно минувшихъ дней... Бываютъ ли воспитанники въ храмѣ въ теченіе Великаго поста хотя бы на первой недѣлѣ, — присутствуютъ ли они при совершеніи преждеосвященной литургіи? Въ нашей духовной журналистикѣ не разъ указывалось на то, что воспитанники нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній почти совсѣмъ лишены глубоко осмысливающихъ и сильно дѣйствующихъ на юную душу впечатлѣній Великаго поста (См. *Моск. Церк. Вѣд.* 1895 г. № 6, евразійскую кн. *Думск. Читен.* за 1894 г.). Не даромъ отрывъ о богослуженіи считается между воспитанниками однимъ изъ самыхъ случныхъ...

«Пастырство предполагаетъ знаніе духовныхъ нуждъ паствы, а это невозможно требовать близкаго знакомства съ паствою, въ данныхъ случаяхъ, съ воспитанниками. Отсюда выводъ самый простой: при каждой учебномъ заведеніи должны быть храмъ и при немъ настоятель-законноучитель. Эта нужда уже осознательно сознава— и выражаемо было, сколько помнится, даже озаціально желаніе, чтобы эта насущная потребность, наконецъ, вышла полное удовлетвореніе. Но желаніе одного мало. Это мы видимъ и на самомъ дѣлѣ... Такимъ образомъ законоучительство должно стоять въ тѣсной связи съ пастырствомъ и особенно съ храмомъ Божиимъ. Почему не предположить, совершенно справедливо говоритъ П. С. Аксаковъ, что, услышавъ на учительскій стулъ въ классной комнатѣ, взявъ катанкисъ въ руку, законоучитель услышавъ и усердіе, въ смыслѣ добрыхъ нравственныхъ результатовъ, исполнить пастырскій долгъ учительства, чѣмъ въ самомъ хону Божиимъ, гдѣ онъ—предстоятель, гдѣ сердца слушателей

уже возбуждены и растворены къ воспріятію благаго священнаго сѣмена — и совершившіяся и ожидаемыя Богослуженіемъ, и всею обстановкою храма?.. Кругъ учительской дѣятельности священника въ храмѣ — не только въ видѣ проповѣданія слова Божія, но и во образѣ благочестиваго и вразумительнаго Богослуженія, — несравненно обширнѣе, чѣмъ въ классной горницѣ... Силнать, можетъ быть, это трудно по недостатку матеріальныхъ средствъ. Не станемъ спорить. Такъ что же? И отступать передъ трудностію? И успокоиться на томъ и забросить дѣло въ сторону? Но мы думаемъ, что это вовсе и не такъ трудно... У насъ на Руси никогда не ослабѣвала ревность къ устройенію храмовъ Божіихъ... Лишь было бы усердіе со стороны тѣхъ, отъ кого зависитъ позаботиться объ этомъ¹⁾...

«Выставляете трудность съ другой стороны: воспитанникъ съ утра до вечера занятъ работой въ теченіе недѣли. Дайте ему хотя одинъ день полного отдыха? Не принуждайте его еще и въ воскресенье идти на богослуженія въ школу? Ему и безъ того на праздники дается двойное количество работы. Лучше онъ слодитъ въ ближайшую церковь...

«Въ отвѣтъ на это спросимъ безъ обиняковъ: а ходятъ ли действительно наидое воскресенье въ ближайшій храмъ? Родители и воспитанники, отвѣтѣ по чистой совѣсти!...

«Трудности учениковъ, въ виду обязательнаго посѣщенія храмовъ Божіихъ, въ воскресные и праздничные дни, можно бы и облегчить, въпрямь, — не только не увеличивать количества уроковъ, но даже и вовсе не задвигать по недѣльнику или, по возможности, уменьшать. Можно бы еще, какъ, напр., во Франціи, въ четвергъ оплачивать уроки въ 12 часовъ... Поймемъ наконецъ ту печальную

¹⁾ Само собой разумеется, директоръ или заведующій заведеніемъ непременно долженъ быть православленнымъ. Но такъ ли и всѣхъ ли такъ? насъ? (Визанскія М. Н. X.)

истиину, что многообразие, какъ оказывается изъ отчетовъ и рецензій, вовсе не спасаетъ насъ ни отъ безграмотности, ни отъ поверхностныхъ знаний...

Русская средняя школа должна безспорно имѣть свои отличія, подобно тому какъ имѣетъ французская, итальянская, английская, американская, хотя бы онѣ въ основѣ своей имѣли классическое образование, — русская школа должна носить свой национальный отпечатокъ, и не быть слѣпымъ подражаніемъ. Этихъ отличій должно быть не что иное, какъ близкая тѣсная связь школы и церкви. Тамъ болѣе преподаваніе закона Божія должно находиться въ живомъ органическомъ отношеніи къ религиозно-нравственной жизни питомцевъ...

Разъясняя значеніе закона Божія въ жизни средней русской школы, о. Михаилъ не только думалъ и о томъ характерѣ, съ которымъ, во его мнѣніи, должны вліяться въ школы законоучитель-пастырь. «Законоучитель воспитываетъ непрерываемую истину. Его слово должно быть со властію... Глубокая, непоколебимая увѣренность въ безусловной истинности предлагаемаго ученія естественно должна вознестись особый отпечатокъ на слухомъ способъ положенія и невольно покорять слушателей. Это дивно познаетъ въ католическомъ мірѣ. Не все видѣ худо и у нихъ...

«Если всякій воспитатель, — тѣмъ болѣе законоучитель, выражаясь словами святителя Безобразова, долженъ пройти всѣ степени христіанскаго совершенства, чтобы впоследствии въ дѣятельности умѣть держать себя, быть способнымъ замѣчать направленія воспитанниковъ, и потому дѣйствовать на нихъ успѣшно, съ терпѣніемъ, сильно, вѣдотворно. Это должно быть словесно лишь чистѣйшихъ, богообразныхъ и святыхъ»...

«Подобно тому, какъ огонь, пропаявъ желѣзо, не внутри только держится, но выходитъ наружу и огненную свою силу вылетѣ опустительно для всѣхъ; такъ и благодать, проявляя все естество наше, становится потомъ

осознательно видна для всѣхъ. Вся, приходящая къ соприсношенію съ таинствъ благодатствованиями, чувствуя присущую ему необыкновенную силу, проявляющуюся въ немъ разнообразно. Станемъ она говоритъ о чемъ-либо духовномъ, все и него выводитъ дело, какъ среди дня; и слово его идетъ прямо въ душу, и тамъ власно слышатъ соотвѣстственнымъ себя чувства и расположенія. Да хоть и не говорить, такъ вѣетъ отъ него теплота, все согревающая, и сила иная исходитъ, возбуждающая нравственную энергію и рождающая готовность на всякаго рода духовныя дѣла и подвиги».

Но гдѣ же вы найдете такихъ законоучителей? спросить можетъ быть. Что жъ? Ужели мы въ дѣятельности такъ бѣдны, что невозможно ужъ и напомнить объ идеалѣ? Повторяемъ: мы говоримъ объ идеалѣ, — и напоминаемъ о томъ, къ чему мы должны стремиться, напоминаемъ, такъ можно чаще — вовсе не считаемъ напоминанія, а не то — чего доброго — можетъ возбудить взглядъ совершенно противоположный идеалу. Нельзя же считать нормальнымъ того педагога, что въ учебныхъ отчетахъ во всеобщее свѣдѣніе, въ томъ числѣ, конечно, и ученикамъ, печально заявляетъ, что такой-то законоучитель опоздалъ въ классъ на три минуты...

«Увѣренный самъ въ непрерывности всеблагихъ истинъ, законоучитель долженъ познать и о всеобщей силѣ истины для сердца человеческого. Къ сожалѣнію, мы часто забываемъ это. А между тѣмъ эта увѣренность въ неизмѣнность и неотразимость дѣйствія на сердце человеческое христіанской истины можетъ сообщить слову законоучителя то величавое спокойствіе, то достоинство, которое такъ пріятно вылетѣ самого предмета.

«Быть не можетъ, пишетъ тотъ же самый святитель, чтобы христіанинъ оставался равнодушнымъ, чтобы сердце его не исполнилось соотвѣстственнымъ тому чувствами, подобно тому, какъ желѣзо остается равнодушнымъ,

когда вступают в обладание несметными сокровищами»...

«Смотри, вот истинна, аспна, какъ создан!» величано говорить святитель. «Отсюда десть, обмлазъ какой-нибудь, прикинь выгоды, угрозы невыгоды суть уклонения отъ правды въ проповѣданіи вѣры».

Правда тотъ же святитель, миссия котораго имъ использовалась для начертанія идеальнаго образа законоучителя, говорить, что «истинные, признанные проповѣдники, вѣдущіе для особыхъ цѣлей, чрезвычайно воздвигаются Богомъ», но оны не для всѣхъ рѣшительно и безъ исключенія выставляются требованіе— «грѣши и смѣниши свои» въ ублаженіи съѣтомъ и теплотою».

Все дѣло сводится такимъ образомъ къ личности законоучителя. Да! кто не чувствуетъ внутренняго сердечнаго признанія къ своему дѣлу, того можно только предостеречь отъ законоучительства. Законоучительство— не профессія, но миссія и великая миссія (Аксаковъ). Какой глубоководный привѣръ въ смыслъ предостереженія представляеть намъ хотя бы Франція! Глубоководрующій народъ и—неисчурющая интеллигенція... Боже, сохрани насъ отъ этого!!

«Выразимъ подлую утѣренность, что среди насъ не оскудѣетъ преодобный. У насъ есть и могли бы быть преодобные законоучителя».

Твердо, разумно, основательное ублаженіе въ истинна, саяной вѣры съ малювою поманіа ея.. Душа, создававшаяся сосудомъ, выходящая такую святую, не можетъ не разнавать отъ себя благоуханія. Какъ можетъ она скрывать отъ другихъ сокровище сіе? Какъ удорится языкъ, отъ полноты сердца естественно приходящій въ движение?

«О той свѣтлой образъ представеть намъ и на одрѣ смерти съ тѣми святыми истиннами и убожаніями, какія мы слышали отъ тебѣ!» восклицалъ со слезами на глазахъ,

одинъ изъ воспитанниковъ на могилѣ почивающаго законоучителя. И это было не такъ давно!».

Такъ понималъ о. Михаилъ значеніе закона Божія въ средней школѣ, такъ рассказъ оъ себѣ личность идеальнаго законоучителя-пастыря. И кто изъ безпристрастныхъ людей, хотя сколько-нибудь знакомыхъ съ его дѣятельностію въ званіи законоучителя, кто—спрашиваемъ мы—осмѣлится сказать, что оны не сумѣли или не смогли въ своемъ законоучительствѣ осуществить нѣкъ же самими начертанный идеаль? Мы видѣли искреннѣ, неприторная дѣтскія слезы надъ его безвременнымъ гробомъ, мы слышали нѣкъ согрѣтымъ чистымъ дѣтскимъ чувствомъ, проникнутымъ глубокимъ неподдѣльнымъ горемъ рѣчи надъ его останками; намъ извѣстны многочисленныя разсказы о безграничномъ благоговѣніи къ своему батюшѣ бывшихъ его воспитанницъ, и мы не сомнѣваемся, не можемъ сомнѣваться, что къ лицѣ о. Михаила, какъ законоучителя сіе оскудѣетъ среди насъ преодобный. И пусть скажетъ любая изъ его ученицъ, слушавшая изъ его устъ урокъ закона Божія: развѣ и надъ его гробомъ нешла съ полнимъ ублаженіемъ повторить тѣхъ же самыхъ словъ, которыми заканчиваетъ свою статью о. Михаилъ, приобщивъ ученическую рѣчь надъ гробомъ одного изъ своихъ старѣйшихъ собратовъ по законоучительству: «О той свѣтлой образъ представеть намъ и на одрѣ смерти съ тѣми святыми истиннами и убожаніями, какія мы слышали отъ тебѣ!».

Другой вопросъ: легко ли далось о. Михаилу осуществленіе его высокаго идеала законоучителя? Отвѣтъ на это мы дадимъ въ слѣдующей главѣ, а сейчасъ обратимъ вниманіе читателя на одну сторону его законоучительской дѣятельности, достойную, по нашему мнѣнію того, чтобы

¹⁾ Мих. Изъ видѣтъ здѣсь въ видѣ, какъ оно достоверно извѣстна попутному ему строну, бывшаго законоучителя VI гимназіи, прот. В. П. Александровскаго, умр. въ 1887 г.

быть особенно знатно выдвинуто. Нечего уже и говорить о том, что церковное Богослужение о. Михаила въ училищномъ храмѣ всегда было «благоговѣно и вразумительно». Но, не ограничиваясь этимъ, онъ стремился воспользоваться каждымъ удобнымъ случаемъ для получения своихъ воспитанницъ съ церковной кафедры. Не всѣ, только некоторые изъ этихъ любимыхъ специальное назначеніе поученій его попали въ печать, но и тѣ, которыя были напечатаны, представляютъ изъ себя хотя и не обширный по объему, — вѣдь и законоучительствовалъ то о. Михаилъ всего три года, — но достаточно значительный по содержанию сборникъ, который, по нашему мнѣнію, заслуживаетъ сохраненія и распространенія среди нашей учащейся молодежи¹⁾.

Чтобы не быть голословнымъ, позволимъ себѣ указать одну-другую примѣру подобнаго рода поученій о. Михаила. Отличаясь обычными достоинствами его проповѣдей, эти примѣры покажутъ намъ, какъ онъ осуществлялъ на дѣлѣ свою идею законоучительства не съ класснаго преподавательскаго стула, а съ священной церковной кафедры.

Вотъ что сказала онъ своимъ ученицамъ 4 сентября 1896 года передъ началомъ учебнаго года.

«Благословляя васъ, дорогія дѣтя, во имя Господне на предстоящіе намъ въ наступающѣмъ году труды, напоминою вамъ одно глубоко поучительное событіе изъ жизни Христа Спасителя.

Перенесимся мыслію въ одно удивительное селеніе, лежащее среди горъ въ окрестностяхъ Иерусалима, въ тотъ тихій уголокъ, гдѣ такъ любилъ отдыхать Спаситель нашъ, въ Виванію, въ тотъ благословенный домъ, гдѣ съ такою любовью и благоговѣніемъ всегда встрѣчалъ Божественнаго Гостя. Мы видимъ тамъ нашего Господа въ послѣдній годъ

¹⁾ Какъ вамъ известно извѣстно, о. Михаилъ и, протоіерей и властвъ въ настоящее время подготовлено къ печати сборникъ его проповѣдей, гдѣ будутъ и тѣ поученія, о которыхъ мы только рѣкъ.

Его служенія, накануне іудейскаго праздника обновленія храма, 24 хлѣвна или, по нашему счету, 7 декабря. Вы, конечно, знаете, о какомъ домѣ, о какихъ семействахъ и говорю, о томъ блаженномъ семействѣ, которое «любилъ Иисусъ». Оно состояло всего изъ трехъ, идя другъ друга любившихъ членовъ: Лазара и его двухъ сестеръ: Марыи и Маріи. По случаю посѣщенія Господа въ домъ къ нимъ навѣрное собрались ихъ друзья и добрые знакомые.

Одна изъ сестеръ, Марья, живая, радужная и заботливая хозяйка, вся отдалась хлопотамъ объ угощеніи дорогого Гостя, между тѣмъ какъ сестра ея Марія въ глубокое смиреніе сѣдѣла у ногъ Спасителя и, вся сіяя духовною радостію, внимала Его ученію. Не то, чтобы она не хотѣла помочь сестрѣ — вѣдь, она видѣла, что сестра до блаженства рада была сѣдѣть все, что нужно было для достойнаго приѣма Господа.

Но вотъ среди хлопотливой суеты по хозяйству Марья, можетъ быть, нѣсколько утомила, и видъ сестры, въ безконномъ восторгѣ внимавшей божественнымъ словамъ, возбуждалъ въ ней недоброе чувство. И она остановившись спросила Господа, неужели Ему и нужды вѣдь, что сестра ея сидитъ сложа руки, между тѣмъ какъ она утомила по хозяйству. Не скажете ли Онъ сестрѣ, чтобы она помогла ей?

Господь огорчилъ ей словами, въ которыхъ если и слышится намъ упрекъ, то такой безконечно кроткій и ласковый, что не только не могъ сгорчить, напротивъ — вполне успокоить и ободрить сердце захлопотавшейся хозяйки. «Марья, — сказала Онъ кротко, ты суетишься и заблуждаешься о многомъ, а одно только нужно. Марія же избрала благую часть, которая не отнимется отъ нея».

Постарайтесь привѣрить къ себѣ глубокой урокъ, преподаанный Марей.

У насъ наступаетъ трудовой учебный годъ, и вы сразу уже представляете себѣ, что предстоитъ вамъ исполнить. Вашему воображенію уже предносится урокъ настав-

являть и приготовление къ нимъ, разнообразіе предметовъ изученія, забота искусствами и руководствѣмъ, требованія дисциплины, — словомъ, все, изъ чего складается наша трудовая дѣя. Но видъ повинно всей этой дѣятельности, очень сложной, несмотря на то, что она совершается внутри учебно-воспитательнаго заведенія, можно всей этой ежедневной жизни нашей, доступной наблюденію и контролю, у каждой изъ насъ есть въ сердцѣ заветный уголокъ, куда не можетъ проникнуть самый наблюдательный взоръ, и тамъ также идетъ и совершается жизнь, жизни нетивная, заветная, можетъ быть, гораздо болѣе интересна, болѣе важна, чѣмъ всѣ наши занятія, посвященные науцѣ, искусствамъ и въозможному обязательной для насъ дисциплины.

Хлопоты Марюмъ не подобны ли всей нашей доступной наблюденію дѣятельности? Изученіе многопольныхъ наукъ, искусство, руководствѣмъ — не есть ли то многое, о которомъ заботилась Марюмъ? Что жъ? Развѣ все это не важно? можетъ быть, спросите вы. Развѣ не для того мы и собрались сюда, чтобы заниматься всѣмъ этимъ и трудиться подъ руководствомъ старшихъ, со всевозможнымъ усердіемъ? Развѣ усердное исполненіе всего, что отъ насъ требуютъ, заслуживаетъ укора, хотя бы и ласковаго?

Нѣтъ! Боже сохрани насъ порочить все это! Совсѣмъ напротивъ! Почему мы такъ не желаемъ, какъ усерднаго исполненія нами своихъ обязанностей, какъ прилежанія, неустаннаго трудолюбія. Видъ и Господи Спаситель укорялъ Марюмъ не за труды по хозяйству, вѣдѣны на себя ради служенія Ему же, но за то, что Марюмъ, отдавшись имъ болѣе, чѣмъ нужно, потеряла душевное равновѣсіе и выказала, хотя и минуту, недоброе чувство къ сестрѣ. Заботливости Марюмъ объ угощеніи хотя и похваляли и простояли изъ добрыхъ чувствъ, но не такъ важна, какъ то, что безмолвно совершаетъ Марюмъ, ибо только одно это въ сущности и нужно. Все же остальное и похваляли и желательно и даже необходимо, но не имѣетъ столь же важнаго значенія.

И сейчасъ говорилъ о нашей внутренней жизни, о томъ заветномъ современномъ мирѣ, который каждая несетъ въ душѣ своей, о мирѣ незримомъ, но существующемъ только нами самими. Марюмъ тѣмъ я отдалась, что болѣе жила въ себѣ самой, въ этомъ внутреннемъ мирѣ души своей, чѣмъ въ мирѣ внѣшнемъ, со всей его суетой, заботами и тревогами. О если бы наша внутренній миръ, наша современная душевная жизнь, наши заветныя думы и желанія занаты были тѣмъ же, чѣмъ была душа Марюмъ! Марюмъ, позабыла себя и все земное, внимала лишь Господу и удостоилась высшаго одобренія: Марюмъ же благою частью избра (Лук. 10, 42).

Не бойтесь — не стану касаться такъ нашей внутренней жизни.

Да и кто въ состояніи наблюдать всѣ движенія всякаго сердца? Не то же ли это, что наблюдать полетъ легкой птички въ воздушномъ пространствѣ или бѣгъ корабля среди обширнаго моря? Но развѣ не могу я повѣдать намъ отъ подвѣты любящаго насъ сердца, чтобы наша внутренній миръ озарился свѣтомъ небесной истины, чтобы наши ежедневные труды и заботы не вытѣсняли изъ сердца вашего единаго на потребу, чтобы вѣстѣ съ усойанія въ наукахъ, въ нашей сердцѣ складалась яркая рѣшимость жить по-Божьи и все творить во славу Божию?

Какъ достигнуть этого? Какъ сочетать хлопотливую и многотрудную суету всякаго дня со служеніемъ Господу?

О, если бы этотъ вопросъ возникъ съ горячимъ желаніемъ разрѣшить его въ душѣ каждой изъ насъ! Съ какою готовностію, съ какою радостію и бесѣдовалъ бы съ нами объ этомъ предметѣ! Какъ счастливы были бы, заветныя проблески разгорающагося въ сердцахъ алмазы пламени, которое, озаривъ души наши, раздало бы благотворный свѣтъ на всѣ наши житейскія отношенія!

Будемъ же вѣстѣ трудиться надъ тѣмъ, чтобы никогда намъ не забывать объ единствѣ на потребу, будемъ искать

со всеми усердием ту драгоценную жемчужину, которая одна стоит того, чтобы отдать за нее все (Мк. 13, 46).

Но для этого нужно прежде всего благословение Божие и благодатная помощь Святого. Помогите же усердием о том, да возрастает, вместе с вашими усилиями в науках, в сокровенной сердца человека в неслышимой красоте протала и молчаливого духа, что драгоценно пред Богом (1 Петр. III, 4).

Таков был урок-программа предстоящих трудов, предложенный союзом воспитанникам и духовным дочерям с церковной звездой их пастырем-законоучителем. Слышите, не оспаривайте ли этот урок слов этого же пастыря-законоучителя, написанных им годою ранее: «Законоучитель возвышает непереходимую истину. Его слово должно быть со властью... Глубокая, непобедимая уверенность в безусловной истинности предлагаемого учения должна положить особый отпечаток на самый способ изложения и несколько покорить слушателей».

А вот другая речь в. Мухоморова, которую он выслушал в выходящем Ученице на волость мѣст своего служения в 1897 году.

Дорогія дѣтя!

Какъ отрядомъ для труженика-земледѣльца видѣ жатвы, послѣдней для сбора, такъ искренно всѣмъ сердцемъ радовались мы вашимъ усиліямъ — плодомъ нашего учения здѣсь, съдѣла съ живыми участіемъ и интересомъ за ваши послѣднія усилія. Но вотъ настала часъ разлуки, прощанія, — и сердце наше свалось отъ скорби. Прощайте, дорогіе, и не забывайте насъ въ вашихъ молитвахъ!

Въ эту минуту напоминаетъ намъ глубокая Палестинская ночь, путь въ Геосиванію и прощальныя бесѣды Спасителя съ учениками. Безможно стоять апостоламъ близъ своего Божественнаго Учителя, съ глубокою печалью въ сердцѣ о скорой предстоящей разлуки. Изъ устъ Господа возносится къ небесамъ пламенная молитва. О, эти дивныя

«святосвященническая» молитва Господа Иисуса! Она объемлетъ собою всю вселенную; она царитъ надъ всеми временами, она безгранична и вѣчна, изъ Бога, къ Которому она несется, она выше и безсмертнее чина той лазури неба, куда Иисусъ обращалъ Своей молитвенной взоръ. И среди этой горшеи пламенемъ божественной любви молитвы Апостолы слышать безсмертно трогательныя слова:

«Отче Святій! соблюди ихъ во имя Твое... Когда Я былъ въ мірѣ, Я соблюдалъ ихъ во имя Твое. Не могу, чтобы Ты взялъ ихъ отъ міра, но чтобы сохранилъ ихъ отъ ада (Іоан. 17, 11—15).

Смислитель, прощась съ Апостолами, нево предать, какъ противъ нихъ возставитъ міръ, лежащій во злѣ, со всеми своими искушениями, соблазнами и наветами, и проситъ Своего небеснаго Отца защитить ихъ Своими державными покровомъ.

Нисколько хватало нашихъ слабыхъ силъ, стараясь подражать нашему Господу, мы призвали здѣсь всѣ усилія къ тому, чтобы укрѣпить въ добръ наши живы души, заботливо охраняя насъ отъ всего, что могло бы принести вредъ намъ. Теперь настала минута, когда мы спроесь отъ очей нашихъ, и мы, со слезами на глазахъ, въ призыву Господа возносимъ молитву къ Небесному Отцу: «собоуди ихъ во имя Твое, т. е., въ мірѣ и чистотѣ исполненія Бога, равно какъ и въ жизни по Богу!»

И какъ не молиться намъ?

Не на привольную, обеспеченную жизнь отпускаясь, большинство изъ насъ, но на жизнь трудовую, съ нуждою, можетъ быть съ лишениями, которыхъ мы не знали здѣсь! Но что труды! Самый тяжелый трудъ, трудъ безъ отдыха, трудъ съ бессонными ночами, со слезами, — даже такой трудъ самъ по себѣ не приноситъ вреда, если въ сердцѣ христіанина живетъ сердечная вѣра въ недремлюще Провидѣніе, если христіанинъ, въ дѣловой преданности воли Божией, помнитъ Божіе опредѣленіе о трудѣ въ пошъ дѣла.

Что труд! В цехах, в землянках, в рудниках, в кузницах, на кострах, в виду злых затей — истинные христиане оказывались бесконечно счастливые многих страдальцев мира сего!

Итак, кроме трудовой жизни есть еще нечто, бесконечно более страшное... Вы встрититесь в мир соблазны пещеры, соблазны порока... Ах, если бы одних слов было достаточно для того, чтобы предохранить нас от этого зла! Мы собрали бы сына красноречива, сама трогательна, сама убедительна вставления. Но увы! Горький опыт показывает нам, как часто, в минуту возбуждения от соблазнов мира, оказываются бессильными самая сильная человеческая рвни, притом со стороны самых близких людей, — как часто юность бывает забывчива...

Что же делать нам?

Ничего — девь нашего вступления в самостоятельную жизнь. Совершите же наш первый самостоятельный шаг еще здесь, еще под священным кровом этого родного нам храма, где так часто возносили вы Господу наши молитвы, — дайте здесь, не выходя из школы, священник и кривчайший обит, скажите в сердцах наших: «я христианин и никогда не забуду об этом!»

Приведа таким подобным же советъ преосв. Феофана изъ его «Пути во спасенiю», о. Михаилъ записываетъ свое слово:

«А намъ остается только молиться о насъ. И гдѣ бы волею Провидѣнiя ни пришлось намъ жить и трудиться, знайте, что въ этомъ храмѣ не забудутъ насъ!

Господа, благослови ихъ и соблюди ихъ во имя Твое!»

Мы приведа тѣ дѣянія, которыя, по нашему мнѣнiю, характеризуютъ о. Михаила, какъ пастыря законоучителя, какъ духовнаго отца своихъ ученицъ и духовныхъ дочерей. Теперь посмотримъ, при какихъ внѣшнихъ условiяхъ пришлось о. Михаилу совершить недолгий путь своей законоучительской дѣятельности.

Съ осени 1895 года, какъ мы уже говорили, о. Михаилъ сталъ законоучителемъ Николаевского Саратовскаго института, помѣщающагося въ зданiи Московскаго воспитательнаго дома; вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ второй священникъ состоящей при Воспитательномъ домѣ и институтѣ Епархиальной церкви, онъ сдѣлался также пастыремъ и духовнымъ отцомъ своихъ ученицъ, воспитавшихъ институту. Такимъ образомъ, съ самаго начала своей законоучительской дѣятельности, онъ очутился въ тѣхъ именно условiяхъ, въ которыхъ, какъ указывали мы въ предыдущей главѣ, непремѣнно долженъ былъ, по его мнѣнiю, находиться всякій законоучитель для того, чтобы съ присущей его великою силой и авторитетомъ водвѣствовать на религиозна-нравственное развитiе учащихся, и о. Михаилъ съ обычно своею энергiей и прямотою приступилъ къ исполненiю своего высшаго долга.

Такъ недавно еще было все это — только пять лѣтъ тому назадъ, и всѣ, кому приходилось тогда встрѣчаться и бесѣдовать съ о. Михаиломъ, конечно, помнятъ еще то проникнутое важностiю предстоившей ему задачи душевное настроенiе, которое онъ переживалъ въ это неоправченное еще никакю скорбiю первое время своего священства.

Итакъ надобности говорить о томъ, до какой степени успѣшно пошли у о. Михаила уроки закона Божiя. И оециальные отзывы ближайшаго начальства, выдающаго учебную часть въ институтѣ, и безграничное довѣрiе къ словамъ своего законоучителя, соединенное съ глубокимъ уваженiемъ къ его личности, со стороны воспитавшихъ, все это свидѣтельствовало о томъ, что о. Михаилъ съ избыткомъ оправдалъ надежды, которыя возлагались на него, какъ на законоучителя всѣми, кто былъ знакомъ съ его характеромъ, педагогическою смѣлостiю, приобретенною многолѣтнею преподавательскою дѣятельностiю, и глубокими познаними его въ новомъ предметѣ своего преподаванiя. Однако о. Михаилъ не хотѣлъ, да по характеру своихъ возрвнй на преподаванiе закона Божiя и

значение школьного законоучителя и не мог, как человек, не привыкший разделять слова с делом, ограничить свою деятельность в школе лишь классным преподаванием уроков по закону Божию: будучи не только законоучителем, но и духовным отцом своих учеников, он стремился руководить их религиозно-нравственной жизнью и в их классах и иногда указывала начальству института, если забывало что-либо из установленных так порядков несоответствующее задаче религиозно-нравственного воспитания. Все это оказалось новостью в жизни института, и за о. Михаилом еще раз оправдалась старая истина, что ни одно начинание, как бы благотворно оно ни было, не может быть проведено в жизнь без борьбы и если в борьбе или даже в отдаленном будущем ему и предстоит, может быть, торжество, то повернуть его все-таки приходится часто очень и очень пострадать, а иногда так даже и наблюдать позавоевавшему, крушение самых лучших, самых благороднейших своих надежд и стремлений. Начальство института, руководившее воспитательную частью учебного заведения, отнеслось с большим неодобрением к благим начинаниям пастыря-законоучителя. Начались для о. Михаила неприятности, недоразумения, обиды... Но мы не станем передавать всех перипетий этой крайне тяжелой борьбы в жизни о. Михаила так же, как обиды, ведь и борьбу, в настоящее время уже ушли от суда человеческого и предостоят праведному суду Божию; скажем только, что все это страшно тяжело отзывалось и на физическом здоровье и на нравственном настроении о. Михаила. Насколько бодр и радостен был он в первое время своей законоучительской службы, настолько же сдался грустнее и насмущен в последние месяцы своего пребывания в институте.

Принципиальней Московский святитель, высокопреосвященнейший Сергий, очень высоко ценивший о. Михаила даже еще в то время, когда он был собственн

чником, все время внимательно следила за его служением в институте и Воспитательном доме, и когда положение его сдалось уже прямо невыносимым, владыка, желая сберечь силы полезного для церкви дельца, решил в своем умудренном опыте уже отнести о. Михаила от столь вредно влияющих на его здоровье огорчений. Призвать его к себе, владыка сказал ему: «всю ночь думал о вас, — хотите занять должность инспектора Филаретовского училища?» О. Михаил ответил, что он готов занять любое место, которое укажет ему святитель. Результатом этого разговора было немедленное назначение о. Михаила инспектором Филаретовского епархиального училища, — должности, которую он и сохранял за собою до самого перехода своего в Петербург.

Разставаясь с Николаевским институтом, о. Михаил должен был также расстаться и с паствою Воспитательного дома, в которой он уже привык, которую успел полюбить. Не легко было ему сдаться это, и лучшим свидетельством того настроения, которое он испытывал в то время, служить его прощальное слово, произнесенное им за последнюю литургию, отслуженную им в церкви Воспитательного дома.

Позволив себе привести некоторые выдержки из этого слова, чтобы охарактеризовать откопсав, замкнутые между о. Михаилом и его паствою. «Простите», говорил между прочим о. Михаил, «но сердце просит раскрыться с неудержимой силой... Незабывшим впечатлениям золотого детства! Но здесь я пережил впечатления, которых заслонили все прежние... и до гроба не забуду их, а повесть их в вечность.

«Здесь из этого чудом хранил в восторг перламутровые бесчисленные впечатления священства, служения божественной литургии, впечатления, которых не променяешь на сокровища всего мира. Здесь в святом алтаре меня впервые потрясли чувства ужаса за свое недостойство и чувства невыразимой на земле человеческого радости»

соединилъ съ Господомъ, и я всей душой возлюбилъ вѣшь храмъ, возлюбилъ, какъ не любилъ я родной матери и никогда не забуду его, не забуду этого небеснаго образа Христа, Который точно въ таинственно-божественнаго мира вновь является на землѣ для благословеній, не забуду этого вознаго безконечной любви Яна, вѣшь благословляющихъ пречистыхъ рукъ¹⁾. Здѣсь же въ этомъ храмѣ впервые раскрывалась передо мною душа христіанская въ великіе дни говѣнія, здѣсь со слезами на глазахъ, познанный трепета, я раздавалъ металлическіе дары, вѣшь вѣщью жизни: я былъ невыразимо счастливъ въ эти минуты. Наконецъ здѣсь двинулся я съ вами задушевными бесѣдами о Богѣ, о вѣщью жизни, о небесныхъ утѣшеніяхъ... Забуду ли все это? Еще разъ простите, — сердцу не запретишь молчать! Признаюсь вамъ, я любилъ служить у васъ козельми, я радовался, какъ дитя, когда меня приглашали служить ихъ и я вѣшь утѣшеніе видѣть слезы на многихъ глазахъ, эти слезы, которыя, какъ свѣтъ свѣтъ жемчужинамъ, возносились ангелами Божиими къ престолу Всевышняго. И все это я принимаю духу искреннаго христіанскаго благочестія, разлитому въ этомъ дорогомъ для меня домѣ. Да, не смущаясь, скажу: все это вѣшь было на моихъ глазахъ, на моихъ глазахъ жила здѣсь дорогая христіанская община, — какъ же забыть мнѣ все это?

«Скажите мнѣ, чѣмъ я могу бы отблагодарить за все это вѣшь васъ?»

«О, если бы я располагалъ богатиями міра! Но въ счастію есть на землѣ еще вѣшь вышнее, это — любовь! Да, я возлюбилъ васъ всею душою, съ самыхъ первыхъ и до самыхъ послѣднихъ.»

«Не пейте ради Бога, что я продолжаю говорить, — мнѣ хочется сказать все, что у меня на душѣ... Все пройдетъ, исчезнетъ земля, сокрушатся небеса, даже вѣшь въ буду-

¹⁾ О. Михаилъ вѣшь здѣсь въ виду образа Спасителя на алтарной стѣнѣ храма въ Воскресенскихъ докахъ.

щемъ вѣшь прекратится, даже надежда: любовь одна не умираетъ! Пронесутся годы, и другія поколения, другіе люди сдѣлаютъ вѣшь на землѣ; но если кто-нибудь возлюбилъ на землѣ, если хотя малая искра любви согрѣла чье-либо сердце, тѣ люди связаны уже вѣшь, на безконечную вѣщность, они уже свои навсегда. Самая смерть не разлучитъ ихъ: любовь сильнее смерти! О, я съ радостію встрѣчу вѣшь васъ всегда, вѣшь, но если здѣсь въ эти немногіе мѣсяцы въ чьемъ-либо сердцѣ зародилась искра расположения ко мнѣ, мы не разлучимся никогда, мы встрѣнимся въ обителяхъ Отца Небеснаго. А здѣсь на землѣ я буду молиться за вѣшь искренняя молитва вѣшь странную силу. Я буду поминать вѣшь васъ за вѣшь литургіей, какъ всегда поминалъ здѣсь, буду молиться, чтобы Господи исполнялъ вамъ всякое благо, улучшалъ благосостояніе, чтобы Матерь Божія освѣтила вѣшь васъ Своими покровомъ, широкимъ облакомъ, и отвратила всякую бѣду... О, если бы и вы не забыли въ вашихъ молитвахъ раба Божіа Михаила, который пришелъ къ вамъ съ однимъ только чистымъ желаніемъ служить вашему спасенію!

«Вѣшь сердцемъ благодарю васъ, благодарю за все доброе, мною испытанное здѣсь, за ваше вниманіе къ моему слабому слову, за вашу ревность къ Божіей службѣ. А меня простите ради Бога, отъ чистаго сердца, если кто-нибудь нечаянно обидѣлъ, — чѣшь вѣшь никого не желаю обидѣть, — если соблазнилъ кого словомъ или поступкомъ, если подаю поводъ къ чѣшь вѣшь испорченію, я еще разъ, какъ великой милости, прошу вашихъ теплыхъ молитвъ за меня.»

Паства не замедлила откликнуться своими чуткими сердцемъ на теплыя прошалыя слова своего пастыря. Вотъ каковыя пріятельствія отъ нея порадовала быль о. Михайла въ уже на новомъ вѣшь своего служенія, въ Физаретовскомъ училищѣ, по случаю наступившаго искоры посылъ выхода его изъ Воспитательнаго дома празднества Рождества Христова.

«Многоуважаемый дорогой нашъ
Батюшка!

«Подразвлекъ васъ съ праздникомъ Рождества Христова и признаемъ милость и всѣ благословенія Божія на васъ, дорогой нашъ батюшка, и на наше семейство.

«Благодаримъ васъ, что вы въ такое короткое время узнали и полюбили насъ. А мы такъ полюбили васъ, какъ самого родного, близкаго сердцу человека.

«Вы появились среди насъ, какъ добрый ангелъ со своимъ могучимъ, вышшимъ любовно словомъ и... скрылись!.. Не видя васъ въ нашемъ храмѣ, мы точно оспрошля. Сердце сжимается при мысли, что не услышимъ больше вашего драгоценнаго слова, которое мы такъ любили слушать въ нашемъ храмѣ.

«Ваши привѣтствія, ваши слова, передаются изъ устъ въ уста, всѣ только и говорятъ, что поспѣши Господи насъ гореть, нѣтъ съ нами нашего любящаго, дорогаго батюшка...

«А эту прощальную обиду можемъ ли когда забыть!.. Видя, какъ вы страдали душой, сердца наши на части разрывались, мы готовы были всѣмъ пожертвовать, чтобы только удержать васъ.

«Простите, многоуважаемый батюшка, за излитыя передъ нами наши общія чувства: мы всѣ такъ единодушно къ вамъ расположены. Остаткомъ съ сердечными пожеланіями намъ отъ Бога всѣмъ благъ земныхъ и небесныхъ!»

Съ ноября 1897 года началось новая пастырско-законоучительская дѣятельность о. Мизаила на этотъ разъ въ наиболее близкой ему, какъ лицу духовнаго происхожденія, школѣ, въ Филаретовскомъ епархіальномъ училищѣ. Приступая къ своимъ обязанностямъ, онъ съчелъ своимъ долгомъ высказать съ первою же лекціей, по какому пути желаетъ онъ вести своихъ новыхъ воспитанницъ.

«Божіе благословеніе и сердечный привѣтъ вамъ, дѣти!» Такъ началъ онъ свою рѣчь. — «Не по своей волѣ, но

распоряженіе высшаго начальства указало мнѣ новое служеніе на вашу духовную пользу. Однако во всемъ, что совершается въ мірѣ, въ законѣ и въ великомъ, царитъ воля Божія, безъ которой даже волость съ головы не упадетъ. И если вы съ теплою, искренней вѣрой, такъ идущей къ нашему возрасту, произносите слова святой молитвы: «да будетъ воля Твоя!» — то вы съ полнымъ довѣріемъ посмотрите на совершающуюся въ нашемъ училищѣ перемѣну.

«У васъ будетъ еще время поближе познакомиться. Теперь же я могу говорить лишь о сердечныхъ желаніяхъ, о моихъ заветныхъ думкахъ, съ какими я каждый разъ буду переступать порогъ училища.

«Прежде всего я отъ всей души желаю бы, чтобы вы съ сердечною любовію учились здѣсь, узнавать святую волю Божию въ Его законѣ. Нѣтъ истинъ выше и прекраснѣе, какъ истины вѣры, и нѣтъ ничего дороже ихъ для души нашей. Всѣ другія познанія только мы перенесемъ черезъ порогъ смерти во врата вѣчности... Если бы, окончивъ курсъ ученія, каждая изъ васъ могла сказать въ душѣ своей: «Законъ устъ Твоихъ» для меня лучше тысячъ золота и серебра!» (Пс. 118, 72).

«Любовь къ Закону Божию проявляется въ жизни. Весь смыслъ нашей жизни состоитъ въ томъ, чтобы жить по-божьи, творить не свою часто своеправную, капризную и злоую волю, но святую волю Божию. Свѣлой не пойметъ, когда ему будутъ говорить о цѣлѣхъ, слухой не пойметъ, сколько бы мы ни говорили ему о музыкѣ и пѣніи. Только пойметъ и вкуситъ всю сладость и всю красоту святыхъ истинъ вѣры, кто, съ Божіей помощью, положитъ въ сердцѣ своемъ жить по Закону Божию. Тогда только въ сердцѣ загорится исара Свѣта Божія, которая потомъ озаритъ неизреченнымъ счастьемъ всю душу и освѣтитъ всю нашу жизнь, несмотря на всѣ временныя неудачи. Тогда вы скажете: «Какъ я люблю Законъ Твой! Весь день размышляю о Немъ!» (Пс. 118, 97).

«Всею душой желал бы я, чтобы вы любили храм Божий, любил посещать его и съ теплою сердечной молитвою въ немъ. Какъ не любить дома родительскаго! Но домъ Божій—домъ нашего небеснаго Отца. Здѣсь очи Его, свѣтлѣйшія созвѣзья, излучаютъ на насъ съ безконечною любовью. Здѣсь питается и освящается наша душа. Какъ очистились были бы каждый изъ насъ, если бы могли сказать о себѣ: «Господи! возлюбилъ я обитель дома Твоего и ижего жилища славы Твоей. Того только ищу, чтобы пребывать живъ въ домѣ Господнемъ во все дни жизни моея, созерцать красоту Господню и посещать святой храмъ Его!» (Пс. 26, 8. 27).

«Если полюбите храмъ Божій всею сердцемъ, вы не побояетесь невсчастій и горъ житейскихъ. Вы повеселите сюда радость и горе: радость здѣсь озарится вѣселиемъ свѣтоизъ, горе амплачается предъ очами Отца Небеснаго, и намъ непознаннымъ, Ему живъ Одному ведомыми путями Онъ всегда пошлетъ намъ утѣшеніе и помощь. Если вы настроитесь такимъ образомъ, то вы и ко всякому полезному учению будете внимательны. Намъ знанія необходимы, чтобы приносить пользу не только себѣ, но и дорогимъ намъ людямъ и всему обществу. Большинство изъ насъ—народъ небогатый. Но не стыдитесь этого, не печальтесь объ этомъ. Не бѣденъ тотъ, кто любитъ Бога, кто старается жить во волѣ Божіей, кому Богъ помогаетъ въ его трудахъ. Напротивъ, онъ богаче многихъ богатыхъ людей... Трудитесь усердно, приобретая знанія—вы получите возможность отыскать слезы бѣдныхъ и несчастныхъ и быть полезными своимъ близкимъ.

«Паче же всего—возлюбите всею свѣжестью юной души, всею силой и вѣрностію Того, Кто возлюбилъ насъ пламенною любовью еще прежде словенія міра, Кто ради нашего блаженства, скрывъ безконечное величіе Божества, явился на землю смиреннымъ человекомъ, подъявшимъ наши бѣдствія и труды, Кто душу Свою положилъ за насъ, — нашего Бога Спасителя! Отецъ и мать могутъ

оставить и забыть дѣти свое, — Богъ никогда не оставитъ любящихъ Его! Пусть съ юности дѣти разгорается въ душахъ нашихъ чистый пламень любви къ Богу, — подобно тому, кто говорилъ о себѣ: «Какъ лавъ желаетъ къ потоку воды, такъ желаетъ душа моя къ Тебѣ, Боже! Желаетъ душа моя къ Богу вѣчному, живому» (Пс. 41, 2—3).

«Богъ чего желалъ я вамъ прежде всего, — да поможетъ Всевышній моими трудами среди насъ познать намъ, какъ воскресить эти желанія!»

Какъ видно изъ приведенной рѣчи-программы, о. Михаилъ и на новомъ мѣстѣ своего служенія остался вѣренъ своимъ основнымъ взглядамъ на законоучительство, и къ чести Фидаретовскаго училища слѣдуетъ сказать, что оно въ лицѣ своихъ представителей и учащихся съ самаго же начала пошло, какъ слѣдуетъ, стреленіе о. Михаила и охотно пошло навстрѣчу имъ.

Въ руководительницѣ воспитательной части, г-нѣ начальницѣ училища Е. Ѳ. Коробка онъ нашелъ полное сочувствіе своимъ планамъ и намѣреніямъ и при ея содѣйствіи смѣло приступилъ къ ихъ осуществленію.

Къ сожалѣнію, о. Михаилу пришлось только полтора года послушать Фидаретовскому училищу, но и въ этотъ короткий срокъ онъ успѣлъ такъ много сдѣлать для него, что время его пребыванія тамъ надолго останется въ памяти всѣхъ причисленныхъ къ училищу лицъ, какъ свѣтлая полоса въ его жизни. Лучше всего свидѣтельствуетъ объ этомъ та глубокая, неподдѣльная скорбь, съ которою все училище, годъ спустя послѣ выхода оттуда о. Михаила, встрѣтило роковую вѣсть объ его кончинѣ, та дѣтскія слезы, при его гробѣ, очевидцами которыхъ были всѣ присутствовавшіе при его погребеніи, наконецъ, то горячее усердіе, которое неизменно проявляетъ училище при всякомъ молитвенномъ познвленіи о. Михаила на мѣстѣ его упокоенія. Не мѣняло полюбилъ училище и о. Михаилъ. Наизякая во время своей петербургской службы довольно часто въ Москву, онъ, при всей тѣснотѣ своего

времени, никогда не забывал вернуться и к Физаретовскому училищу. Когда же последнее праздновало 1 декабря 1895 г. свой годичный акт, первый по выходу из него о. Михаила, он не задумался даже нарочно приехать из Петербурга, чтобы принять личное участие в торжествах дорогого его сердцу заведения. О нем же думал он, можно сказать, и в последние минуты своей жизни. Накануне своего смертного часа он писал начальнице Физаретовского училища письмо, просил ее в виду предстоящих везиных экзаменов о возможном синхронизации в учащиеся, письмо, прочитанное Е. Ф. Коробка уже тогда, когда телеграмма известила ее о кончине о. Михаила, и училище успело уже принести первую свою молитву об упокоении души своего бывшего наставника и руководителя¹⁾.

Днем 1897 года в Москве, как и в некоторых других городах Европейской России, предполагено было устроить педагогические курсы для учителей и учительниц второклассных церковно-приходских школ. Дело это было совершенно новое, как вообще и все дело церковно-приходских школ с тем включением их в русскую жизнь, которое дано было им Высочайше утвержденными правилами 13 июня 1884 г.

Как всякое новое дело, организация курсов требовала особенно внимательного отношения к себе: надо было не только положить правильные основы, но и умело приложить их к делу, надо было создать для курсов добрую традицию. Трудность положения увеличивалась еще тем обстоятельством, что слушателями курсов были не простые учащиеся, а люди уже взрослые со своими собствен-

¹⁾ В первом из писем обращен наговорим уже о том, что о. Михаилу обилие своих существовавших обязательств и недостаточных умений Физ. училища. Основанное с доброй целью, это общество представляло в то время, служба памятного деятеля о. Михаила в училище.

ным влиянием и суждением, уже занимающее известное, хотя и скромное общественное положение и уже сами не новички на педагогическом поприще. Особенно важен был правильный выбор руководителя курсов. Нужен был человек, который инкопировал бы слушателям не овециальными знаниями своим «инспектора курсов», а своими нравственными, умственными и научными достоинствами... Ошибка в выборе руководителя могла бы иметь губительное значение не только для курсов 1897 г., но и всех последующих впечатлений, вынесенных курсистами, были бы потом разнесены или на пространств цдымь семи²⁾ губерний³⁾, и в среде учителей церковно-приходских школ могла бы оврануть мысль, что педагогические курсы, учреждаемые для них, — только тягостное и неудобосное бремя, возлагаемое на них начальством вдобавок ко всем прочим тягостям, которые несет сельский учитель-труженик.

Вопрос о выборе инспектора курсов представило решить Высокопреосвященнейшему Митрополиту Московскому Сергию, и он оставил свое влияние на о. Михаила. Нельзя не удивляться в этом случае пророчности и мудрости покойного Московского святителя. В самом деле о. Михаил соединил в себе все качества, необходимые для того, чтобы сразу поставить курсы на надлежащую ногу, сделать так, чтобы приглашенными на них лица уходили в них не покое бремя, возлагаемое на них взаимно ддяного отмыка, а великую пользу и для себя и для дела, которому они служат. Здесь прежде всего важным были уже отличительны как раньше свойства личного характера о. Михаила: его способность вносить увлекательность в занятия на себя делом, до самообвения ух-

²⁾ Моск. Церк. Вл. 1897 г. № 34.

³⁾ На восток, курсы были известны учителя и учителями в 17 губерний: Московской, Тверской, Владимирской, Ярославской, Костромской, Смоленской и Минской.

дать к нему, его удивительная способность сближаться с людьми, сразу становиться к простым, человеческим отношениям с ними. К этому следует присоединить его многолетнюю педагогическую опытность, его обширные познания и в Законах Божиих, и в истории, — предметы, преподавание которых она взяла на курсы на себя, его умение пластично, картинно и в высшей степени ясно излагать трактуемый предмет, — результат его художественного дарования, наконец — и что важнее всего — его глубокую веру, что дело народного образования есть прежде всего дело православной Церкви, что переживаемый нами исторический момент, пробуждающееся народное самосознание, есть именно то время, когда свыше уже лежит призыв, и что упустишь этот момент и отдашь дело народного образования в другие руки, с противоположными идеалами, значило бы толкнуть народ к бедству, свести его с его впасть в бутыл на ополымя дороги и заставить его изменить своему призванию, как народ-богочеловек, как народ Израилев, — призванию, в которое о. Михаил вбросил всеми силами своей души. Очевидно, укрупненным жизненным опытом, глубокий ум почтенного Московского архиепископа прекрасно понимал о. Михаила.

Для о. Михаила его новое назначение было неожиданным новостью. Он только что закончил учебный год в Филаретовском училищ. Само собою разумеется, что после перешитых в конце 1896 года испытаний, которыми предшествовали его выходу из института, а также по необходимости более обычного напряженной деятельности из помощи еще для него заведений и в новых положениях — инспектора классов, акадического и духовного училищ о. Михаил прежде всего нуждался к личному отдыху. Такой отдых — в деревнѣ, среди любимых занятий живописью и литературой — уже и рисовался его воображению. Назначение инспектором курсов разрушило все планы и намерения: кибето крайне необходимого и

обязательного после всего пережитого отдыха — новые труды, и труды, как мы уже видели, более напряженные, первые и ответственные, чѣм даже обычная педагогическая работа!

Мы уже достаточно говорили об особенностях характера о. Михаила, чтобы интрузиться ответом, на вопрос о том, как отнесся он к новым, возлагавшим на него обязанностям.

Без колебаний и сомнений принял он на себя тот подвиг, к которому призвал его высочайший императорский указ. Мы смело говорим: «подвиг», ибо знали знаем и называли того чисто юношеского пыла, ту чутку не до безразудства доведенную трату сил, которую вносил он в порученное ему дело. Помимо лекторства по двум предметам, что уже само по себе представляло для упомянутого занятии трудом и пережитыми испытаньями человека большой труд, он сдался для курсовых занятий, чѣм, хотите, никак, онекуном, сойтником, руководителем, санг, одним словом, свое существование с существованьем своих подчиненных. Не говоря уже о деревнѣ, он отказался жить и на своей земной квартирѣ в Филаретовском училищѣ, и переселился в здание Московской духовной семинарии, гдѣ остановились курсисты, и прожить здѣсь божь-о-божь с ними все дело в одной душевной комнатѣ, лишённый привычных удобств правильно устроенной домашней жизни. Все время, свободное от лекцій, он проводил в бесѣдах с курсистами о всемъ, что волновало и тревожило их педагогическую или человеческую совесть, и какъ-нибудь только вопросы не было затронуто на этихъ бесѣдах и столько добрых, на всю жизнь проникающихъ совѣтовъ успѣлъ посылать о. Михаил изъ это знаменательное въ его жизни лето 1897 г. въ сердцахъ своихъ молодеть еще, чуткихъ ко всякому доброму призыву собеседниковъ. Мы не станемъ говорить уже о томъ поразительномъ успѣхѣ, который имѣла дѣятельность о. Михаила, какъ лектора по

Закону Божию и истории. По общему отзыву слушателей, его слово было въ дьявольскъ случай какъ золота, которое онъ искусно выбиралъ изъ общей массы педагогическихъ словъ и опредѣленій. Передать о томъ впечатлѣнн, которое произвелъ его лекція по Закону Божию и исторіи на слушателей, значило бы перечислять все, что говорится о преподаванн этихъ предметовъ въ дневникахъ курсистовъ, потому что одна изъ отзывовъ лучше другого, и прямо не знаешь, на чемъ остановиться: всѣ отзывы одинаково хороши, потому что говорятъ объ одномъ и томъ же: о крупномъ педагогическомъ талантѣ о. Михаила и объ его удивительной способности осмыслить известное событіе и верно, пластично его изобразить. Замѣтимъ только, что не одѣ педагогическіи нужамъ удовлетворялъ о. Михаилъ своими лекціями. Онъ умѣлъ пойти и дальше, умѣлъ быть полезенъ и самимъ слушателямъ, въ ихъ личной жизни, для собственной души ихъ. Вотъ, напр., какія мысли встрѣтала мы, переизтъивая дневники бывшихъ слушателей курсовъ 1897 года.

«Лекція по Закону Божию производить сильное впечатлѣнн: отрадно присутствовать при живыхъ рѣчахъ убѣжденнаго человека. Какъ-то незвольно и незамѣтно является въ эти счастливыя минуты духъ ищры глубокой, сильной... Но въ великому присорбю, часто нападаетъ духовное расслабленіе, безконечная тоска, тяжелая скорбь... *Нелетитъ желанн видѣти въ лекторѣ не только соавтнника въ земннхъ, но и руководителя въ жизни.*

А вотъ другой отзывъ:

«Вечеромъ батюшка въ занатной комнатѣ отечески бесѣдовала съ нами о предованнохъ ихъ урокъ и о таинствѣ причащенія. *За послѣднемъ бесѣду я долженъ быть примечательно на все жили, какъ какъ рѣчь была такой вопроса, который часто возмозал меня въ теченіи четирыхъ лѣтъ...*

Разъ ужъ мы перешли отъ собственнаго повѣствованія къ отзывамъ участивковъ курсовъ, то позволимъ себѣ

привести кое-что изъ того, что было сказано о висекторомъ и его подчиненными въ послѣднюю минуту ихъ общей работы, въ минуту разставанія, когда, какъ известно, душа человека всего охотнѣе высказываетъ все, что есть въ ней самаго задушевнаго, самаго искреннаго, и что въ другое время часто скрывается въ самыхъ глубокихъ тайникахъ души. Эти рѣчи всего лучше образуютъ намъ тѣ отношенія, которыя завязались во время курсовъ между о. висекторомъ и его подчиненными.

Вотъ съ какими прощальными приветствіемъ обратился однакъ изъ слушателей курсовъ, Д. Ф. Балазовъ, разставаясь со своимъ руководителемъ.

«Досточтимый о. висекторъ! мы много обязаны вамъ. Возвратившись въ свои школы, ставимъ мы исполнять васъ, ваши бѣсѣды, ваше вниманіе, ваши лекціи, ваше сочувствіе, вашу любовь. Вы показали въ каждую нашу мысль и разбирали всякое чувство. Ваши образъ *оживилъ* въ нашу душу и сталъ *незблженномъ*. Каждое ваше слово въ школахъ ставеть намъ еще дороже. Оно будетъ утѣшать насъ въ тѣ мучительныя часы глубокой грусти, которые иногда выступаютъ въ насъ учителя, когда у сердца нѣтъ баннаго человека, который могъ бы понести скорбь и раздѣлять крестъ грустной мысли или тяжелого чувства. Теперь, когда возникнетъ это тяжелое чувство, мы станемъ вспоминать васъ и каждое ваше слово и то, какъ вы называли труды наши подвигомъ. Безъ внутренняго возмезія мы не могли слышать отъ насъ это слово. Мы восторжеся, чтобы трудъ вашъ былъ подягомъ дѣлательной, разумной Христовой любви къ дѣтямъ и людямъ. И, ищите насъ, это будетъ для насъ лучшей наградой».

О. Михаилъ отвѣчалъ на эту рѣчь между прочимъ слѣдующими словами.

«Я слышала сейчасъ ваши добрыя, теплыя рѣчи обо мнѣ, и теперь мнѣ стыдно признаться, что я съ крайней влохотой, съ печалью въ сердцѣ о потеряномъ дѣтнемъ отдыхѣ, приваля на себя обязанность руководить вашими

курсами. Если я вскорѣ же отдался душой общему труду, причиною тому были вы сами. Вы поразили меня, неожиданной тому были вы сами. Вы поразили меня, неожиданной тому были вы сами. Вы поразили меня, неожиданной тому были вы сами. Вы поразили меня, неожиданной тому были вы сами. Вы поразили меня, неожиданной тому были вы сами.

Мы вернемся къ своимъ обычнымъ занятіямъ, мы останемся въ городѣ, при всѣхъ удобствахъ матеріальной и духовной жизни, а—вы?

Вамъ предстоитъ одиокой деревенскій трудъ, вамъ предстоитъ борьба съ тихой нуждой, съ лишениями, съ разнымъ рода невзглями изъ тяжелой деревенской среды. Эта дума не разъ окрашала ииъ душу, и тѣмъ болѣе трогало меня то, что вы совсѣмъ почти не говорили со мною о своихъ нуждахъ, но одушевлялись всякій разъ, когда рѣчь заходила о дѣтяхъ, объ ихъ успѣхахъ, объ интересахъ школы, о народномъ образованіи... Спасибо вамъ за это! Я убѣдился, что въ огромномъ большинствѣ вы любите ваше дѣло. Господи да поддержитъ васъ въ этомъ святомъ стремленіи поправить свои молодые силы на дѣло, полезное которому теперь жить на святой Руси!

Взрите въ ваше святое служеніе, продолжайте любить его всѣми силами юной души. Не смущайтесь тѣмъ, что вамъ, можетъ быть, не придется увидеть осязательныхъ

плодовъ нашего труда, — трудитесь въ вѣрующемъ самоотреченіи, твердо надѣясь на то, что ваша трудъ все-таки не пропадетъ даромъ, что въ нашемъ трудѣ выше всего и прежде всего — воля Господня, что Божіе Провидѣніе, безъ воли моего и ворожей не упадетъ съ кровли, и волось не спадетъ съ головы, инакъ надѣ всюкою истинною мыслию, надѣ каждымъ честнымъ, въ душѣ истинно сказаннымъ словомъ, надѣ каждымъ честнымъ, добрымъ стремленіемъ.

«Говорать, хорошо такъ разсуждать при полной безбѣдности, при благопріятныхъ условіяхъ жизни... А при скудныхъ изловалъ, при нетопленной избѣ, при недостаткѣ въ самомъ необходимомъ... Что жъ? Развѣ мы не все божею душою при мысли объ этомъ? Развѣ жить у насъ сочувствіемъ къ вамъ? Но — повѣрите, что есть люди и вполнѣ обеспеченные и все-таки ничего не дѣлающие или относящіеся слегка, равнодушно къ своему дѣлу. Успѣхъ всякаго дѣла можно всего зависить отъ матеріальнаго достатка, хотя мы все же отвергаемъ его необходимости. Всякое истинно живое дѣло творить любовь, святое одушевленіе, окрыленное молитвой и надеждою на помощь свыше...

«Простите, что я, можетъ быть, уточилъ васъ своимъ словомъ... Но сердце не легко усвоивается при разлуки! И не хочется говорить этого слова! Нѣтъ! Проведенные дни соединили насъ, вы будете жить въ душѣ у насъ, мы навсегда останемся благодарны вамъ за тѣ свѣтлыя, добрыя чувства, которыя пробудились въ нашемъ сердцѣ...

«И если въ деревенской глуши, среди трудовой работы— у насъ воскреснетъ воспоминаніе о настоящемъ лѣтѣ, если въ душѣ у насъ поселится еще теплое чувство къ вамъ, знайте,—мы услышимъ его! Сердце сердце вѣсть подаетъ, не нуждается ни въ телеграфѣ, ни въ телефонѣ!»

Нужно ли прибавить, что послѣ курсовъ 1897 г. у о. Михаила установился по отношенію къ бывшимъ его слушателямъ не только тѣ отношенія, о которыхъ онъ

говорила въ новій своей рѣчѣ. Надвигая уже съ молодыхъ лѣтъ его иная его доля служила мѣстомъ собраний и братскаго единства всѣхъ его кровныхъ родныхъ. Съ осени 1897 г. его домашній очагъ приобрѣлъ и другое значеніе: кроші близкихъ родныхъ, братьевъ и сестеръ, несшихъ въ крошечному и дорогому нговалу нелазу свою мысль и плачъ, и въ крошечн его пиватовъ возмилась и другая, не жите, чѣкъ кровна, дорога ему семья: учителя церковно-приходскихъ школъ. И надо было видѣть только одному о. Михаилу собственное радушіе, съ которымъ онъ встрѣчалъ этихъ дорогихъ его сердцу гостей. У него образовалась дѣя семья: одинъ родня, приносившая къ его любимому сердцу всѣ свои радости и горести, другая — по его отношеніямъ къ церковно-приходскимъ школамъ, и трудно сказать, была въ этихъ семей для него дороже. Пашушкы эти строга кажутся, что о. Михаилъ умѣлъ быть болѣе, чѣкъ родныхъ отцомъ и для той и для другой. Не говоря о кровныхъ родныхъ, пусть тѣ изъ учителей церковно-приходскихъ школъ, которые имѣли случаи воспользоваться гостеприимствомъ о. Михаила, подтвердить наши слова. И утвердилъ, что единственный упрекъ, который я встрѣчу съ ихъ стороны, будетъ относиться къ моему неумѣно жно и наглядно представить ту степень радушности, тѣ распространены объѣты, съ которыми о. Михаилъ встрѣчалъ бываю, учителей церковно-приходскихъ школъ. Зарабе вынесъ въ своемъ недостаткѣ, по съ тѣмъ большаю стремленіемъ выражаю желаніе, чтобы тѣ изъ учителей, которые, послѣ перваго же посѣщенія его дома, сдѣлались своими людьми въ его семьѣ, не откажутся впечатлѣніе свое воспоминанія о впечатлѣніяхъ, вынесенныхъ ими изъ послѣдняго домашняго очага покойнаго о. Михаила. И утвердилъ, что эти воспоминанія образуютъ лучшій, чѣкъ я кто могу сдѣлать, вѣнокъ надъ могилою моего дорогаго брата, и послушать самаго великодушнаго утѣшенія въ. Не жите утвердилъ и въ томъ, что редакція *Душеполезнаго Чтенія* съ такою же охотою

и любозно принять изъ своихъ страницъ всѣ воспоминанія, касающаго покойнаго о. протоіерея, если только они способны возстановить ту или другую черту нравственнаго характера почиваго, недостаточно ярко или умѣло или представленную. Выписывая эти строки, я убѣжденъ, что стоять только добры мыслителями мною мыслями до свидѣнія близкимъ слушателямъ и подчиненнымъ почиваго, и редакція *Душеполезнаго Чтенія* обогатится и воспоминаніями, и письмами почиваго, жившими съ цѣлю отвѣтить, по мѣрѣ силъ, на тотъ или другой злоотвѣщующій вопросъ, разсвѣтъ то или другое недоразумѣніе, разъяснить тотъ или другой способъ дѣйствія, когда является сомнѣніе, какъ надо поступать въ данномъ случаѣ, однимъ словомъ, каждаго живаго у себя письма покойнаго о. протоіерея прошу направлять въ редакцію *Душеполезнаго Чтенія*. Слѣшкомъ мало жаль о. Михаилъ, чтобы его мысли стали известны многимъ и многимъ людямъ. Но при неоспоримомъ достоинствѣ этихъ мыслей пусть кто можетъ поспособствовать ихъ распространенію черезъ редакцію *Душеполезнаго Чтенія*.

I.

10 августа 1897 года московскіе курсы для учителей и учительницъ второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ открылись. Но этимъ не окончилось для о. Михаила вываніе или труды. Ему, какъ руководителю курсовъ, предстояла нелегкая задача изучить закончившіе подъ его руками обильный матеріалъ, въ видѣ дневниковъ курсистовъ, съ тѣмъ, чтобы составить для Училища Свят. Савваѣ подробный и обстоятельный докладъ о томъ что законченомъ дѣлѣ. А тутъ позолотка новаго страда: началось приемное экзамены въ Филаретскіе школы ученищъ. Известно, каковъ характеръ получала эти экзамены по всѣмъ школамъ въ послѣдніе годы: при странномъ нольмѣ желавшихъ поступить — самое страннымъ

ное количество свободных мѣстъ; поневоли приходится дѣлать выборы, другими словами придавать экзамену значеніе конкурса, многих отказывать. Для мягкаго сердца о. Михаила это время было частою мукою. Ему тяжело было не столько то увольненіе, на которое обрекается въ эти дни всякій руководитель учебнаго дѣла, обыкновенно разрываемый на части, сколько необходимость отказывать родителямъ, видѣть слезы на ихъ глазахъ, слышать ихъ робкія, умоляющія просьбы... Впрочемъ о. Михаилъ самъ прекрасно изобразилъ эту картину экзамена въ духовной школѣ въ своей рѣчи при открытіи общества вспоможенія недостаточнымъ учащимся Филаретовскаго училища, и некоторые мѣста изъ которой мы уже привели въ одномъ изъ своихъ предыдущихъ очерковъ. «Усталъ до изнеможенія!» писалъ онъ одному изъ братьевъ, уѣзжая на несколько дней отдохнуть подъ свѣжую преподобнаго Сергія постель того, какъ вышло учебное дѣло во вѣрномъ ему училищѣ.

Но тяжелые труды о. Михаила на педагогическихъ курсахъ не остались безъ результата. Онъ сразу выдвинулся, какъ ищущій и дорогой работникъ на главѣ церковно-приходскихъ школъ, и зимою 1897—98 гг. Училищный Совѣтъ неоднократно обращался къ нему съ различными порученіями. Такъ, напр., на него возложена была задача выработать программы и объяснительныя записки по исторіи и географіи для второклассныхъ церковно-приходскихъ школъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что этому довѣрію Училищнаго Совѣта много содѣйствовало то обстоятельство, что преосвященный предѣлатель его, епископъ Гурій, во время дѣтскихъ курсовъ 1897 г. успѣлъ близко ознакомиться и оцѣнить педагогическую опытность и ревность о. Михаила; со второй половины юнаго курса стоялъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ владыки, и онъ иногда по нѣскольку часовъ въ день проводилъ тамъ, приглядываясь къ дѣятельности курсистовъ. Скорое и уѣздное исполненіе поруче-

ній, которыя о. Михаилъ получалъ отъ Училищнаго Совѣта въ зиму 1897—98 г., еще болѣе укрѣпили доброе мнѣніе, сложившееся относительно его среди лицъ, стоявшихъ во главѣ церковно-приходскихъ школъ, послѣ дѣтскихъ курсовъ 97 года, и дальнѣйшее теченіе жизненныхъ путей о. Михаила было рѣшено. Въ началѣ 98 г. оставилъ свой постъ помощникъ предѣлателя Училищнаго Совѣта, протоіерей П. А. Смирновъ, занявшій должность предѣлателя Учебнаго Комитета, и о. Михаилъ по волю Святѣйшаго Синода былъ призванъ занять его мѣсто, причемъ, несмотря на его короткую службу по духовному ведомству, былъ возведенъ въ санъ протоіерея.

Это назначеніе заставляло о. Михаила разстаться съ Москвою, въ которой промчал почти вся жизнь его, разстаться съ родными, друзьями... Не легко это никому, но о. Михаилу при его сердечности это было вдвое тяжелѣе. Однако благородное честолюбіе послужить благу народнаго просвѣщенія въ духѣ Православной Церкви на извѣстномъ посту, сознаніе, что онъ можетъ сдѣлать много полезнаго на открывшемся для него поприщѣ, и вѣрность съ тѣмъ и покорность волюнѣ высшаго церковнаго управленія пересилили въ о. Михаилѣ колебанія, естественныя во всякомъ человѣкѣ при всякой крутой переицѣ, особенно когда этотъ человѣкъ покончилъ уже съ молодыми годами и вступилъ въ тотъ возрастъ, когда скорѣе приходится оглядываться назадъ, чѣмъ смотрѣть впередъ. О. Михаилъ рѣшилъ принять предлагаемый ему постъ и, окончивъ въ Филаретовскомъ училищѣ 1897—98 учебный годъ, въ началѣ юня уѣхалъ въ Петербургъ къ своимъ новымъ обязанностямъ.

Какъ разѣ въ то время, когда впервые былъ поднятъ вопросъ о новой кандидатурѣ о. Михаила, окончился Московскій святитель Сергій. Не легко было перевести эту утрату о. Михаилу. Помимо того, что онъ, по его собственнымъ словамъ, смотрѣлъ на Высокопреосвященнѣйшаго Сергія, какъ на своего втораго отца; онъ благоговѣлъ передъ

жизнь, как перед свидетелем, и можно смело сказать, что прожитая жизнью долгая, одна из бы о. Михаила вошла в своей душе рывком выйти из состава московского духовенства. Впрочем, может быть, сама жизнь побуждала бы его к этому. По нашему мнению, само новое назначение о. Михаила подготовилось не без влияния Высочайшеосвященнейшего Сергея, как члена Святейшаго Синода.

Смерть московского архиепископа застала о. Михаила в очень трудных обстоятельствах. По делам Училищнаго Свѣта онъ встрѣтно былъ вызванъ изъ Петербурга и едва успѣвъ вернуться назадъ, чтобы встать надъ гробомъ почившаго архиепископа тѣ чувства любви и благоговѣнія, которыя онъ неизменно питалъ къ нему со времени перваго знакомства съ нимъ.

«О, какъ не разумѣть, кто занимаетъ Господь здесь господина нашего», говорилъ о. Михаилъ, — «когда еще малое время — и мы уже не увидимъ и гроба сего, содержащаго его земное одѣяніе? И что сказать въ эти послѣдніе минуты? Дѣлану ли говорить о дѣлахъ въ Божь почившаго архиепископа? Не достанетъ ли повѣствующему времени (Евр. 11, 32). Попытаюсь ли вѣрнѣе величавый образъ его — онъ еще какъ живой передъ нами... И какъ это сдѣлать? Если для полнаго пониманія великаго художника необходимо самому жить покру вдохновенія, тѣмъ болѣе для вѣрнѣе образа подлинника нужно самому быть причастну духа подлинника. Истинно почившій архиепископъ былъ подлинникомъ, совершивъ величайшій подвигъ — видъ самъ собою, и тѣмъ освобождая свой духъ отъ всего случайнаго, временнаго, страстнаго и достигая того возвышеннаго спокойствія и дивнаго равновѣсія духовныхъ силъ, которое ставитъ духъ въ господственное обладаніе всѣми своими силами, сообщаетъ ему то ясновидѣніе, которое провѣстательно отличаетъ свѣтъ отъ тѣни и въ переходѣхъ проясняетъ вѣчное, — то мужественное самообладаніе, которое утверждается на вѣрности

ныхъ неизбѣжныхъ основахъ, не страшится волны житейскаго моря. О, какъ еще живо припоминается этотъ земной, твердый, спокойный взглядъ очей, эти унизительно протѣкавшія и въ то же время властная рѣчь, возмутительно точная, какъ бы заранее глубоко продуманная — плоть великаго опыта! — Этотъ, наконецъ, величавый обликъ, при неизвѣстномъ взглядѣ на который, какъ волны о скалу, разбивалась рабій страхъ и зарождалось смелое довѣріе и безавѣстная преданность! И при взглядѣ на свѣтителя, не рожа въ очахъ души возмущало видѣніе: встаетъ до небесъ неизобразимой вѣчной красоты, сияющей чистотой, храмъ, вокругъ котораго бужутся волны, востро, бросается на могучій фундаментъ, грозя сокрушить его, и у края храма, въ великомъ соевѣ иерарховъ, стоящихъ на стражѣ его, — сей великій денинъ старецъ, спокойно взирающій на мутящіяся волны.

Да, великій денинъ, какъ бы уже переступившій грань времени и вѣчности... Въ сороковыхъ годахъ онъ былъ уже по вѣсорушіи духовной мудрости. Сороковые годы! Какое далекое прошлое!.. Шестидесятые годы! Смутные, тревожные семидесятые годы! Годы послѣдняго незабвеннаго царствованія! И изъ-за рѣды эпохъ и событій встаетъ передъ нами все тотъ же неизмѣнный обликъ строгаго хранителя вѣковѣчныхъ церковныхъ преданій. Извѣчное, временное, какъ бы пылою имъ выжигалось, приходитъ, вѣчное остается неизмѣненнымъ... Да временнаго вѣчнаго не вѣдалъ самъ надъ тѣмъ, кто весь былъ обязанъ духомъ вѣковѣчной церковной святости.

Первопрестольной столицѣ Провидѣніе судило быть свѣдѣтельницей послѣднихъ годовъ жизни въ Божь почившаго архиепископа. Какое глубоко поучительное совершеніе! Съ каждымъ годомъ вѣтнала его земля хранилища, но тѣмъ яснѣе открывалась соарбѣвшій для вѣчности духъ. Видъ великаго денина говорилъ объ угасаніи земной жизни, но духъ мощно свѣдѣтельствовалъ о нестарѣющей вѣчности. Въ смѣренномъ старцѣ — могучій образъ новаго человека по образу созданнаго его...

«Говорить ли о чувствах, волнующих душу при разлуке с тобою, возлюбленный святитель? Дозволят ли твои строгость сказать имя, как говорила древняя русская люди при одной княжеской разлуке: «Увы намъ, драгій господине нашъ! Уме въ тоу не имамъ видѣти красоты лица твоего, ни сладкихъ твоихъ словесъ насладиться... Горе тебѣ, бѣдный человѣче, како можеша написать кончину господина твоего?.. Отца бо человекъ можетъ забыть, а добра господина не можетъ забыть».

«О, какъ мы были бы утѣшены, если бы, сладшннн главо, воздвигши, ты рекъ намъ: «Жизнь Господи и жива душа твоа, аще оставлю тебѣ!» (Цор. 11, 2).

«Не оставь насъ, благосный архипастырю и, предстанъ Судии всѣхъ и Богу, испова чадъ своихъ; твоа же много возлюбившая тебѣ паства не забудетъ тебѣ изъ своихъ молитвахъ!» Эта рѣчь надъ гробомъ Высокопресвященннйшаго Сергіа имѣла особенное значеніе для о. Михаила. Прощаясь съ нимъ, онъ какъ бы прощался и со своимъ московскимъ священнослуженіемъ, которое началось при покойномъ владыкѣ и должно было окончиться почти одновременно съ его кончиною: въ то время, когда Москва проходила въ мѣсту послѣдняго упокоенія своего архипастыря, вопросъ о переводѣ дѣятельности о. Михаила въ Петербургъ былъ почти уже рѣшенъ. Такъ его священнослужительская дѣятельность въ Москвѣ до самыхъ послѣднихъ дней его жизни и осталась въ его душѣ неразрывно связанною съ неизменною обязаніемъ митрополита Сергіа: всей рѣчь, какъ онъ вспоминалъ о ней, въ душѣ его самъ собою вставала мѣстный обликъ почившаго святителя, и въ какомъ величественномъ, душу захватывающемъ видѣ! Художникъ въ душѣ, о. Михаилъ глубоко проникъ своимъ художественнымъ чутьемъ въ самую сущность духовной натуры почившаго архипастыря и въ своей рѣчи сумѣлъ, на почуеніе намъ, обрисовать рѣдкую личность Высокопресвященннйшаго Сергіа.

Но преславннйшій московскій святитель раскрывалъ

свою душу передъ о. Михаиломъ, давая ему лиценрію «святая святыхъ» своей духовной жизни не по прострастію къ послѣднему. Это отечески дружеское отношеніе Высокопресвященннйшаго Сергіа къ своему подчиненному объяснялось тѣмъ, что онъ со свойственнымъ ему провидѣтельностью прекрасно понималъ о. Михаила и какъ человека и какъ церковнаго дѣятеля,—понималъ и цѣнилъ. Лучшимъ доказательствомъ этому служить отношеніе къ о. Михаилу новаго московскаго Владннн Высокопресвященннйшаго Владннра. По прибытіи своемъ въ Москву, едва ознакомившись съ подѣйственной ему паствою, онъ усилъ уже и понять и оценить о. Михаила. Онъ заслуживающнхъ большаго довѣрія лицъ какъ приходилось слышать, какъ сожалѣлъ Высокопресвященннйшій Владннръ, что онъ, на первыхъ шагахъ своего служенія въ Москвѣ, лишается такого помощника, какъ о. Михаилъ, а позднѣе, когда о. Михаилъ былъ уже въ могилѣ, какъ самикъ пришлось выслушать изъ устъ московскаго архипастыря нашего провиннута въсердечннхъ чувствомъ слова сожалѣнія объ его безвременной кончинѣ. Съ благословеніемъ Высокопресвященннйшаго Владннра, возведеннаго о. Михаила въ санъ протоіерея, послѣдній и отправился въ Петербургъ. Но добрыя отношенія къ нему московскаго архипастыря не оборвались и послѣ этого. Намъ извѣстно, что во время пребыванія своего въ Петербургѣ, по званію члена Святнншаго Синода, Высокопресвященннйшій Владннръ охотно принималъ о. Михаила и въ неопредѣленные часы, а въ семьѣ покойнаго протоіерея и до сихъ поръ хранится письмо московскаго Владннра съ отеческимъ утѣщеніемъ по адресу о. Михаила: «берегите свои дорогія для перка силы». Очевидно, что и новнй московскій архипастырь, несмотря на кратковременное знакомство свое съ о. Михаиломъ, такъ же хорошо позналъ и оценивалъ его, какъ понималъ и цѣнилъ его предшественникъ, митрополитъ Сергіи.

Переходи къ петербургскому періоду жизни о. Михаила,

не можем ни сделать еще одного замечания. Мы уже достаточно знакомы с общими строенъ мыслей о. Михаила, чтобы видеть, до какой степени онъ былъ несладкимъ работникомъ на нивѣ церковно-приходскихъ школъ. Но одной теоріи для служенія закону бы то ни было дѣлу мало: нужна еще практика. Между тѣмъ педагогическая дѣятельность о. Михаила до назначенія его товарищемъ председателя Училищаго Совета сосредоточивалась исключительно на среднѣучебныхъ заведеніяхъ, а не на народныхъ школахъ, и только курсъ 97 года привнесъ его къ болѣе близкому общенію съ низшими школами, да и то не непосредственно, а черезъ учителей этой послѣднихъ. Не должно ли быть этогъ пробѣвъ затруднить предстоящую о. Михаилу въ Петербургѣ дѣятельность? По нашему мнѣнію, нѣтъ. О. Михаилъ не только размышлялъ и писалъ по поводу церковно-приходскихъ школъ (см. въ особенности *Москов. Церковна Вѣдомости* за 95 годъ и цѣлый рядъ статей въ *Духовномъ Чтеніи*), но съ молодости еще лѣтъ работалъ и практически на пользу духовнаго просвѣщенія народа. Съ 1881 года онъ былъ однимъ изъ усерднѣйшихъ членовъ комиссіи народныхъ чтеній, учрежденной бывшимъ московскимъ почтдиректоромъ канцлеромъ С. С. Подгорбихинымъ. При этомъ, какъ единственное исключеніе, Михаилъ Павловичъ, будучи еще свѣтскимъ лицомъ, велъ собесѣдованія съ народомъ по религіозно-нравственнымъ вопросамъ. Само собою разумѣется, что эти дѣятельность, продолжавшаяся болѣе пятнадцати лѣтъ, должна была дать ему цѣлый рядъ драгоцѣнныхъ наблюденій относительно запросовъ и потребностей народа въ области просвѣщенія. Такимъ образомъ, когда о. Михаилъ выступилъ на журнальное и административное поприще въ качествѣ дѣятеля по народному образованію, онъ былъ уже далеко не новичкомъ въ этомъ дѣлѣ и, покамо теоретическихъ своихъ взглядовъ, могъ внести къ нему много наблюденій, добытыхъ примыкомъ опыта, и нѣтъ сомнѣнія, что эти наблюденія должны были принести ему большую пользу на новомъ мѣстѣ его служенія.

II.

Въ іюлѣ 98 г. о. Михаилъ переехалъ изъ Петербурга, пока одинъ, безъ семьи, которая должна была переехать только осенью. Начиная съ 1895 года, только одно лѣто 96-го года о. Михаилу удалось отдохнуть въ деревнѣ, хотя и этотъ отдыхъ былъ отравленъ для него несправедливостями съ институтскимъ начальствомъ, назначившимъ во время осеннихъ экзаменовъ нѣ-за отсутствія о. Михаила на нѣкоторыхъ ученыхъ, безъ всякаго основанія оставленныхъ на второй годъ¹⁾. Не предвидѣлось отдыха и на лѣто 98-го года, послѣднее лѣто въ жизни о. Михаила: надо было ознакомиться съ новыми дѣлами, съ новыми обязанностями, съ владѣльскимъ дѣлопроизводствомъ, съ хозяйственными дѣлами Училищаго Совета, все такія вопросы, которые вообще были чужды художественной натурѣ о. Михаила и потому требовали отъ него страшнаго напряженія силъ и воли. «Вотъ я и въ Питербъ», писалъ онъ одному изъ братьевъ вскоре послѣ переезда: «дѣлъ масса, не знаю, хватить ли силъ». Въ Петербургѣ въ то лѣто были устроены педагогическіе курсы для учителей церковно-приходскихъ школъ, и извѣстному характеру, о. Михаилъ не утерпѣлъ: несмотря на всю сложность своихъ примыхъ обязанностей, выступилъ лекторомъ на курсахъ. Въ началѣ августа было устроено въ Петербургѣ чрезвычайное собраніе Училищаго Совета при Свѣтѣишемъ Синодѣ, на которое были вызваны многие дѣятели церковно-приходскихъ школъ изъ разныхъ мѣстностей Россіи; и на засѣданіяхъ этого собранія онъ явился

¹⁾ Отсутствие о. Михаила было ужасно: ученые были переделаны въ сѣдлѣ, класы, но о. Михаилъ сдѣлалъ съ этого времени решима попытку въ тѣлахъ назначенія: какой осторожнѣе это стало исполнялось въ другую сторону, иррегулярно ислъ усилительнаго, пока мѣсяцъ Сергій, какъ сказано выше, не объявилъ отъ нѣкъ о. Михаилу, иррегулярно его къ Фил. ушломо.

одним из наиболее энергичных деятелей, председателем в одном из его отделов. Не довольствуясь официальными заседаниями, он часто собирал по вечерам у себя на квартире съезжавшихся деятелей дорогого ему дела, чтобы поговорить с ними, что называется, по душам, без муштра. Намъ пришлось слышать отъ одного изъ участниковъ этого собрания отамы о томъ, съ какою радостью, бывало, встречалъ въ эти вечера своихъ гостей о. Михаилъ и какъ много хорошаго и дальняго было переговорено на этихъ собранияхъ. «О. Михаилъ поднималъ насъ до себя и тѣмъ дѣлалъ насъ лучшими, чѣмъ мы были», такъ заключалъ нашъ собесѣдникъ свой разговоръ объ этихъ вечернихъ собранияхъ у о. Михаила.

Однимъ изъ важнѣйшихъ постановленій собранія было между прочимъ принято по иниціативѣ о. Михаила рѣшеніе ходатайствовать передъ Святѣйшимъ Синодомъ объ ежегодномъ отчисленіи 2% съ казеннаго дохода церквей и монастырей на народное образованіе въ духѣ Православной Церкви. Могимъ руководителемъ въ этомъ случаѣ, вложеномъ намъ въ особой статьѣ, помѣщенной въ № 34 *Петербургскихъ Церковныхъ Вѣдомостей*.

«Церковная школа», говоритъ между прочимъ въ этой статьѣ о. Михаилъ, «не потому только должна называться церковной, что она растетъ и живетъ подъ сѣнью храма, что она питается духомъ святой Церкви и руководится пастырями. Мать не только воспитываетъ своихъ дѣтей духовно, но питаетъ ихъ и тѣломъ. Союзъ храма и церковной школы долженъ быть неразрывнымъ, цѣльнымъ, органическимъ. Съ чувствомъ благодарности церковная школа принимаетъ могущественную поддержку православныхъ Царей, пожертвованія обществъ и благотворителей, справедливыя пособія отъ земствъ, но по самой идѣ своей она прежде всего должна ждать родной помощи, — помощи ея матери, Церкви.

«Апостолы проповѣдывали среди языческаго міра и обращались преимущественно къ взрослымъ. Мы живемъ среди

православнаго христіанскаго народа — и церкви ли преобрѣчь самымъ могущественнымъ средствомъ къ воспитанію чадъ своихъ? Могутъ ли быть церковная школа чужды Церкви, если только констатиру задача Церкви — воспитывать своихъ чадъ для царствія Божіа? Чего не сдѣлаетъ мать для своего ребенка, останется ли передъ какою бы то ни было жертвою? Душать иначе о нашей святой матери — православной Церкви было бы констативно кощунственно...

«Православный русскій народъ — констативно любимое чадо святой Церкви. Святые храмы на Руси издавна создавались и украшались усердными приношеніями со стороны православнаго народа. Всякъ извѣстно то на первый взглядъ мало понятное явленіе, какъ нѣредко бѣдное селеніе приступаетъ къ постройкѣ храма Божіа съ самыми скудными, почти ничтожными, средствами, но проходить годъ, два года, — и дивный храмъ воздвигается точно чудомъ. Это чудо — исконная, издревле пріеминая русскому народу любовь къ храму; «на постройку храма Божіа», слышите голось сборщика, и десятии рукъ простираются, чтобы принести свою лепту. Созданіе народною любовью храмы поддерживаются и благоукрашаются тѣми же народными лептами, изъ тѣхъ же лептъ составляются и доходы храма. Не дѣло ли справедливое направлять часть этихъ лептъ на просвѣщеніе православнаго народа святою Христовымъ? Видѣ еще немного времени, — и нашъ народъ пойметъ и оцѣнитъ, чѣмъ онъ обязанъ святой Церкви. Подъ могучимъ водѣвствіемъ церковной школы сектанство исчезнетъ, какъ вредныя тѣни предъ сѣнью солища, и вѣжонецъ — сама церковная школа благоговѣнно занята на службу храму Божію, въ лицѣ сельскаго хора возмытитъ правоту православнаго богослуженія, и изъ устъ младенцевъ и осужденныхъ совершится хвала Богу!..

«Сказанное о храмѣ вѣдѣ приложимо и къ обителямъ. Видѣ онѣ также создавались и благоукрашались жертвами сыновъ Церкви. И теперь онѣ питаются тѣми же

жертвами. Сюда, во святых обители, сплести со себях концы русской земли, от севра и запада и моря, сплести русские люди, весь свою денту, сложившую на этот случай трудни многих летъ. Въ древнее время обители были раскопками просвещения, и это возвышало ихъ на недосягаемую духовную высоту. *Существенное, действительное, не видимое только*—содвижение обители интересны народного просвещения—ея правая обязанность».

Въ концѣ августа о. Михаилъ собрался въ Москву, чтобы перевести въ северную столицу свое семейство. Вдругъ вместо него получилась телеграмма объ его болезни. Вотъ какъ несколько дней спустя описывалъ онъ въ письмѣ къ одному изъ братьевъ эту болезнь. «Думалъ было уже быть въ это время въ Москвѣ и видѣться со всеми, чего до смерти хотелось, но неожиданно захворалъ. 21-го до 12 часовъ дня я былъ здоровъ, и вдругъ страшный припадокъ. Вдругъ изъ здорового сталъ сильно болеть, разбитымъ, съ мучительною болью въ спинѣ, въ груди, съ онемѣніемъ рукъ и т. д. Два дня было очень тяжело. Не могъ ни лежать, ни сидѣть отъ боли. Какъ будто кто всю грудь, бока и спину исколотилъ до синяковъ. Теперь явъ совсѣмъ хорошо. Только лихорадитъ и слабость. Докторы рѣшили, что у меня былъ плевритъ».

Припадокъ, случившійся съ о. Михаиломъ въ августѣ, былъ какъ бы первымъ предостереженіемъ ему. Очевидно, надо было подуматъ о своемъ здоровьи и воздержатъ свои силы, побольше беречь себя. Но не такъоъ былъ о. Михаилъ. Трудно было и представитъ себя, какъ широко развернулъ онъ свою дятельность въ янн 98—99 годовъ. Помимо исполненія своихъ прямыхъ обязанностей по службѣ, онъ ревностно отдался работамъ съ цѣлю свадити церковно-приходскія школы соответствующими имъ задачъ руководствени и пособіями; велъ по этому поводу большую переписку; чуть не каждую недѣлю пропозисилъ проповѣди въ свадальной церкви семи Искленскихъ соборовъ, печаталъ ихъ потомъ въ *Церковныхъ Ви-*

домостяхъ или *С.-Петербургскаго Духовнаго Вѣстника*; принималъ участіе въ Обществѣ религиозно-нравственнаго просвещения и Братствѣ Пресвятнаго Богородицы; состоялъ членомъ Палестинскаго Общества и особой Кожедѣи по издаію иконописнаго подлинника, учрежденной при Комитетѣ Императорскаго общества любителей древней письменности; сотрудничалъ въ двухъ духовныхъ петербургскихъ журналахъ. Въ то же время не забывалъ и дорогой его сердцу Москву. Попрямому не выходило почти ни одной книжки *Душевнаго Ученія*, въ которой не было бы одной или двухъ его статей; попрежнему принималъ онъ участіе въ ежегодно устраиваемыхъ въ Москвѣ богословскихъ чтеніяхъ и въ мартѣ 99 г. прочиталъ въ залѣ Синодальнаго училища лекцію на тему: «Церковь и общество», для чего, уже болной, нарочно прїѣхалъ въ Москву. Кроме всего сказаннаго онъ велъ еще каждое воскресенье собесѣдованія съ народомъ въ церкви Милующей Божіей Матери, въ приходѣ которой онъ жилъ. Проводителемъ былъ усѣихъ этихъ собесѣдованій Народъ, по преимуществу изъ низшихъ классовъ, стелался массами, и никто не хотѣлъ послѣ собесѣдованія уйти изъ церкви, не получивъ отъ о. Михаила благословенія. Чтобы объяснить причину этого усѣиха, позволимъ привести себя несколько строкъ изъ одной неапечатанной проповѣди о. Михаила. Намъ кажется, что высказывая въ этой проповѣди свой взглядъ на православнаго проповѣдника, о. Михаилъ какъ будто охарактеризовалъ съ этой стороны самого себя, и въ этой характеристикѣ заключаются объясненіе того могущественнаго вліянія, которое оказывали его собесѣдованія на народъ.

«Православный проповѣдникъ», говорилъ о. Михаилъ, «говоритъ не отъ себя, не по низ свое является на этой сваденной кафедрѣ. Нѣтъ!.. Огонь, проникла жезло, не внутри только жезла содержится, но выходитъ наружу и является свою огненную силу. Такъ и сила Духа Божія, согрѣвая чье либо сердце, становится оупитительно и для

других. Станет ли такой человек говорить о чем-либо духовном, все у него становится ясно и понятно, как среди дня, и слово его идет прямо в сердце слушающих его и так возмывает святые чувства. Да хоть и не говорить такой человек, так вьет от него теплота, все согревающая, и сила дивная в нем, поразительно действующая на других. Все это бывает сь теми,

«въ комъ Божья сила,
Животворящая струя,
Живую душу пробудила
Во всѣхъ нѣпобѣдъ бытѣхъ...»

«Будемъ вѣсть итѣхъ, чтобы Духъ Божій согрѣвалъ наши сердца, оказывая въ насъ душу. Теплая общая церковная молитва вѣдетъ всеобщую силу: самъ Господь благоволяетъ присутствовать среди собравшихся во имя Его и Ему молящихся. Господи среди насъ! Пусть эта мысль не отступаетъ отъ насъ ни на минуту въ храмъ Божіею. О, вѣрѣте, что Господи здѣсь взираетъ на насъ Своими свѣтлѣйшими сознаніи очами, что Онъ слышитъ сердечныя и проникнутыя вѣрою молитвы не только тогда, когда онѣ произносятся устами, но и тогда, когда онѣ зарождаются въ душѣ нашей,—и вы почувствуете дивную силу такой молитвы, вы будете выходить каждый разъ изъ храма обновленными, увоса въ душѣ нирѣ, превосходящій всякій нирѣ.»

«Есть цѣлостный особенный путь общения душъ черезъ сердце. Сердце сердцу вѣсть подаетъ. Одинъ духъ влѣветъ на другой чувствами. О, если бы согрѣтое силою Духа Божія чувство любви христіанской передалось здѣсь изъ одного сердца въ другое, объединяя всѣхъ въ одну семью чадъ Божіихъ!»

«Если бы, выходя изъ храма Божія, мы могли наполнить себя и другихъ словомъ вдохновеннаго Златоуста: «Выходя изъ церкви, человекъ не учить, не проповѣдуетъ, но небесное спокойствіе на лицѣ его, но взглядъ его очей,

самый голосъ—все въ немъ внятно говорить не бывшимъ въ храмѣ, какую радость вкусилъ онъ, какое благо получилъ здѣсь!..»

«Итъ выше, итъ лучше мѣста на землѣ, какъ горящій духомъ молитвы православный храмъ!»

«Будемъ собираться здѣсь съ теплою сердечной любовью ко храму Божію, къ общей братской молитвѣ,—и Господи ниспосылаетъ Свое благословеніе на всю нашу жизнь, на всѣ наши вѣтвейскія отношенія!»

Быстро текущій въ весеннее половодіе потокъ легко преодолеваетъ поставленныя ему преграды и далеко несетъ свои воды, орошая поля и луга. Такова должна была быть, по мысли о. Михаила, и православная проповѣдь. Не хитросплетенные періоды, не звучные шесты, вѣтъ такъ блистаютъ католическіе проповѣдники, итъ, рѣчь, сама собою складывающаяся, сама собою изливается, какъ результатъ вдохновеннаго близостію Бога сердца,— вотъ что составляетъ сущность православной проповѣди. И къ такой проповѣди не надо заранѣе готовиться. Даже если проповѣдникъ и не скажетъ ни слова, одна его вдохновенная молитвою вѣдь есть уже цѣлая проповѣдь. Но вѣдь отъ избытка сердца глаголетъ и уста, и тѣлеса глаголами, и только такими, и были собесѣдованія о. Михаила въ Галерной Гавани, въ этомъ петербургскомъ захолустьѣ, заселенномъ черными людьми. Что же удивительнаго, что на эти собесѣдованія шли безчисленныя толпы, что удивительнаго, что по окончаніи собесѣдованія, предшествуемаго молитвою и акафистомъ, эти толпы сибинили получить благословеніе о. Михаила: всѣмъ хотѣлось поближе взглянуть на того, кто своимъ словомъ возмизгалъ въ ихъ немученой груди небесный огонь, кто пробуждалъ въ ихъ душѣ чувство вѣры и надежды на лучшее будущее, кто умѣлъ воспретать въ ихъ душѣ бесконечно издоердый Ликъ Христа, кто умѣлъ дать имъ почувствовать силу чудныхъ словъ нашего Спасителя: «Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененные, и Я упокою»

вас; возьмите его Мое на себя и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и смиренъ сердцемъ, и найдете покой душамъ вашим; ибо его Мое благо и бремя Мое легко». Да, правъ, тысячу разъ правъ былъ московскій святитель, Высокопреосвященнѣйшій Владимиръ, увидѣвая въ своихъ письмахъ о. Михаила «беречь свои дорогія для Церкви силы», и дай Боже шире православной Церкви и впереди побольше такихъ же дѣателей: вѣдь въ нихъ сила и спасеніе святой Руси.

Намъ не хотѣлось бы, чтобы высказанная нами мысль оказалась кому-нибудь преувеличеніемъ, выходящимъ за пределы родственной любви къ починику. Поэтому сошлемся на авторитетъ лица, относительно котораго нельзя предположить ничего такого, что можно предположить въ отношеніи къ намъ. Петербургскій протоіерей, о. Ф. Н. Орнатскій, одно изъ несомнѣваемыхъ украшеній нашей православной Церкви, знавшій о. Михаила всего лишь въ-сколько мѣсяцевъ, и то больше съ дѣловой стороны, написалъ возмущенно въ своей статьѣ, помѣщенной въ № 18 *С.-Петербургскаго Духовнаго Вѣстника* за 1899 г., охарактеризовать петербургскую дѣятельность о. Михаила въ слѣдующихъ словахъ:

«Въ Петербургѣ о. Михаилу Павловичу открылось широкое поле дѣятельности, и онъ, къ сожалѣнію, говоря по-человѣчески, — слишкомъ нерасчетливо развернулъ всѣ свои богатые силы, желая удовлетворить всѣ обращенныя къ нему запросы. Едва онъ переселился лѣтомъ прошлаго года въ Петербургъ и вступилъ въ отправление новыя и многосложныя обязанности по Училищному Совѣту, какъ уже чинить земліи на лѣтнихъ педагогическихъ курсахъ учителей церковныхъ школъ Петербургскаго района, а по осени принимаетъ дѣятѣльнѣе участіе въ организаціи перваго чрезвычайнаго собранія Училищнаго Совѣта 7—13 августа 1898 г., предѣлительствуя въ одномъ изъ его отдѣловъ. По этой своей дѣятельности о. Михаилъ имѣлъ великое утѣшеніе, когда собраніе приняло, по его ини-

ціативъ, важную иѣру — ходатайствовать передъ Свят. Синодомъ о повсеместномъ по всей имперіи отчисленіи 2% съ казноваго дохода церкви и монастырей на пользу народнаго просвѣщенія въ духъ православной Церкви. О. Михаилъ горячо пріятствовалъ это постановленіе въ *Церковныхъ Вѣдомостяхъ* № 34 1898 г. Это была прадина для о. Михаила. Среди будничныхъ занятій Училищнаго Совѣта на долю о. Михаила выпали, кромѣ другихъ трудовъ, занятія по расширенію издательской дѣятельности, къ которой онъ былъ такъ хорошо подготовленъ. И—Боже мой! сколько плановъ и предположеній носилось въ его головѣ объ издаваніи книгъ для чтенія и учебниковъ для церковныхъ школъ. Но изданіе учебной библіи, кажется, всего больше его занимало, а на первомъ по времени планѣ для исполненія стояло изданіе *учебника по исторіи*, ближайшимъ образомъ для Свято-Владимірской учительской школы въ Петербургѣ, которую онъ горячо любилъ. Въ то же время М. П. со всѣмъ пыломъ продолжалъ и любимыя свои занятія проповѣдью и журнальной работой. Съ обществомъ религиозно-нравственнаго просвѣщенія онъ заочно былъ знакомъ еще въ Москвѣ, и когда онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, первымъ дѣломъ его было познакомиться съ его членами. Несмотря на свои трудныя занятія, онъ нѣсколько разъ посѣтилъ проповѣдническія собранія, самъ предложилъ въ одномъ изъ нихъ свою рѣчь противъ насильячаго разгуда и постыжно, еженощно вѣлъ духовныя бесѣды въ церкви Младушней Божіей Матери въ Гавани, недалеко отъ мѣста его жительства. Слушатели горячо полюбили увѣденнаго проповѣдника и мыслями окружали его извѣду, останавливая его на долгое время при выходѣ для благословенія. Служба въ церкви седми вселенскихъ соборовъ при Свят. Синодѣ, М. П. почти всегда сопровождалъ свои служенія проповѣсеньемъ глубоко владѣтельныхъ и живыхъ по изложенію поученій. Удивительно было видѣть на одной недѣлѣ дѣя его прекрасныя проповѣди насчетативными одну

въ Церковныя Видеиства, другую—въ Духовномъ Вѣсникѣ. Нашъ журналъ потерялъ въ о. М. Иа. дорогого, великаго, убѣжденнаго сотрудника. Вѣроятно, напечатанный въ послѣдней № 15—16 Духовномъ Вѣсникѣ его правды читателю («Христосъ воскрес!») есть послѣднее печатное произведеніе его. Не менѣе удивительно и жаль было видѣть о. Михаила въ минувшую зиму (98—99 г.) ораторомъ на отчиточныхъ заведеніяхъ при многолюдныхъ и блестящихъ собраніяхъ разныхъ обществъ. Едва оны проишлись свою рѣчь въ собраніи членовъ Братства Пресвятыя Богородицы, въ квартирѣ оберъ-прокурора Свят. Синода, какъ уже готовилъ рѣчь для собранія Славянскаго Общества; только что проишлись ея, какъ ѣдетъ въ Москву, по вызову своихъ друзей, читать богословскую лекцію, въ организаціи которыхъ въ Москвѣ при началѣ принялъ видное участіе...

Намъ осталось немного прибавить къ сказанному о петербургскомъ періодѣ жизни о. Михаила. Саушебная и церковно-общественная дѣятельность до такой степени увлекла его, что ему не оставалось достаточно времени для того, чтобы серьезно подумать о своемъ здоровьи. А подумать было необходимо: припадки болѣзни, вродѣ осенняго, повторялись все чаще и чаще. Наконецъ вскрылась и истинная причина ихъ: то была грудная жаба, возникшая на нервной почвѣ. Очевидно, верная система о. Михаила не выдержала трудовъ, неприятностей и напряженія послѣднихъ лѣтъ. И не успѣвъ еще всѣ любяшіе и цѣнящіе о. Михаила придти въ себя отъ вѣсти о роковой болѣзни, какъ послѣдовали и печальный исходъ: туго натянута струна оборвалась, и о. Михаилъ не стало: 27 апрѣля 1899 года оны внезапно скончался *).

* Мы не станемъ описывать тяжелыхъ моментовъ, послѣдовавшихъ за смертью о. Михаила: слышавъ оны болѣзненно отпавшестя въ сердцѣ покаяніе и милъ. Притомъ же въ свое время оны уже были ослѣпши. Смерть же оны прочтенъ сталъ врс. Нилова: «Намъ неслабеннаго сотрудника» въ изданіи вѣдѣтъ Духов. Членъ за 1899 г.

Прошло уже два года со дня кончины о. Михаила. Время сгладило первоначальную муку сердца, вызванную его смертью. Но тѣмъ живѣе встаетъ въ воображеніи дорогой образъ о. Михаила, незатеняемый уже острою первоначальнаго горя, и когда стоимъ на кладбищѣ Донскаго монастыря, смотря на его скромный памятникъ, точно живыя раздаются въ душѣ слова его, слова, изображающія какъ подвигъ его собственной жизни, такъ и самыя заветныя стремленія его, ради которыхъ оны шли и трудился:

«Всякое истинно живое дѣло творить любовью, святое одушевленіе, омыленное молитвой и надеждой на помощь свыше. И такой трудъ всѣмъ любви къ дѣлу, всѣмъ послушанія святой воли Божіей, такой трудъ, даже тяжкій, трудъ безъ отдыха, изнурительный, трудъ-страда, трудъ съ лишениями, съ бессонными ночами, со слезами, никогда не очерствѣтъ сердца, не озлобитъ, напротивъ, дастъ труженику такіа утѣшенія, о которыхъ не снится и мечтати наивѣннѣе роскошью и глѣвою. Такой трудъ приведетъ къ Тому, Кто проишлись эти чудныя божественныя слова: «Придите ко Мнѣ всѣ труждающіеся и обремененныя!» (Мѣ. XI, 28).

И еще:

«Растите, дорогія русскія дѣтя, растите, какъ роза, растущая на полѣ при потѣхъ, издавайте благоуханіе, какъ лаванъ; цвѣтите, какъ лавы, и пойте пѣснь, благословляете Господа во всѣхъ дѣлахъ, величайте имя Его и прославляете Его хвалюу Его, исынами устъ и, прославляя, говорите такъ: «всѣ дѣла Господа весьма благотворны, и всякое повелѣніе Его въ свое время исполняется!» (Сир. XXXIX, 16—21).